ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ПОДНЕПРОВЬЯ

ДНЕПРОПЕТРОВСК — 1990

Государственный комитет СССР по народному образованию

Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет
имени 300-летия воссоединения Украины с Россией

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ПОДНЕПРОВЬЯ

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Издательство ДГУ
1990

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ПОДНЕПРОВЬЯ

Исследования по археологии Поднепровья: Межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1990. 138 с.

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает публикацию археологических материалов, полученных экспедицией ДГУ в результате раскопок курганных могильников в Днепропетровской области — на р. Самаре, в южных районах, прилегающих к Великому Лугу и Криворожью. Хронологический диапазон публикуемых памятников традиционен — энеолит — бронзовый век, ранний железный век и средневековье. Часть статей посвящена специальным исследованиям по проблемам ремесла, духовной культуры, этнической и хронологической атрибуции групп памятников степной Украины.

Издание предназначается для специалистов — археологов, краеведов, студентов исторических факультетов.

Ил. 37. Табл. 6. Библиогр. — 283 назв.

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. **А. Д. Пряхин**,
д-р ист. наук, проф. **В. М. Массон**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук, проф. **И. Ф. Ковалева** (отв. редактор), канд. ист. наук, доц. **З. П. Марина** (зам. отв. секретаря), д-р ист. наук, проф. **Н. Я. Мерперт**, канд. ист. наук, доц. **А. А. Моруженко**, д-р ист. наук, проф. **Б. А. Шрамко**, мл. науч. сотр. **А. В. Андросов**

© Издательство Днепропетровского университета, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее издание объединяет статьи и публикации, в которых рассматриваются погребальные памятники различных археологических эпох и культур, происходящие из курганов степного Поднепровья.

С большей полнотой религиозно-мировоззренческие представления дописьменного периода восстанавливаются по археологическим источникам, характеризующим погребальный обряд, включающий набор раз установленных традиционных действий, сопровождавших смерть и погребение соплеменника. Единственной универсальной формой надмогильного сооружения от эпохи энеолита до развитого средневековья украинской Степи являлись курганы—земляные насыпи, неотделимые от ее природного ландшафта. Поскольку местность считалась обжитой с момента появления на ней могилы предка, курганные насыпи многократно использовались для совершения погребений и рядом с одиночными насыпями возводили другие, образуя группы или целые курганные поля. Результатам исследования таких групп посвящены коллективные публикации сборника.

В статье Н. Н. Бондаря приводится описание поселения эпохи ранней бронзы на о-ве Перун в Надпорожье — малоизвестного памятника, важного для понимания особенностей катакомбной культуры района. Вопросам технологии кожевенного производства эпохи бронзы посвящена статья С. Н. Ляшко. Объяснение назначения наборов альчиков, представленных в срубных погребениях, дается в статье И. Ф. Ковалевой.

Проблемам скифо-сарматской археологии посвящен ряд статей, из которых можно выделить исследование С. В. Полина и А. В. Симоненко, рассматривающее «раннесарматские» погребения Северного Причерноморья. Безусловный интерес представляет публикация киммерийских погребений Криворожья.

Включены в сборник статьи В. Н. Шалобудова и А. П. Безверхого, посвященные анализу погребений средневековых кочевников.

А. В. АНДРОСОВ, И. И. ЯРЕМЕНКО,
Д. В. МАРТЮШЕНКО

КУРГАНЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА — БРОНЗОВОГО ВЕКА КАМЕНСКОГО ПОЛЯ

Каменское курганное поле расположено на высоком водораздельном плато, ограниченном в южной части долинами рек Базавлук и Каменка, а в центральной — их притоками Базавлучком и Желтенькой. Ширина плато колеблется от 1,5 до 8 км, протяженность с юга на север — 25 км в пределах Апостоловского и Софиевского районов Днепропетровской области. Бассейн Базавлука, впадающего в Днепр в пределах Великого Луга (ныне — Каховское море), представляет исключительно благоприятные условия для скотоводства, чем и объясняется насыщенность района археологическими памятниками — на площади около 80 км^2 расположены более 150 курганных насыпей, расстояние между которыми не превышает 2 км.

Как показали исследования курганов, проводимые на Каменском поле с начала 50-х гг. [1, с. 24—38; 2, с. 45—60; 3, с. 114—127; 4, с. 54—74], большинство насыпей сооружено в скифо-сарматское время, однако все курганные группы складываются вокруг могильников энеолита и бронзового века.

В 1986 г. новостроечной экспедицией ДГУ произведены раскопки 39 курганов в центральной части Каменского поля. Двенадцать насыпей в составе 5 групп содержали 92 погребения от энеолита до предскифского периода; покультурное их описание и анализ предприняты в настоящей статье*.

Относительная малочисленность известных до настоящего времени энеолитических курганов «доямного» периода на территории степного Поднепровья, сложность и дискуссионность их культурной интерпретации требуют развернутого описания новых материалов, полученных в результате раскопок насыпей № 3 и 4 группы V Каменского поля.

Курган 3 представлял собой овальную насыпь площадью 48×41 м, вытянутую по оси ССЗ—ЮЮВ, высотой 1,65 м. Во всех стратиграфических разрезах не зафиксирована линия древнего горизонта погребенной почвы, что, возможно, объясняется преднамеренной подготовкой подкурганной площадки — уничтожением степной растительности. Первичная насыпь сооружена из светлого суглинка, взятого

* Скифским материалам Каменского поля будет посвящена отдельная публикация.

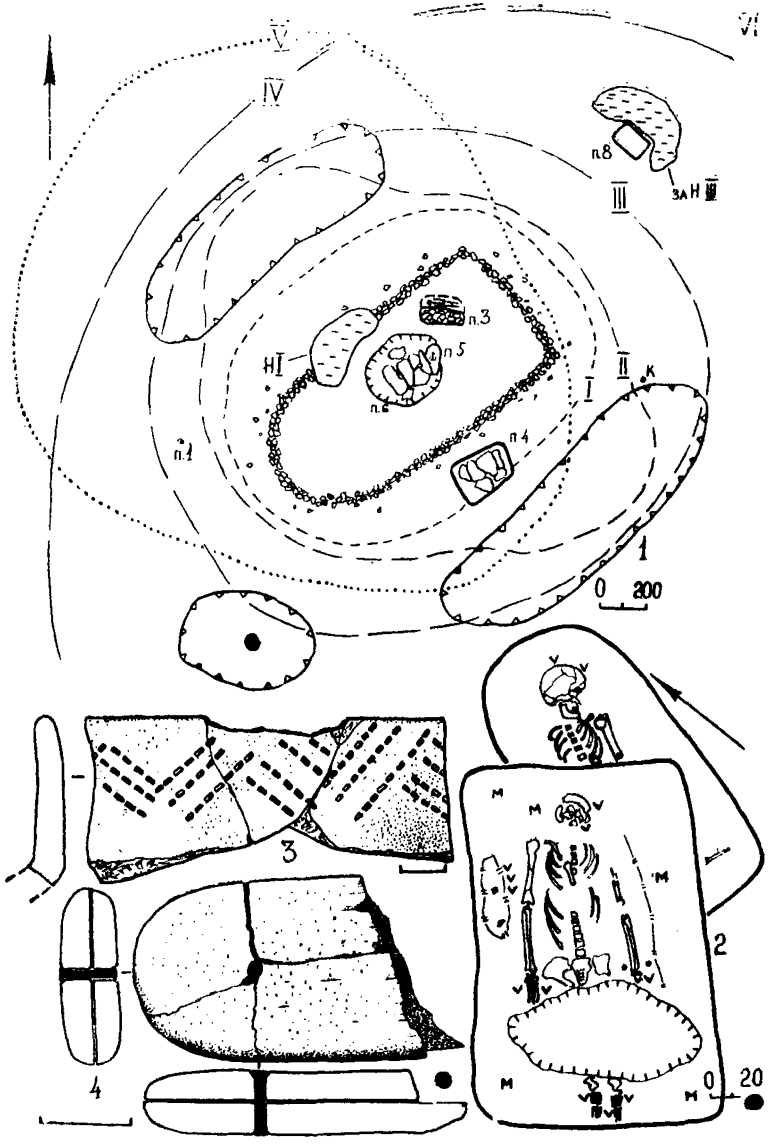


Рис. 1. Энеолитические материалы Каменского поля:

1 — центральная часть кургана 5.3; 2 — план погребений 5 и 6; 3 — рукоять ножа «усатовского» типа из п. 5; 4 — фрагмент сосуда из насыпи кургана 5.4

из трех ям к югу, северо-западу и юго-востоку от площадки (рис. 1.1). Их глубина достигала 0,85 м, площадь 13×4; 15×4,5 и 5,5×4 м. Насыпь окружал кромлех из мелких известняковых камней размерами 12×6,5 м, частично разрушенный при оплывании. Выделяемая кромлехом площадка в плане напоминает каменную стелу эпохи энеолита — ранней бронзы. Высота первичного кургана — 0,65 м, вершина плоская.

Основное погребение № 5 произведено в неглубокой (0,45 м) яме размерами 1,4×0,7 м, ориентированной по оси ЮЮЗ—ССВ. Южная часть ямы срезана впускным ямным погребением № 6, в новое время в центре кургана был грабительский раскоп, поэтому судить о характере перекрытия затруднительно (рис. 1.2). Северная—северо-восточная стенка могилы закруглена, противоположная — прямая. Скелет взрослого, от которого сохранились череп и кости грудного отдела, лежал на спине, головой к северу—северо-востоку. Судя по размерам ямы, ноги были согнуты в коленях. Череп окрашен охрой. На груди находилась часть рукояти ножа из двух костяных пластин, скрепленных медной заклепкой (рис. 1.4).

Курган 4, располагавшийся в 60 м южнее, сильно пострадал при сооружении впускного сарматского захоронения (центральная часть подверглась перепланировке). Первоначальная конструкция идентична кургану 3, от нее сохранились три овальные ямы в суглинке и камни кромлеха. Основное погребение разрушено, с ним предположительно связывается находка привенчиковой части сосуда с примесью раковины в тесте, серолощеной внешней поверхностью и тройным зигзагом оттисков крупнозубчатого штампа (рис. 1.3).

Конструкция первичного кургана 3 уникальна, однако отдельные ее элементы (светлая суглинистая насыпь, специальные ямы в материке, фигурный кромлех) находят однозначные параллели в курганной архитектуре Усатово [5, с. 30, 38], как и обряд основного погребения. Костяная рукоять ножа аналогична рукоятям позднетрипольского типа из Огородного [6, с. 250] и Нерушая [7, с. 310, табл. LXXXIX, 5]. Фрагмент сосуда из кургана 4, на наш взгляд, имеет параллели в энеолитических культурах Степи [8, с. 12].

Погребальный обряд, особенно курганная архитектура, не может быть предметом «импорта», что правомерно предположить для сопровождающего инвентаря. В материалах курганов 3 и 4 фиксируются реальные черты взаимодействия и смешения культурных групп энеолитической эпохи [9, с. 66].

Следует обратить внимание на соотношение основного погребения кургана 3 с разрушившим его первым ямным впуск-

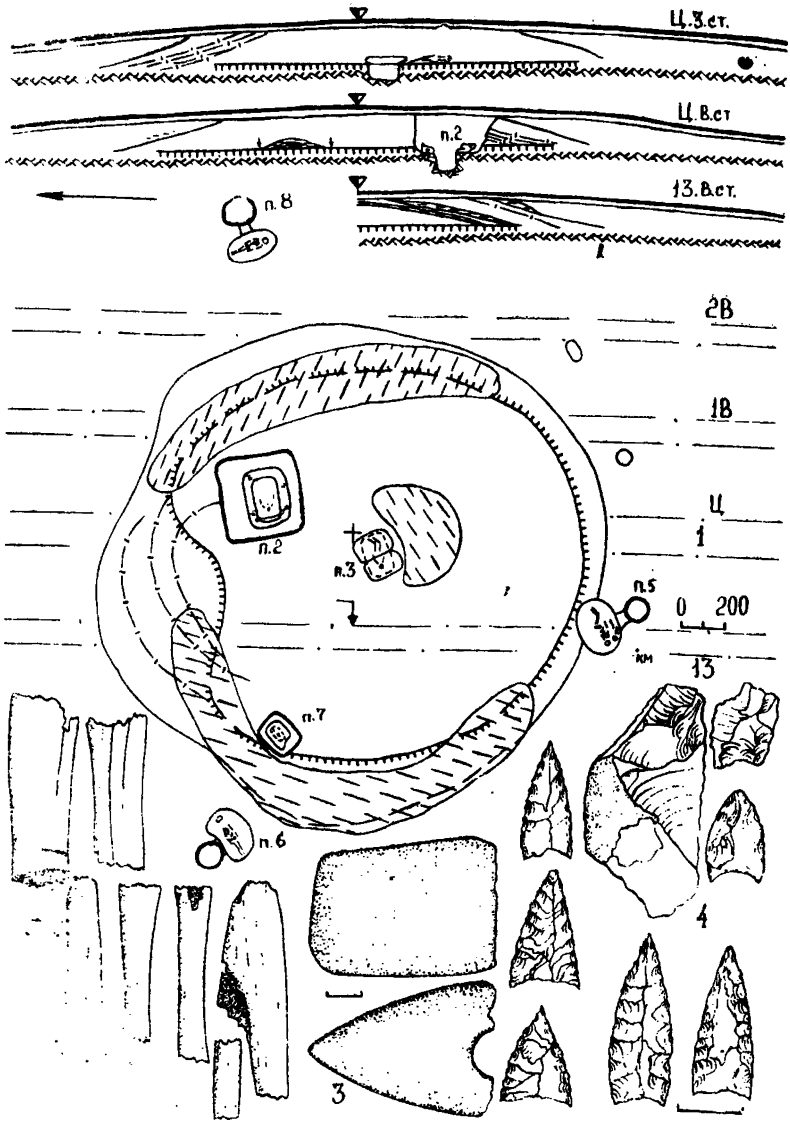


Рис. 2. Материалы ямного времени Каменского поля:

1 — центральная часть и разрезы кургана 4.1; 2 — обработанные птичьи кости из погребения 1.8.2; 3 — каменный топор из погребения 3.4.5; 4 — инвентарь погребения 5.4.5

ным погребением № 6, что может свидетельствовать об их разнокультурности [10, с. 92]. Кольцевая досыпка для ямного погребения при оплывании сползла «языками» в углубления конструкции первичного кургана (рис. 1.1). Это значит, что хронологический разрыв между погребениями не был большим, углубления не успели снивелироваться.

В 1986 г. на Каменском поле исследовано 50 ямных погребений, которые были произведены в 11 курганах. Определенный интерес представляет конструкция кургана № 1 группы 4 (рис. 2.1). При сооружении первичной насыпи дерн был срезан за пределами круглой площадки радиусом 8,5 м, в центре которой располагалось основное погребение № 3. В северной—северо-западной части почвенный слой был срезан значительно ближе к центру, вследствие чего подкурганная площадка в плане приобрела форму «ущербной луны». Грунт уложен в насыпь, повторяющую эту форму. В образовавшейся выемке тремя слоями, разделенными илистыми обмазками, уложены темный грунт, серо-желтый предматериковый слой и желтый суглинок. После естественного оплывания первичный курган имел диаметр 21 м со светлым выступом к северу—северо-западу. Затем к северо-востоку и северо-западу последова-

Таблица 1

Курганы ямной культуры Каменского поля

Группа, курган	Общая высота	Диаметр	Количество ямных насыпей	Количество ямных погребений	Стратиграфическая последовательность погребений*
1,8	0,7	31	1	2	2, 1
1,9	1,1	24	1	4	2, (3, 4, 5)
2,4	1,3	30	3	3	7, 3, 4
2,5	3,75	54	7	10	19, 2, 17, 3, 7, (5, 8, 10, 9), 14
3,2	0,9	27	1	3	2, (4, 5)
4,1	1,75	55	2	3	3, (2, 7)
4,2	1,65	38	2	13	6, 5, (3, 12, 13, 14, 15; 1, 20, 18, 19, 17, 16)
4,6	0,8	28	1	4	7, (1, 8, 9)
5,3	1,65	48×41	3	3	6, 8, 4
5,4	0,8	32	1	3	5, (4, 1)
5,13	1,0	14	1	1	2

* Скобками объединены группы погребений, впущенные с одного уровня или сопровождавшиеся общей досыпкой (2.5).

тельно впущены погребения № 2 и 7, суглинистые выбросы из которых лежали длинными полудугами на полах первичного кургана. После этого произведена кольцевая досыпка.

Подобная конструкция с выступами из чередующихся слоев различного по цвету грунта зафиксирована в двух курганах у с. Широкое (11, рис. 4), где носила явно сакральный характер. Аналогичный строительный прием отмечен в большом антропоморфном кургане у с. Холмское [12, с. 65, рис. 6, А].

Курган 2 группы IV сооружен для основного ямного погребения № 6 (рис. 3.1). Над могилой была возведена насыпь диаметром 17,5 м. В северном поле произведено ямное погребение № 5 (рис. 4.1), выброс из могилы которого аккуратно уложен на площади 16×7 м, частью с заходом в западину первичного кургана. Строительство досыпки для погребения № 5 велось одновременно с укладкой выброса, о чем свидетельствует его слоистость (рис. 3.1, Ц, В ст.). Остальные погребения совершены с уровня первой досыпки. Ямные располагались в западной части, образуя две полудуги — северо-западную, в которой погребенные ориентированы головой против часовой стрелки, и юго-западную (№ 1, 20, 18, 16 и два кенотафа № 17 и 19) с противоположной ориентацией погребенных. Обе дуги заканчивались расчлененными погребениями № 15 и 16. Катакомбные погребения (6) устроены только в восточном секторе.

В составе перекрытия впускного погребения № 5, отличающегося большими, чем обычно, затратами труда на сооружение могилы (рис. 4.1), находилась известняковая плита размерами 1×1,05×0,25 м, внешняя поверхность которой орнаментирована 28 параллельными рядами косых насечек, имитирующих оттиск шнура. Форма плиты, на наш взгляд, передает голову быка (рис. 3.2). Убедительные культурно-хронологические параллели культу быка недавно представлены В. Я. Кияшко [13, с. 76—88]. Поддерживая точку зрения автора о семантике образа быка в мифологии раннего бронзового века, полагаем, что и форма выброса из погребения № 5, описанная выше, определяется этим культом.

В связи с тем что к настоящему времени в Степном Причерноморье исследовано значительное количество ямных погребений, основной задачей археологов является сопоставление массивов различных районов, выделение локальных культурно-хронологических групп и т. д. Поэтому считаем целесообразным свести варьирующие признаки ямных захоронений в табл. 2, дополнив ее характеристикой погребений по типам.

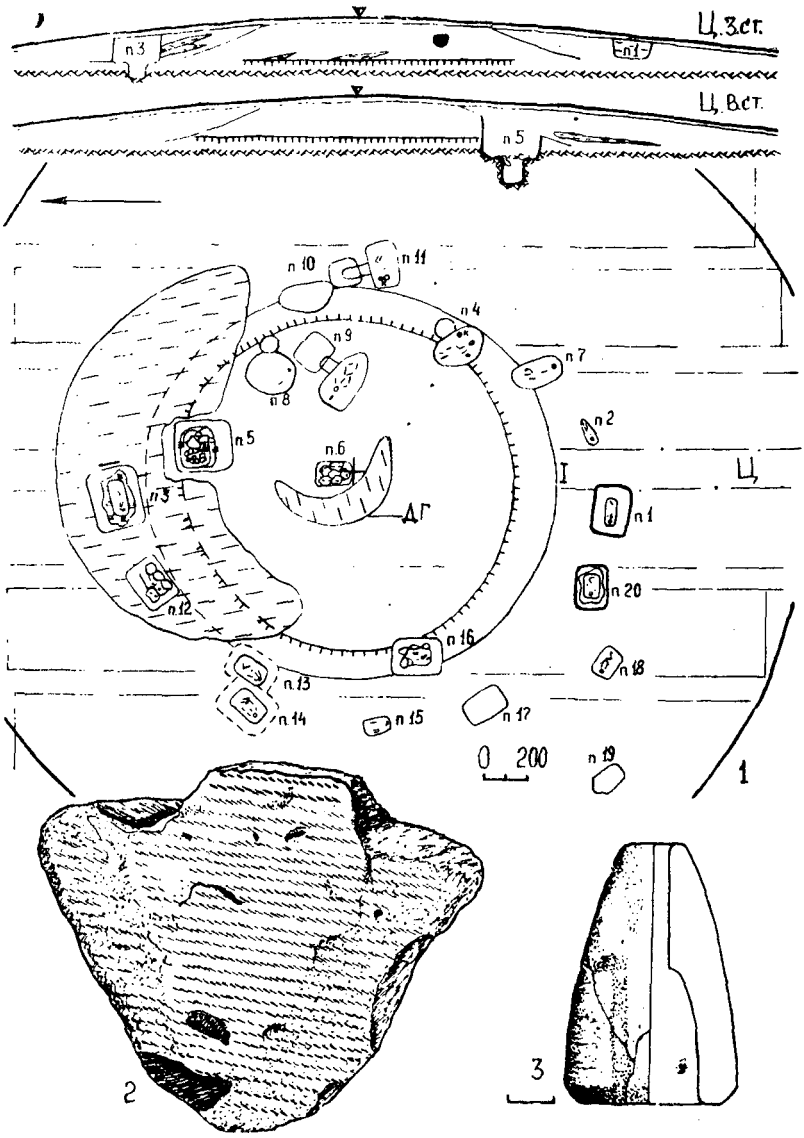


Рис. 3. Материалы ямного времени Каменского поля:
1 — план и разрезы кургана 4.2; 2 — стела из погребения 4.2.5;
3 — сопло из погребения 4.2.7

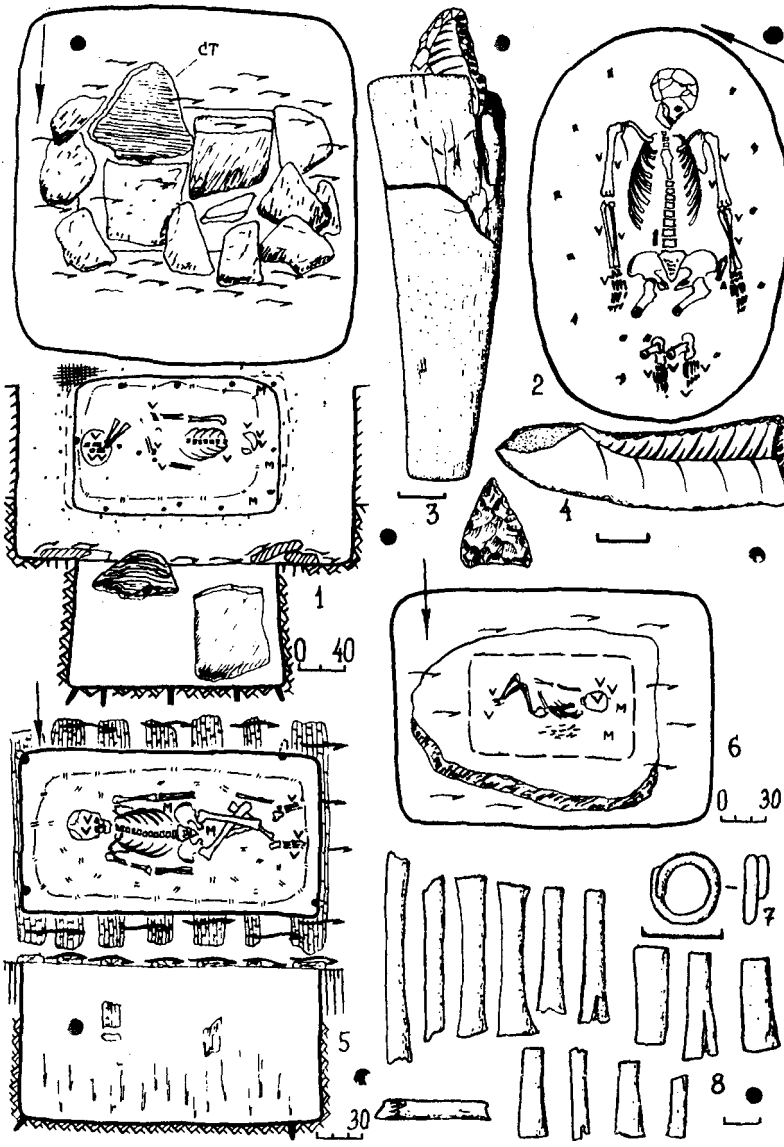


Рис. 4. Типы ямных погребений и инвентарь Каменского поля:

1 — погребение 4.2.5, план и разрез; 2—4 —погребение 5.3., план и инвентарь; 5 — погребение 2.5.19, план; 6—8 — погребение 2.4.4, план и инвентарь

Таблица 2

Основные признаки ямных погребений Каменского поля*

Шифр	Сектор	Расстояние от репера, м	Перекрытие	Скелет			Инвентарь	Рисунок
				возраст	поза	ориентация		
1.8.1	СЗ	7,8	Д	В	2б	Ю		
1.8.2	Ц	осн.	К	В	1а	СЗ	Комок охры, пронизи	2:2
1.9.2	Ц	осн.	Д	В	2	З		
1.9.3	СЗ	10,0	Д	В	1б	ЮЗ		
1.9.4	СЗ	3,4	К	В	1	З		
1.9.5	В	2,5	—	кенотаф				
2.4.3	З	2,0	Д	разрушено				
2.4.4	С	3,7	К	Р	2а	З	Височное кольцо, пронизи	4.6—8
2.4.7	Ц	осн.	К	В	1а	В	Топор	2.3
2.5.2	СЗ	4,5	К	В	1в	В		
2.5.3	ЮЗ	8,8	Д	В	1	Ю		
2.5.5	ЮЗ	12,4	К	кенотаф				
2.5.7	В	1,2	Д	В	1	З	Комок охры	
2.5.8	ЮЗ	12,4	Д	В	1а	Ю		
2.5.9	З	11,8	К	В	1в	С	Сосуд	8.1
2.5.10	ЮЗ	12,5	К	В	2б	С	Сосуд	8.2
2.5.12	ЮВ	10,0	Д	В	1	ЮЗ		
2.5.14	В	9,0	К	В	1а	С—СВ	Раковина	
2.5.17	С	4,6	Д	В	?	В	Отщеп	4 5
2.5.19	Ц	осн.	Д	В	1а	В		
3.2.2	Ц	осн.	К	В	1	ЮВ		
3.2.4	СВ	9,5	Д	В	1а	З		
3.2.5	СЗ	9,5	Д	В+Р	1г	СЗ		
4.1.2	С	4,0	Д	В	1а	З		

4.1.3	Ц	осн.	К	В	1б	ЮЗ			
4.1.7	З	9,0	К	Р	2б	СВ	Сосуд, комок охры	8.4	
4.2.1	Ю	11,4	Д	В	1а	СЗ			
4.2.3	С	9,7	Д	В	2б	З	Раковина		
4.2.5	С	6,8	К	В	1а	З	Стела в перекрытии	3.2; 4.1	
4.2.6	Ц	осн.	К	Р	1а	Ю	Комок охры, сосуд	8.3	
4.2.12	СЗ	10,2	К	В	1а	ЮЗ			
4.2.13	СЗ	9,8	Д	В	3а	ЮЗ			
4.2.14	СЗ	11,0	Д	В	1а	ЮЗ			
4.2.15	З	11,3	Д	В	расчленен				
4.2.16	З	9,0	К	В	расчленен				
4.2.17	ЮЗ	11,5	Д	кенотаф					
4.2.18	ЮЗ	13,5	Д	В	2а	СЗ			
4.2.19	ЮЗ	17,0	—	кенотаф					
4.2.20	Ю	11,2	Д	В	1в	З			
4.6.1	Ю	7,6	Д	Р	1б	З			
4.6.7	Ц	осн.	К	В	расчленен				
4.6.8	СЗ	4,5	Д	В	1а	З			
4.6.9	СЗ	6,6	Д	В	2б	З			
5.3.4	ЮВ	5,5	К	В	1а	З			
5.3.6	Ц	осн.	К	В	1а	СВ			
5.3.8	СВ	13,5	—	кенотаф					
5.4.1	СВ	9,0	Д	Р	?	ЮВ	Сосуд	—	
5.4.4	В	5,8	Д	В	1а	З			
5.4.5	Ц	осн.	Д	В	1а	СВ	6 стрел, нож, отщеп	2.4	
5.13.2	Ц	осн.	Д	Р	1а	З	Сосуд		

* *Основные погребения и первые впускные ямные в энеолитические курганы* в графе «Сектор» обозначены Ц. Перекрытие: Д — дерево; К — камень. Возраст: В — взрослый; Р — ребенок (антропологические определения произведены не для всех погребенных). Поза указана по О. Г. Шапошниковой [6, с. 17, 18]; ? — поза не ясная.

Все ямные погребения совершены в простых грунтовых ямах (впускные — в ямах с уступом) с каменным (19) или деревянным (28) перекрытием. Размеры собственно могильных ям не превышают 1,7×1,3 м, глубина от уровня перекрытия до 1,1 м, дно закрывает органическая подстилка. Охра встречена в большинстве погребений (84%), чаще всего она окрашивала лобную часть черепа и стопы погребенных. В 56% могил, независимо от материала перекрытия, в дне обнаружены ямки от кольев круглой или сегментовидной в плане формы — следы шалашей или навесов, использованных в погребальных ритуалах [14, с. 76].

В курганах, содержавших более 4 ямных погребений, при сооружении впускных соблюдалась кольцевая планировка, отмечается тенденция ориентации погребенных против часовой стрелки для северного полукруга и обратной — для южного (за исключением кургана 2 группы IV, описанного выше). Ориентация основных погребений неустойчива. Положение погребенных устанавливалось в 39 случаях, они лежали на спине с подогнутыми коленями вверх ногами (30), скорчено на правом (8) и левом (1) боку (рис. 4.1, 5, 6).

Сочетание положения погребенных и материала перекрытия позволило в свое время О. Г. Шапошниковой выделить 6 типов погребений для района Поингулья [15, с. 19]. Предложенная схема, хотя и не учитывает многообразия параметров погребального обряда [16, с. 28 и сл.], в частности ориентацию скелетов, вполне пригодна для первичной обработки различных по объему массивов ямных захоронений.

Для Каменского поля наиболее многочисленны погребения типа IV — скорченные на спине, перекрытие деревянное — 17 шт. (2 основных). За ним следует типI — в том же положении с каменным перекрытием — 12 шт. (6 основных); следующий тип V — скорченные на правом боку, перекрытие деревянное — 5 погребений (основное). Погребения типа II— на правом боку под каменным перекрытием — в трех случаях были впускными при погребениях типа I и IV; тип VI встречен однажды (на левом боку, перекрытие каменное). Остальные — кенотафы (5, в двух случаях с ними связаны досыпки) и расчлененные погребения (3, 1 основное).

Согласно предположению О. Г. Шапошниковой, выделенные типы погребений соответствуют в Побужье и Поингулье вполне определенным этническим группам в ямной культурно-исторической общности [17, с. 52]. Следовательно, взаимодействие групп ямного населения, оставившего погребения на Каменском курганном поле, было очень тесным.

Ранняя группа (6 из 11 основных погребений), представленная типом I, довольно быстро смешивается с многочисленным типом IV, что подтверждается стратиграфическим чередованием погребений этих типов в одном кургане и даже в пределах одной дуги при кольцевой планировке. Погребения остальных типов немногочисленны и в целом более поздние по отношению к I и IV. Аналогичная картина распределения типов погребений отмечается и на более представительных (197 погребений) материалах всего бассейна Базавлука, опубликованных Л. Г. Самойленко [18, с. 68, 69], и в более северных и восточных пространствах открытой Степи [19]. Сочетание I и IV типов погребений при количественном преобладании последнего определяет специфику очерченного района в отличие от южной части степной зоны Украины в пределах приднепровского варианта ямной культуры [20, с. 275].

Инвентарь сопровождал 30% погребенных, что с учетом доверительного интервала [21, с. 178] вполне сопоставимо с различными выборками по ямной культуре Степного Причерноморья [16, с. 70; 17, с. 38; 22, с. 42]. В его составе 6 сосудов (рис. 8.1—5), пронизи из птичьих костей (рис. 2.2, 4,8), серебряная подвеска в 1,5 оборота (рис. 4.7), лезвийная часть каменного топора (рис. 2.3), наконечники стрел и кремневый нож (рис. 2.4), отщепы, створки раковин, комки охры. В целом инвентарь ординарен для степных ямных погребений.

Несколько особняком от серии ямных захоронений стоит погребение № 2, находившееся у самого края полы кургана 3 группы V, что позволяет предположить существование над ним самостоятельной насыпи, поглощенной в процессе строительства кургана 3. Глубина овальной ямы 0,95 м от поверхности, площадь дна 1,7×1,1 м (рис. 4.2). Скелет лежал на спине с поднятыми в коленях ногами, головой к северо-востоку—востоку, кисти и стопы окрашены бурой охрой. Погребенного сопровождали кремневый нож на пластине, наконечник стрелы и составное вкладышевое орудие (рис. 4.3, 4).

В десяти курганах Каменского поля открыто 29 впускных погребений, относящихся к различным обрядово-хронологическим группам катакомбной общности [23, с. 18—19]; от 1 до 6 погребений в кургане. Катакомбы сооружались в северо-западном и юго-восточном секторах курганов (12), остальные направления менее представительны. Взрослых захоронений— 19, детских — 4, парных — 2, тройных (ярусных) — 1, 2 кенотафа. Инвентарь сопровождал 72,4% погребенных. Суммарная характеристика катакомбных погребений приведена в табл. 3.

Катакомбные погребения Каменского поля

Шифр	Сектор	Расстояние, м	Обрядово-хронологическая группа	Возраст	Инвентарь	Рисунок
1.8.3	СЗ	14,0	кенотаф		Землеройное орудие, утяжелитель	
1.8.4	ЮЗ	11,5	2	В	Абразив	
1.9.1	СЗ	9,0	2	В	Сосуд	8.10
1.9.6	С	7,5	2	В		
1.9.7	ЮВ	9,8	2	В		
1.9.8	СВ	8,0	3	Р	Сосуд	8.14
2.4.5	ЮЗ	9,5	1	В	Сосуд, булавка	8.8; 5, 6, 7
2.5.4	СЗ	12,8	2	Р		
2.5.6	ЮВ	13,1	2	В	Сосуд, топор	8.18; 5.4
2.5.13	ЮВ	18,0	2	Р	Отщеп	
2.5.16	В	13,0	2	В	Сосуд	8.11
2.5.18	В	13,2	1	В+Р	2 сосуда, топор, проколка, раковина	8.6, 7 5.1—3
3.2.3	ЮВ	9,5	2	В	Сосуд	8.17
3.2.6	ЮЗ	8,0	2	В	Сосуд	
4.1.5	Ю	12,7	2	В	Ритуальный сосуд	
4.1.6	СЗ	15,0	2	В		
4.1.8	СВ	5,0	2	В		5.8
4.2.4	ЮВ	7,4	2	В	Ритуальный сосуд, сосуд	8.12
4.2.7	ЮВ	9,0	2	В+Р	Сопло	3.3
4.2.8	СВ	6,0	2	?	Ритуальный сосуд,	5.9
4.2.9	СВ	5,6	1	В	Топор	
4.2.10	В	8,0	2	кенотаф		
4.2.11	В	9,0	1	В	Сосуд	8.9
4.6.2	ЮВ	9,7	2	В	Сосуд	8.13
4.6.4	СВ	10,0	2	В	Комок охры	
4.6.5	СВ	9,5	2	2В+Р		
4.6.6	ЮЗ	9,5	2	В		
5.3.1	З	10,2	2	В	Булава	5.5
5.4.6	СЗ	6,5	2	Р	Ритуальный сосуд	

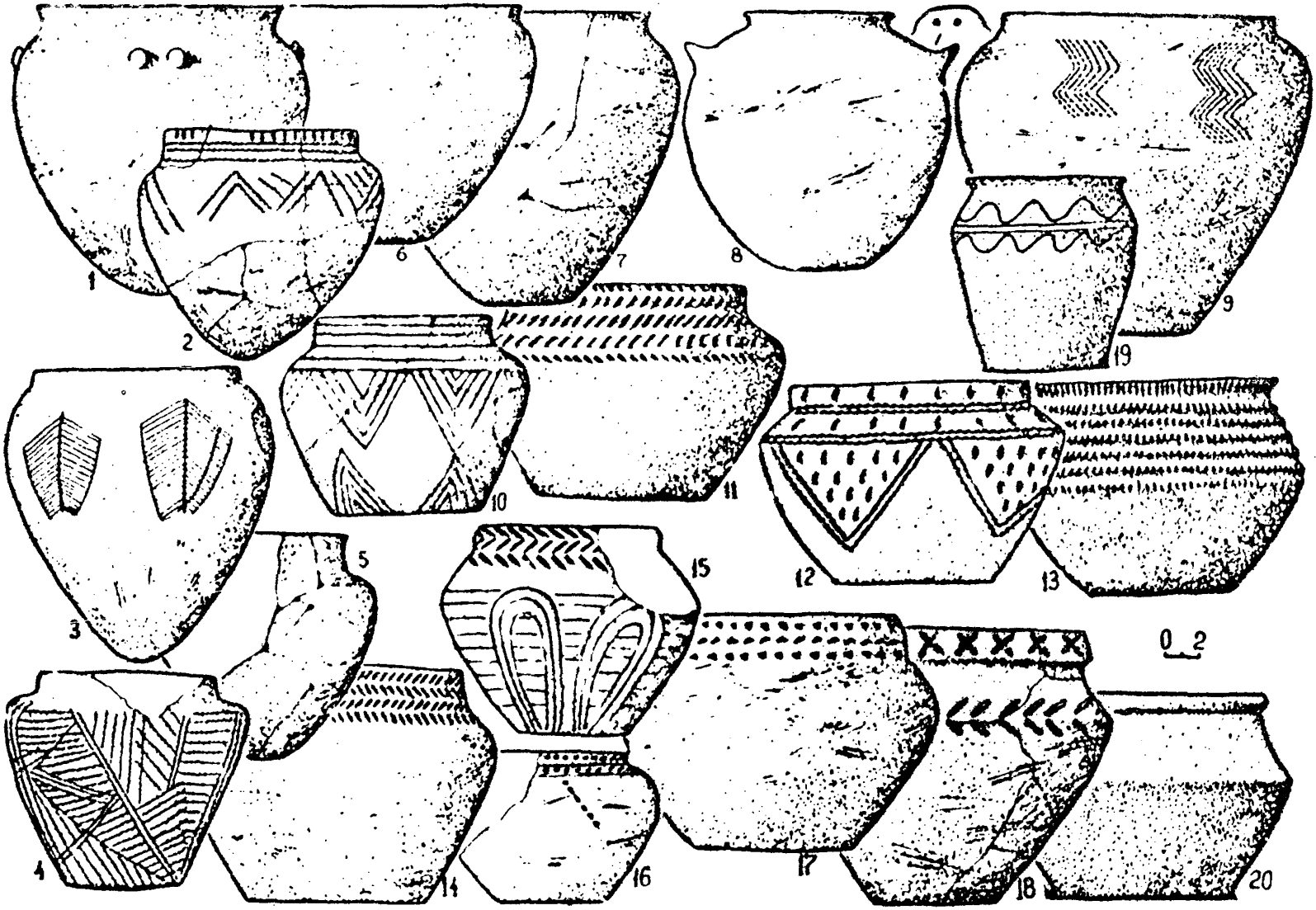


Рис.8. Керамические сосуды ямной /I-5/, катакомбной /6-I8/, ЮК /I9/ и срубной /20/ культур Каменского поля

Наиболее ранний горизонт составляют три погребения, произведенные в катакомбах с выделенными углами шахты и камеры, скелеты лежат скорченно на спине (табл. 2, 2.5.18; 4.2.9; 4.2.11; рис. 5.1). Они сопровождались сосудами с чер-

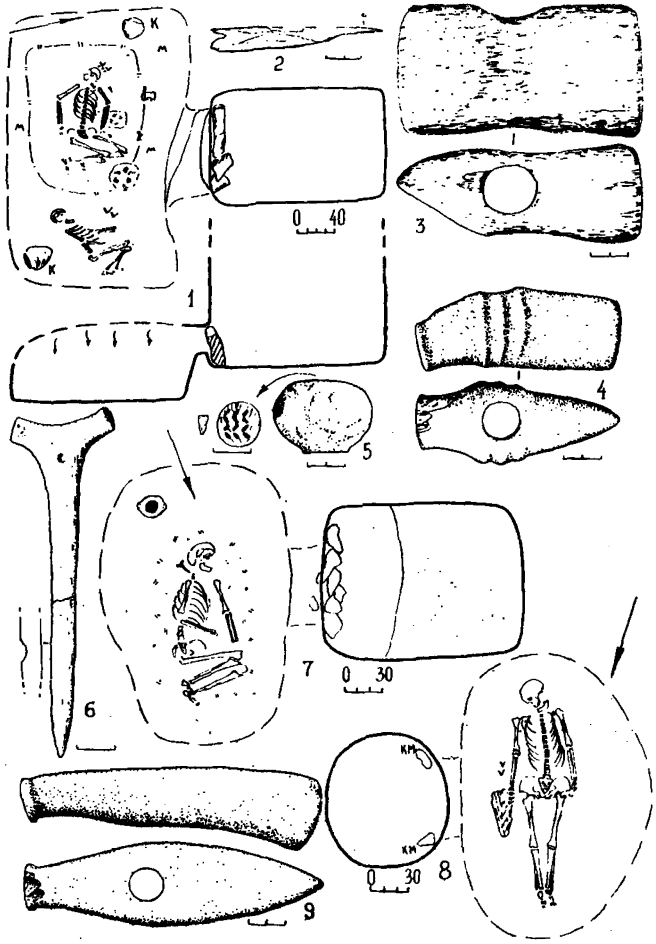


Рис. 5. Типы погребений и инвентарь катакомбного времени Каменского поля:

1—3 — погребение 2.5.18., план и инвентарь; 4 — топор из погребения 2.5.6; 5 — булава и орнаментация ее рукояти бронзовыми клинышками (погребение 5.3.1; 6, 7 — погребение 2.4.5, план и булавка; 8 — погребение 4.1.8, план; 9 — топор из погребения 4.2.9

тами ямной культуры (рис. 8.6—8.9), роговым топором-молотом (рис. 5.3), каменным топором (рис. 5.9) и костяной проколкой (рис. 5.2). Погребение 2.4.5 (рис. 5.7), произведенное скорченно на левом боку, сопровождалось круглодонным сосудом с ушками и роговой булавкой (рис. 5.6, 8), что позволяет отнести его к ранней группе Каменского поля.

Погребения второй обрядовой группы наиболее многочисленны (24), совершены в катакомбах с округлой шахтой и овальной камерой, скелеты вытянуты на спине (рис. 5.8). В составе инвентаря 7 глиняных сосудов (рис. 8.10—18), 4 ритуальных сосуда из остеокерамической массы с добавлением толченой раковины, каменный топор (рис. 5.4), булава (рис. 5.5) и абразив. Особо следует отметить погребение взрослого и ребенка, сопровождаемое каменным металлургическим соплом (рис. 3.3).

Обряд захоронения и керамические формы группы II соответствуют представлениям о так называемой днепро-азовской катакомбной культуре [24, с. 412—415].

Курган 2 группы II, содержавший захоронения культуры многоваликовой керамики, требует детального описания конструкции и стратиграфии погребений.

Насыпь высотой 0,7 и диаметром 24 м сооружена в один прием из однородного чернозема. Ее окружала кольцевая подпорная стенка-крепида диаметром 17 м (частично деформирована из-за оплывания и распашки), сложенная в технике постелистой кладки из известняка, связующим материалом служила глина (рис. 6.1). Аналогии подобной конструкции в курганах КМК нам неизвестны в отличие от развитого каменного домостроительства [25, с. 11—33].

Основное погребение № 2 совершено в овальной яме глубиной 0,95 м, вытянутой по оси СЗ—ЮВ, с подбоями под короткими стенками, площадь дна 1,4×0,6 м. Скелет лежал скорченно на правом боку, головой к северо-западу (рис. 6.7). Вплотную к костям рук стоял сосуд (рис. 6.3). Первое впускное погребение совершено с поверхности кургана на глубину 1,3 м в подпрямоугольной яме размерами 1,4×0,8 м, скелет лежал на левом боку, головой на запад, у колен находились сосуд (рис. 6.4) и остатки напутственной пищи.

При совершении второго впускного погребения № 3 в центральной части кургана насыпь снята на глубину 0,9 м (при этом срезан выброс основного погребения). Овальная могила размерами 1,05×0,55 м «нависала» над основным погребением № 2 и прорезала погребение № 1, что устанавливает ее позднейшее положение. Дно на глубине 1,55 м. Скелет лежал скорченно на левом боку, головой к северо-востоку. Перед

грудью стоял сосуд (рис. 6.6). После совершения погребения над ним сооружена каменная куполовидная округлая вымостка высотой 0,6 м и диаметром 3 м, перекрывавшая все три могилы. Среди камней находились развалы двух сосудов (рис. 6.2, 5).

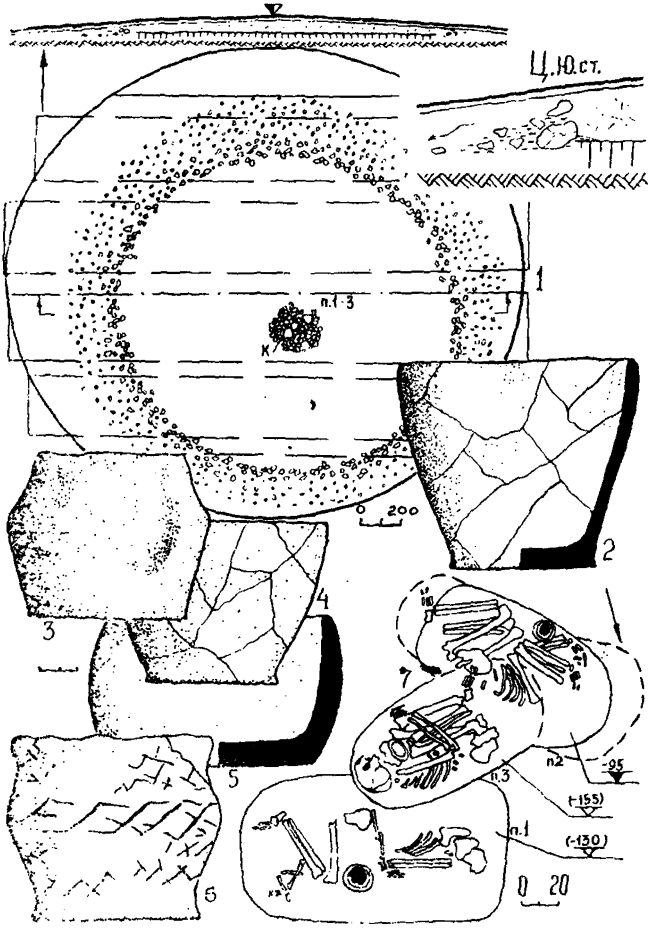


Рис. 6. Курган 2 группы 2 Каменского поля:

1 — план и разрез; 2, 5 — сосуды из закладки; 3 — сосуд из погребения № 2; 4 — сосуд из погребения № 1; 6 — сосуд из погребения № 3; 7 — погребения № 1—3, план

Керамика погребений № 2 и 3 типична для нижнеднепровского варианта КМК [26, с. 33, рис. 12], погребение № 1 и сосуды из вымостки более характерны уже для срубной культуры. Вероятно, соотношение погребений кургана следует понимать как результат взаимодействия КМК и срубной культуры. Одиночный сосуд КМК обнаружен в насыпи кургана 4 группы V (рис. 8.19).

Срубные погребения Каменского поля (4) ординарны, произведены в овальных ямах в насыпях. Погребенные лежат на левом боку головой к северо-востоку и северо-западу. Два погребения сопровождались остроребериыми сосудами (рис. 8.20).

Одиночное предскифское погребение № 15 произведено в большом кургане 5 группы II, в подбойной могиле с закладом из досок и камней (рис. 7.1). На стенках подбоя зафиксированы следы землеройного орудия, один конец которого имел широкое плоское лезвие (4,3 см), другой был четырехгранно заострен. Подобное орудие впоследствии широко известно по следам на стенках скифских могил (рис. 7.2).

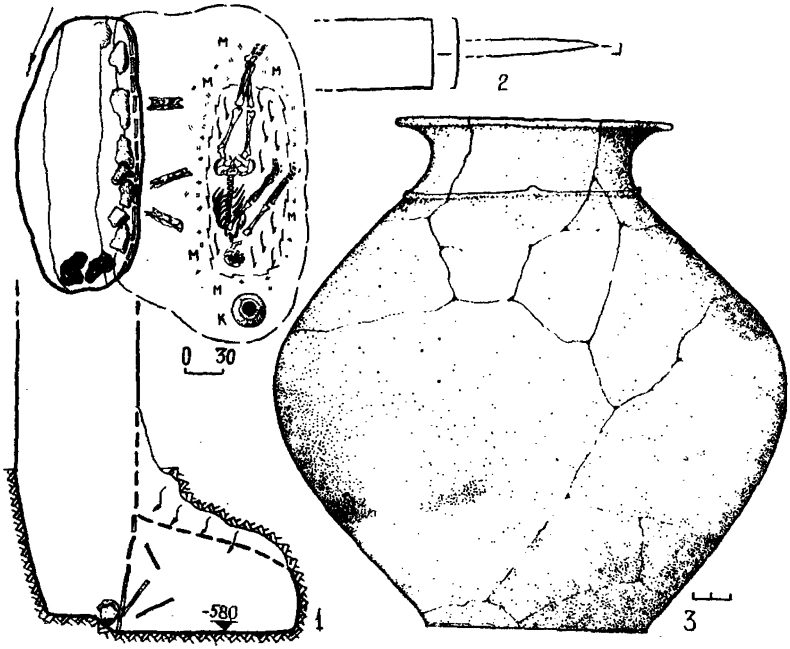


Рис. 7. Погребение 2.5.15. новочеркасской ступени: 1 — план и разрез; 2 — следы орудий на стенках; 3 — сосуд

Скелет взрослого лежал на тростниковой подстилке вытянуто на боку с поворотом на спину, головой к северу—северо-западу, руки уложены вправо от туловища, ноги скрещены в голенях. За головой стояла лепная корчага (рис. 7.3). Подбойные могилы предскифского периода существуют как на черногоровском, так и на новочеркасском этапе [27, с. 93; 28, с. 111—112], однако вытянутое положение погребенного позволяет отнести погребение № 15 к последнему [27, с. 98; 29, с. 13; 30, с. 179—181].

Представленные материалы существенно дополняют наши представления о периоде энеолита — бронзового века в Нижнем Поднепровье.

Библиографические ссылки

1. Махно Е. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в Усть-Кам'янці //АП. 1960. Т. 9.
2. Волкобой С. С., Лихачев В. А., Шалобудов В. Н. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине //Курганные древности Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1979.
3. Костенко В. И., Безручко И. Н., Хорошкова Е. В. Сарматские погребения с оружием из могильника у с. Усть-Каменка на Нижнем Днепре //Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.
4. Андросов А. В., Мухопад С. Е. Скифский аристократический курган «Каменская близница» //Там же.
5. Субботин Л. В., Петренко В. Г. Об архитектуре усатовских курганных сооружений //Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
6. Археология УССР: В 3 т. Киев, 1985. Т. 1.
7. Археология СССР: В 20 т. Энеолит СССР. М., 1982.
8. Шапошникова О. Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины //Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.
9. Збенович В. Г. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья //Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
10. Субботин Л. В. Семеновский могильник эпохи энеолита — бронзы //Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.
11. Ковалева И. Ф. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы //Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988.
12. Черняков И. Т., Станко В. Н., Гудкова А. В. Холмские курганы //Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
13. Кияшко В. Рогатые амулеты раннего бронзового века //Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д, 1989. Вып. 6.
14. Андросов А. В. Курган эпохи бронзы у с. Новый мир //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986.
15. Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н. О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула //Древности Поингулья. Киев, 1977.

16. Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев, 1985.
17. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев, 1986.
18. Самойленко Л. Г. Курганы ямной культуры в бассейне р. Базавлук в Днепровском степном Правобережье //Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев, 1988.
19. Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н. Курганы эпохи бронзы степного Правобережья Днепра //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.
20. Шапошникова О. Г. Ямна культура //Археологія Української РСР. Київ, 1971. Т. 1.
21. Писларий И. А., Пожидаев В. Ф. О применении метода процентных соотношений //Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982.
22. Дергачев В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.
23. Ковалева И. Ф. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. Днепропетровск, 1984.
24. Археология УССР. Т. 1. Киев, 1985.
25. Культуры эпохи бронзы на территории Украины /С. С. Березанская, В. В. Отрощенко, Н. Н. Чередниченко, И. Н. Шарафутдинова. Киев, 1986.
26. Шарафутдинова И. Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982.
27. Терножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
28. Отрощенко В. В. Особенности погребений черногоровской группы //Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. науч. конф. Запорожье, 1989.
29. Рыбаков Б. А. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
30. Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях //СА. 1986. № 1.

З. П. МАРИНА, В. А. РОМАШКО,
Е. Л. ФЕЩЕНКО, П. В. ВОЙТЮК

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У с. ВЕРБКИ

Настоящая статья продолжает серию публикаций материалов из курганных могильников Западного Донбасса [1, 2, 3 и др.]. В 1982 г. было начато исследование группы I из 14 насыпей у с. Вербки Павлоградского района [4], занимавшей участок второй надпойменной террасы правого берега Самары. Завершение раскопок данной группы в 1989 г. (кроме кургана 14 со знаком триангуляции) позволяет определить культурно-хронологический состав и своеобразие погребений могильника, что и нашло отражение в данной работе. Всего открыто 26 погребений, покурганно и покультурно распределяющихся следующим образом.

Таблица 1

Состав погребений могильника у с. Вербки

Номер кургана	Погребения						Всего
	ямные	катакомбные	срубные	сарматские	кочевнические	неопределенные	
1					1		1
2				1			1
3				1		1	2
4		1	2				3
5	1		1				2
6				1			1
7				1			1
8							кенотаф
9	2	1					3
10	3	4			1	1	9
11				1			1
12							кенотаф
13	2						2
Итого	8	6	3	5	2	2	26

Курган 1 сильно распахан, диаметр 12 м. Возведен для основного позднекочевнического захоронения, произведенного в подбойной овальной могиле размерами 1,8×0,3 м. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на восток. За черепом — напутственная пища (череп, лопатка и конечности овцы) и железный однолезвийный черешковый нож.

Курганы 2 и 3 незначительных размеров, содержали погребения раннего железного века (сарматские), ограбленные в древности. Могилы испорчены перекопами, размеры не восстанавливаются. В одном случае (к. 3) найдены фрагменты амфоры.

Курган 4, насыпь высотой с уровня древнего горизонта 0,5 м и диаметром с севера на юг 20 м возведена над основным катакомбным погребением № 3, сегментовидный материковый выкид из могилы которого площадью 3,8×1,8 м и мощностью 5 см отмечал уровень древнего горизонта, а в плоскости лежал к юго-западу от входного колодца. С поверхности кургана впущены срубные погребения № 1, 2. В насыпи найдены два сосуда баночной формы, очевидно, из распаханных срубных погребений.

Погребение № 1 (срубное) впущено в 2,3 м от УЦ* к северо-востоку (угол 46°) на глубине 0,55 м от репера. Скелет взрослого лежал скорченно на левом боку, головой на восток—юго-восток. У черепа найдены фрагменты лепного сосуда (форма и размеры не восстанавливаются).

Погребение № 2 (срубное) впущено на расстоянии 5,95 м к западу (угол 272°) от УЦ на глубине 0,4 м от репера (0,3 м от поверхности). Скелет взрослого лежал скорченно на левом боку, головой на восток. Сопровождался тремя сосудами, стоявшими у предплечья, перед грудью и у колен.

Сосуд (№ 1) — лепной фрагментированный, поверхности грубо обработаны, дно с закраиной. Сохранившаяся высота 13 см, диаметр дна — 11,4 см.

Сосуд (№ 2) — лепная ребристая миска. Орнаментирована прочерченными треугольниками вершиной вверх с «ресничками». Высота — 12,6 см, диаметр устья — 19,4 см, дна — 10,6 см.

Сосуд (№ 3) — лепная плошка, дно с закраиной. Высота — 6 см, диаметр устья — 7,5 см, дна — 6,8 см.

Погребение № 3 (катакомбное, основное) произведено в 3,4 м к северо-западу (угол 295°) от УЦ с древнего горизонта (0,5 м от репера). Входной колодец овальной формы размерами 1,1×0,95 м вырыт на глубину 1,4 м, продольной осью ориентирован в направлении ЮВ—СЗ. За счет раскошенности стен ко дну колодец приобрел круглую форму и диаметр 1,15 м. В примыкавшую с востока камеру вел ход арочной формы шириной 1 м и высотой 0,6 м. Разница в уровнях дна колодца и камеры составляла 0,8 м. Камера бобовидной формы размерами 2,7×1,6 м ориентирована в меридиональном направлении. Дно посыпано бурой охрой.

Скелет взрослого лежал вытянуто на спине, головой на север. Руки протянуты вдоль тела, ноги параллельны (рис. 1.1). Под лопаткой слева найден нож — бронзовый черешковый с параллельными лезвиями и слабо выраженным пламевидным расширением на конце, в сечении ромбический. Конец черешка раскован и закруглен, в сечении прямоугольный. Длина изделия — 15,2 см, черешка — 4 см, ширина — 2,3 см (рис. 1.2).

Курган 5 находился в 25 м к юго-западу от кургана 4. Насыпь сильно распахана (включая верхний отдел погребенной почвы), высота над уровнем поля 0,2 м, диаметр с севера на юг — около 20 м. Курган возведен для основного ямного погребения № 2, впускным при нем выступает срубное погребение № 1.

---

* Условный центр.

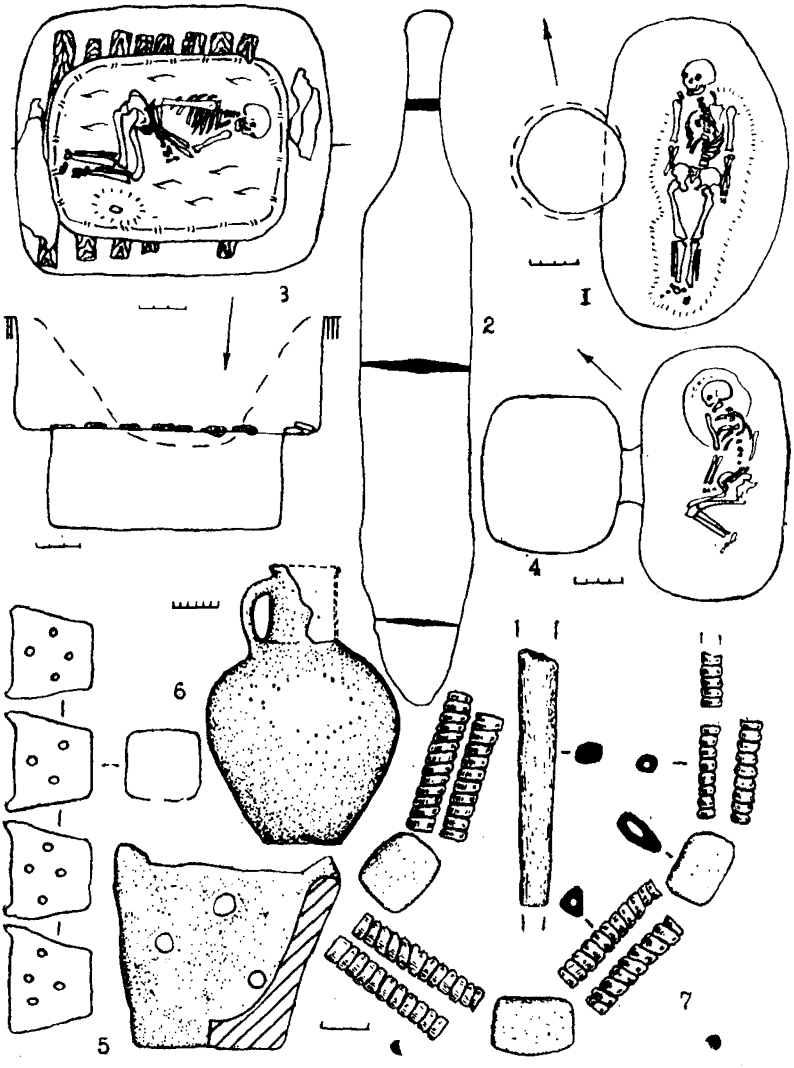


Рис. 1. Погребения и инвентарь из курганов у с. Вербки:
1, 2 — план и инвентарь п. 3 к. 4; 3 — план п. 2 к. 13; 4, 7 — план и инвентарь п. 7 к. 10; 5, 6 — инвентарь п. 1 к. 6

Погребение № 1 (срубное) произведено в 3,8 м к северо-западу (угол 318°) от УЦ на глубине 0,35 м от репера. Скелет взрослого скорчен на левом боку, головой на северо-восток. У черепа найден фрагмент лепного горшка.

Погребение № 2 (ямное, основное) произведено в 3,3 м к юго-востоку (угол 145°) от УЦ на глубине 0,3 м от репера. Могила прямоугольной формы размерами 1,2×0,7 м вырыта на глубину 0,6 м, продольной осью ориентирована в направлении СВ—ЮЗ. В заполнявшем яму грунте включения красной охры. Скелет отсутствовал.

Курганы 6 и 7. Насыпи сильно распаханы, высота над уровнем поля 0,3—0,4 м, диаметры—18 м. Возведены для основных и единственных в кургане сарматских погребений, произведенных в обширных (размеры 2,3×1,8 и 2,1×1,8 м. прямоугольных могилах глубиной до 1 м с уровня впуска. Последние ориентированы в меридиональном направлении. Погребения ограблены в древности. Оставшийся инвентарь представлен: 1) лепной квадратной миниатюрной курильницей (к. 6) со сквозными отверстиями, углы подчеркнуты выступами. Высота — 4,6 см, диаметр устья — 4,6 см, дна — 3,2 см (рис. 1,5); 2) кружальным одноручным сероглиняным кувшином (к. 6) с высокой цилиндрической шейкой и веретенообразным туловом, дно плоское. Высота—38 см, диаметр устья—10 см, дна — 10 см (рис. 1.6); 3) фрагментами кружального сероглиняного сосуда (к. 7).

Курган 8. Насыпь распахана, высота над уровнем поля 0,1—0,15 м, диаметр—16 м. На поверхности собраны фрагменты красноглиняной кружальной посуды. Подкурганная площадка ограничена кольцевым рвом корытообразной формы глубиной 0,7 м с уровня обнаружения и шириной до 1,1 м. Внешний диаметр рва 13,5 м, на дне найдены трубчатые кости животного. Погребения отсутствовали.

Курган 9 полусферической формы, высота от древнего горизонта—1,5 м, диаметр с севера на юг—32 м. Возведен для основного ямного погребения № 2, с которым связан лежавший на древнем горизонте материковый выброс площадью по внешнему краю 6,5×6 м, мощностью в центральной части до 0,35 м. Без конструктивных изменений в насыпь впущены однокультурное основному погребение № 1 и катакомбное № 3.

Погребение № 1 (ямное) находилось в 4,1 м к юго-востоку от УЦ на глубине 1,5 м от репера. Могила неправильной прямоугольной формы с четко выраженными углами, размеры 1,6×1,15 м, глубина на дно 0,2 м с уровня обнаружения. Продольной осью яма ориентирована на ССВ—ЮЮЗ. Дно

закрывала растительная подстилка. Погребенный взрослый лежал скорченно на спине—правом боку, головой на юг—юго-запад. Правая рука направлена к коленям умеренно согнутых ног, кисть левой — на тазовых костях. В ногах найдены 2 раковины Ип1о.

Погребение № 2 (ямное, основное) произведено в 3 м к западу (угол 278°) от УЦ, с уровня древнего горизонта — 1,1 м от репера. Могила прямоугольной формы размерами на верхнем уровне 2,25×1,45 м и глубиной с уровня впуска 1,5 м ориентирована по оси ВСВ—ЗЮЗ. За счет раскошенности поперечных стен размеры ямы у дна изменились до 2,25×1,6 м. Дно закрывал слой травы и камыша, посыпанный мелом. Скелет взрослого лежал скорченно на спине головой на северо-восток—восток. Левая рука протянута вдоль тела, кисть правой находилась на тазовых костях. На черепе зафиксированы остатки маски из черного и блестящего на изломе вещества. В ноздри были вставлены сформованные из того же вещества «тампоны». У колен погребенного лежали фрагменты бронзовых обойм выпукло-вогнутой формы с отверстиями по краям для крепления (рис. 2.1, 3) длиной — 3,8 см.

Погребение № 3 (катакомбное) находилось в 3,2 м к востоку (угол 80°) от УЦ на глубине 1,5 м. Входной колодец прямоугольной в плане формы размерами 1,7×1,45 м, глубиной от уровня обнаружения 0,4 м ориентирован в широтном направлении. Под восточной стенкой при углублении на 0,1 м от верхнего уровня устроена ступенька сегментовидной в плане формы размерами 0,35×0,25 м и высотой 0,3 м. По дну колодца устроен желоб глубиной 0,3 м, длиной 0,9 м и шириной 0,65 м, переходящий в дромос, ведущий в примыкавшую с запада камеру. Вход арочной формы имел длину 0,3 м, ширину 0,7 м и высоту 0,45 м. Камера прямоугольной формы размерами 2,2×1,9 м ориентирована по оси СВ—ЮЗ. Разница в уровнях дна колодца и камеры составляла 0,6 м. Дно камеры обожжено, покрыто слоем обгоревшей травы, углями и посыпано мелом. Сверху — подстилка из кожи, на которой скорченно на правом боку, головой на юг лежал скелет взрослого. Согнутые в локтях руки скрещены перед грудью. Рядом лежал скелет годовалого ребенка. Положение вытянутое на спине, головой на юг, руки протянуты вдоль туловища. Череп ребенка покоился в пятне красной охры. Рядом с ним положен головной убор типа калафа из черного войлока, украшенного тремя разновеликими красными полосами (охра?), высотой 15 см (рис. 2.2). На груди взрослого собран бисер и бронзовые подвески следующих типов: а) в виде перевитого стерженька с отверстием для подвешивания или

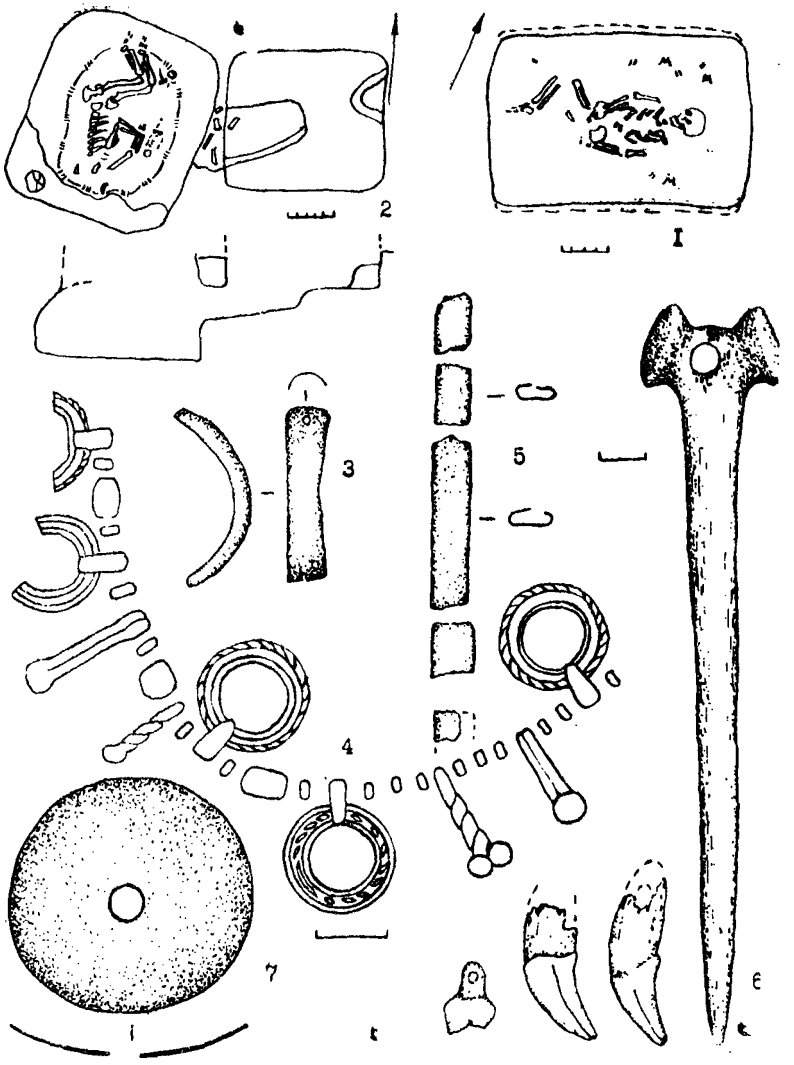


Рис. 2. Погребения и инвентарь кургана 9 у с. Вербки:
1, 3 — план и инвентарь п. 2; 2, 4—7 — план и инвентарь п. 3

петлей на одном конце и утолщеением-головкой на другом (5 экз.), длина 1,9 см; б) бочонковидные бусины из свернутой тонкой пластины (2 экз.), длина 0,6 см; в) круглые подвески-медальоны (5 экз.) с большим отверстием по центру и с пе-

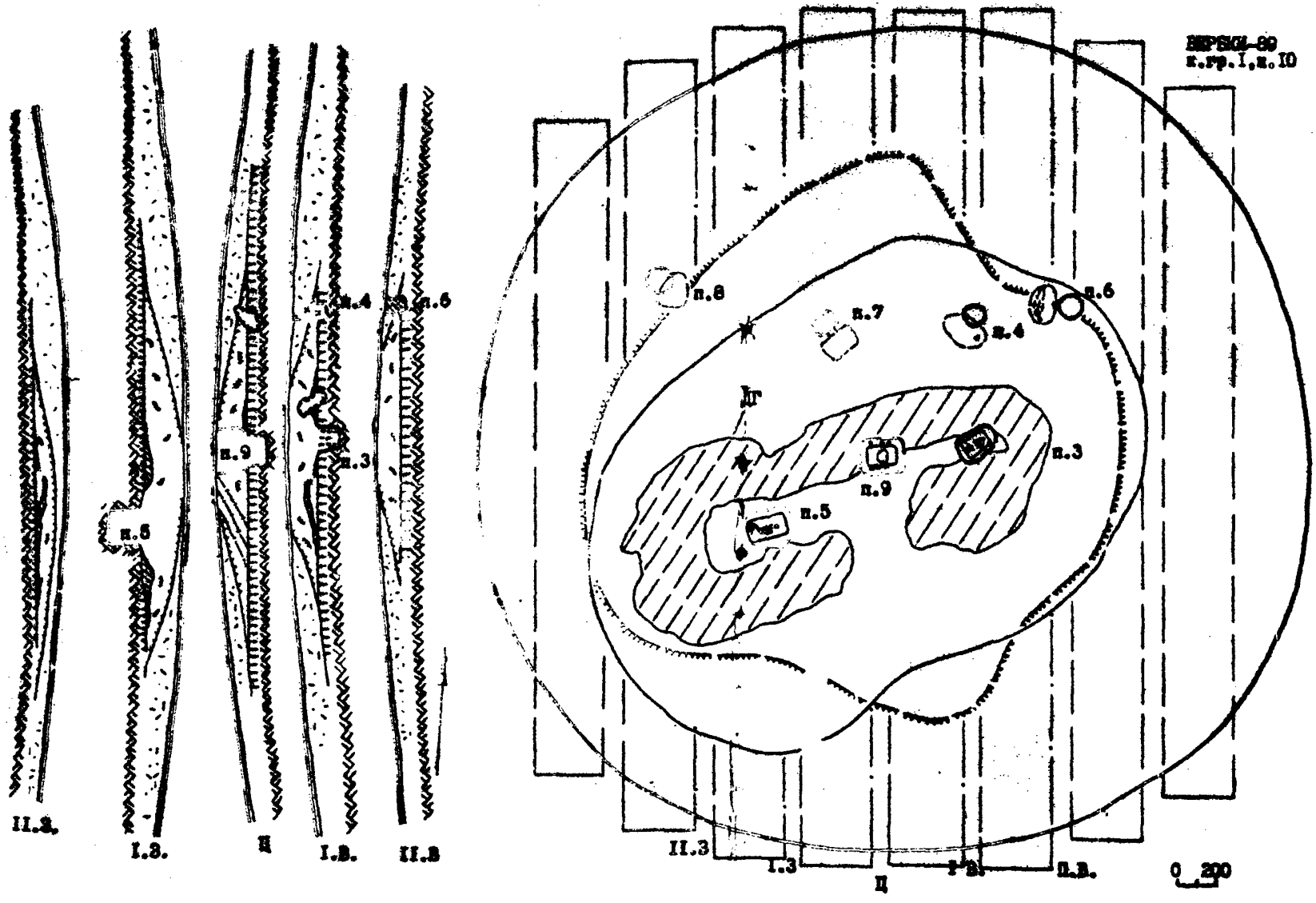


Рис. 3. План и профили бровки кургана IO у с.Вербки

телькой для подвешивания. Орнаментированы двумя концентрическими окружностями, край рубчатый. Диаметр 1,9 см, длина изделия с ушком 2,2 см. Установлено их чередование в составе ожерелья (рис. 2,4). Второй набор украшений лежал у колен взрослого. Он состоял из цилиндрического бисера органического происхождения, двух клыков и коренного зуба хищника, бронзовой литой полусферической бляхи с отверстием по центру (диаметр 5,1 см) и костяной молоточковидной булавки со сквозным отверстием по центру головки. Стержень игловидный, поверхность отполирована, длина 15,5 см (рис. 2.6, 7). На запястье правой руки надет бронзовый браслет — составной из сплошной длинной пластины и звеньев, имитирующих бочонковидные бусины, крепившиеся на кожаной основе (рис. 2.5). Ширина браслета 0,8 см.

Курган 10 находился в 70 м к северо-западу от кургана со знаком триангуляции. Высота насыпи от уровня древнего горизонта 2,1 м, мощность погребенной почвы 0,4 м, диаметр с севера на юг 46 м. В западной части кургана слой погребенной почвы утончается, что, очевидно, может быть объяснено его снятием при сооружении самой значительной насыпи со знаком триангуляции. Эта же картина наблюдается и в соседнем кургане, занимающем промежуточное положение между № 13 и 10. Курган 10 был насыпан, когда уже снова образовался дерновый слой на снятой поверхности, о чем свидетельствуют профили I и II ЗПБ. Первичный курган высотой от уровня древнего горизонта 2,1 м имел антропоморфную в плане форму с выступом-головой в северо-восточной части. Длина насыпи 21 м, максимальная ширина 23 м. Сооружена в четыре строительных приема, не разделенных стратиграфически, что фиксировалось в восточном профиле ЦБ. Строительным материалом служили плитки дерна и чернозем, перемешанный с суглинком. При возведении насыпи погребенная почва за пределами подкурганной площадки была срезана на глубину 0,2 м от древнего горизонта. Контуры оплывшей первичной насыпи и подкурганной площадки, образованной выборкой, не совпадают. Первичный курган возведен для двух одновременных ямных погребений № 3 и 5. Выбросы, лежавшие на древнем горизонте, слились и образовали овальное кольцо, ориентированное в направлении СВ—ЮЗ, длиной по внешнему краю 25,5 м и шириной 11 м. Максимальная мощность выброса 0,6 м. С юго-восточной стороны был оставлен проход, ведущий к обоим погребениям. В центр первичной насыпи было впущено также ямное погребение № 9, для которого сооружена кольцевая досыпка (рис. 3).

Остальные исследованные в кургане погребения произведены без конструктивных изменений насыпи.

В насыпи вне связи с погребением в 8 м от центра к северу на глубине 1,75 м от репера найдена часть ямного сосуда полусферической формы со стянутым устьем, поверхности обработаны рельефными расчесами в пересекающихся зонах, высота 8,9 см диаметр устья 8,3 см.

Погребение № 1 (кочевническое) произведено в 2 м к северо-востоку (угол 50°) от УЦ на глубине 0,4 м от репера. Скелет взрослого лежал вытянуто на спине, головой на запад. Рядом с черепом погребенного положен череп лошади. У предплечья левой руки найден обломок железного кольца, справа — кресало и кремень.

Погребение № 2 (неопределенное) находилось в 1,7 м от УЦ к северу на глубине 0,4 м от репера. Скелет подростка лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 3 (ямное, основное) произведено в 4,9 м к востоку от УЦ с уровня древнего горизонта (2,1 м от репера). На верхнем уровне могила имела неправильно-прямоугольную форму размерами 2×1,4 м, ориентирована по оси СВ—ЮЗ. В придонной части она приобрела правильную прямоугольную форму и размеры 1,7×1,2 м, глубина на дно с уровня впуска — 1,4 м. В качестве перекрытия был использован накат, состоящий из двух продольных бревен и уложенных на них поперечных. Диаметр бревен до 15 см. Дно могилы посыпано мелом, поверх которого лежала растительная подстилка и слой бурой охры (рис. 4.1).

Скелет взрослого лежал скорченно на спине головой на северо-восток. На костях остатки кожи (?). У правого плеча найдена часть кости животного. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 4 (катакомбное) произведено на расстоянии 8,5 м от УЦ к северо-востоку (угол 35°) на глубине 0,7 м от репера (0,3 м от поверхности). Колодец диаметром 1,2 м вырыт на глубину 1,8 м. В камеру, примыкавшую с ЮЗ, вел ход арочной формы шириной 0,6 м и высотой 0,35 м. Камера бобовидная, размеры по дну — 2,15×1.3 м, продольной осью ориентирована в направлении ЮВ—СЗ. Разница в уровнях дна составляет 0,5 м, на дне камеры посыпка красной охрой. В южном углу стоял деревянный сосуд полусферической формы диаметром 25 см и сохранившейся высотой 6 см.

Погребение № 5 (ямное, основное) произведено в 2,5 м к юго-западу (угол 232°) от УЦ с уровня древнего горизонта (2,1 м от репера). На верхнем уровне за счет обрушившейся южной стенки могила имела пятиугольную форму; ориенти-

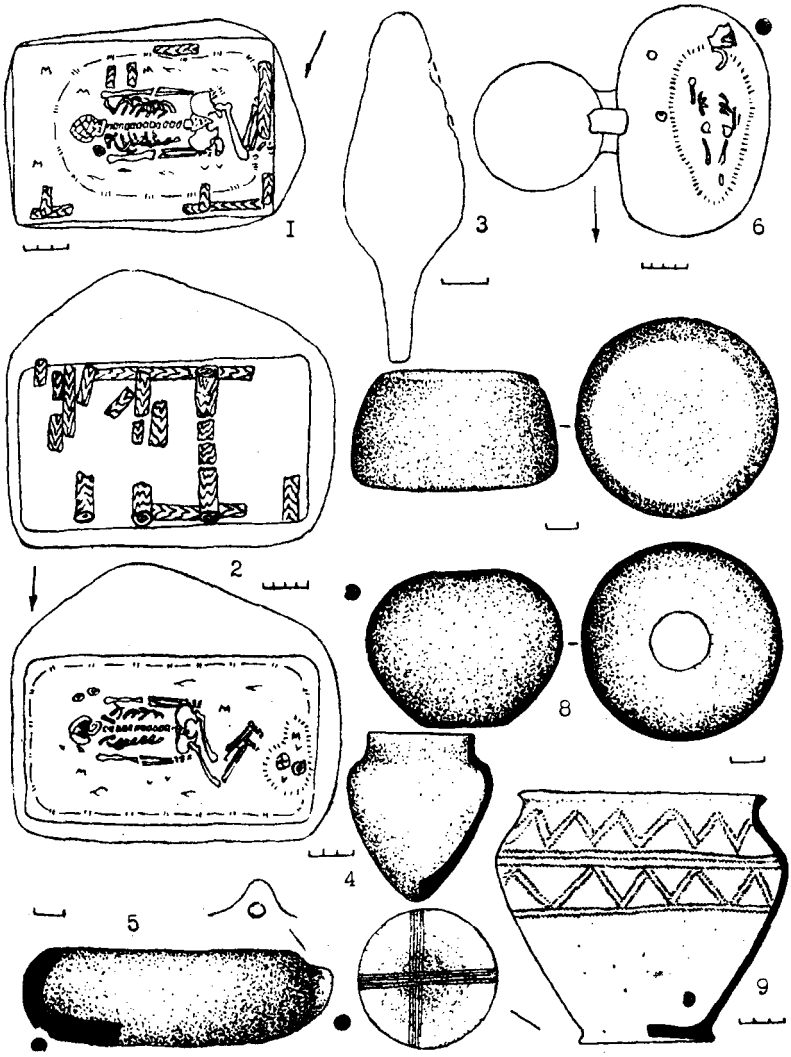


Рис. 4. Погребения и инвентарь кургана 10 у с. Вербки:
1 — план п. 3; 2—5 — план и инвентарь п. 5; 6—9 — план и инвентарь п. 6

рована по оси ВСВ—ЗЮЗ. У дна яма приобретает прямоугольную форму размерами 2,6×1,5 м. Глубина с уровня впуска 2,4 м, на дне растительная подстилка коричневого цвета и посыпка бурой охрой и мелом. Скелет взрослого лежал скорченно на спине головой на В—СВ (рис. 4.2). В ногах, в пятне красно-фиолетовой охры, вверх дном стояло 2 сосуда. Под одним из них (№ 2) находился «хлебец» из охры. Справа от черепа, вплотную к нему, лежал бронзовый нож—черешковый с раскованным листовидным лезвием. Длина лезвия — 5,2 см, ширина — 2,5 см, общая длина изделия — 7,2 см (рис. 4.3).

Сосуд (№ 1)—лепной круглодонный с прямым коротким венчиком, высоким округлым плечом и яйцевидным туловом. Высота — 11,4 см, диаметр устья — 7 см (рис. 4.4).

Сосуд (№ 2) — лепной толстостенный. Низкая чаша со стянутым устьем, плоским широким дном и налепной ручкой со сквозным вертикальным отверстием. Высота — 4,1 см, диаметр устья — 8 см, дна — 6,5 см (рис. 4.5).

Погребение № 6 (катакомбное) впущено в 12,2 м от УЦ к северо-востоку (угол 51°), на глубине 1,8 м от репера (0,6 м от поверхности). Уровень впуска фиксируется по II ВПБ. Колодец круглой формы размерами 1,1×1,15 м имел глубину 1,2 м. В примыкавшую с запада камеру вел ход арочной формы длиной 0,15 м, шириной 0,5 м и высотой 0,4 м. Входное отверстие было закрыто каменной зернотеркой. Разница в уровнях дна колодца и камеры составляет 0,4 м. Камера овально-прямоугольной формы размерами 1,85×1,35 м ориентирована в меридиональном направлении. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине головой на восток в пятне красной охры. За черепом найден развал сосуда с резким перегибом плеча на 1/4 высоты, прямым венчиком с уплощенным краем Орнаментирован оттисками перевитого шнура, на дне — проглаженный крест. Внутренняя поверхность покрыта расчесами. Высота — 16,3 см, диаметр устья — 16,8 см, дна — 9,5 см (рис. 4.9). У правого плеча найдены растиральник усеченно-конической формы с заполированным меньшим основанием (рис. 4.7) и булава из зеленоватого камня, округло-уплощенная с полюсов (рис. 4.8).

Погребеение № 7 (катакомбное) произведено в 7,6 м к СЗ (угол 328°) от УЦ на глубине 0,5 м от репера (0,3 м от поверхности). Входной колодец прямоугольной формы размерами 1,4×1,2 м, глубиной с уровня впуска 2,5 м ориентирован в направлении СВ—ЮЗ. В примыкавшую с СВ камеру, дно которой расположено на 0,7 м ниже дна колодца, вел ход длиной 0,2 м, шириной 0,55 м и высотой 0,4 м. Камера прямоугольной формы размерами по дну 2,15×1,3 м параллельно

сопряжена с колодцем. Дно камеры посыпано мелом; по центру дна — пятно красной охры диаметром 0,7 м, в котором находились череп и верхняя часть скелета, лежавшего скорченно на спине—правом боку, головой на северо-восток. Кисти полусогнутых рук положены у бедер. Сопровождалось булавкой с распавшейся головкой и набором костяных пронизей с винтовой нарезкой и бочонковидных бусин (рис. 1.4, 7).

Погребение № 8 (катакомбное) произведено в 15,7 м к северо-западу от УЦ (угол 300°), на глубине 1,1 м от репера (0,8 м от поверхности). Колодец диаметром 1,4 м вырыт на глубину 2,9 м. Вход в примыкающую с юго-востока камеру имел овальную форму при ширине 1,35 м и высоте 0,55 м. Разница в уровнях дна камеры и колодца составляла 0,6 м. Камера овальной в плане формы размерами по дну 2,25×1,3 м ориентирована по оси СВ—ЮЗ. На дне, перед входом, находилось овальное пятно красной охры площадью 0,9×0,6 м. На разных уровнях в заполняющем колодец и камеру грунте встречены кости конечностей и лопатка быка.

Погребение № 9 (ямное) произведено в 1,2 м к юго-западу (угол 225°) от УЦ на глубине 0,4 м от репера. Могила прямоугольной формы размерами 2,45×2 м ориентирована в широтном направлении. На глубине 2 м с уровня впуска оставлены заплечики, уменьшившие размеры могилы до 2×1,5 м. На заплечиках фиксировались остатки 4 досок поперечного перекрытия шириной 12 см и толщиной 3 см. Глубина могилы от уровня заплечиков — 0,7 м, с уровня впуска — 2,7 м. Дно посыпано бурой охрой. Скелет взрослого истлел почти полностью. Положение восстанавливается как скорченное на спине головой на восток. В северо-восточном углу находился развал сосуда, размеры которого не восстанавливаются.

Курган 11 возведен для основного сарматского погребения, ограбленного сверху воронкой. Могила прямоугольной формы, размеры 2,1×1,6 м. Скелет и инвентарь отсутствовали.

Курган 12 высотой 0,5 м над уровнем поля и раскопочным диаметром 22 м не содержал погребений. В насыпи найдены разрозненные кости человека и череп лошади.

Курган 13 полусферической формы, высота от древнего горизонта 2,2 м, мощность погребенной почвы 0,4 м. Первичная насыпь сложена из комковатого, неоднородного по составу гумусированного грунта, для основного ямного погребения № 1. Высота насыпи по центральной бровке составляет 1,9 м, диаметр равен 34,5 м. Материковый выброс лежал двумя полосами размерами 9×2 м к востоку и западу от могилы. За пределами восточной полы, с уровня древнего гори-

зонта, впущено также ямное погребение № 2, для которого произведена кольцевая досыпка, доведшая размеры насыпи до современных. Могилу окружал кольцевой материковый выброс мощностью до 0,3 м, диаметром по оси С—Ю 8 м, по оси В—З 6 м.

Погребение № 1 (ямное, основное) произведено в 8 м к западу от УЦ, с уровня древнего горизонта — 2,2 м от репера. Могила прямоугольной формы размерами 2,1×1,4 м и глубиной с уровня впуска 0,85 м ориентирована в широтном направлении. Перекрытием служили 6 поперечных плах длиной 1,6 м, шириной 0,2 м при толщине 4 см. На посыпанной мелом и охрой растительной подстилке скорченно на спине лежал скелет взрослого головой на восток. Справа от черепа найден хлебец темно-фиолетовой охры.

Погребение № 2 (ямное) произведено в 20 м к востоку (угол 89°) от УЦ с уровня древнего горизонта (2,4 м от репера) за пределами первичной насыпи.

Могила прямоугольной формы размерами 2,05×1,8 м ориентирована в широтном направлении. На глубине 0,75 м с уровня впуска устроены заплечики, на которых лежало 11 досок длиной до 1,7 м и шириной от 10 до 20 см при толщине 2 см. На досках сохранились следы камышового перекрытия мощностью до 0,1 см. За счет заплечиков размеры могилы уменьшились до 1,6×1,2 м, глубина от уровня заплечиков составляет 0,6 м, общая глубина — 1,35 м. Скелет взрослого скорчен на левом боку головой на запад, под ним — камышовая подстилка. Скрещенные в предплечьях руки находятся на костях таза — нижней части грудного отдела. У колен погребенного в пятне желтого тлена найден кремневый отщеп, у таза — обломок кости животного.

Погребения ямной культуры, маркирующие начало функционирования могильника, представлены 8 захоронениями, для 4 из которых возведены курганы. Они произведены в грунтовых прямоугольных могилах с закругленными углами, размеры варьируются от 1,2×0,7 м до 2,6×1,5 м. В ряде случаев при устройстве погребального сооружения применялось дерево как в виде плах, используемых в традиционных перекрытиях, покоящихся на заплечиках могилы (10/9, 13/1, 2 и др.), так и в виде массивных бревен, образующих накат (10/3, 10/5). Дно могильных ям ровное, характерны использование мела, охры и наличие растительной подстилки. Погребения принадлежат взрослым, произведены скорченно на спине и в одном случае (13/2) на левом боку. Последнее выделяется и ориентацией на запад, в то время как остальные погребения ориентированы на В (2), СВ (3) и Ю—ЮЗ (1). В

целом, учитывая особенности погребального обряда, можно соотнести рассматриваемую группу со II и IV хронологическими этапами развития ямных памятников Орельско-Самарского междуречья [5, с. 9—11]. Особого внимания заслуживает обнаружение остатков погребальной маски (9/2). К сожалению, ее фрагментарность и плохая сохранность не позволяют детализировать ни сам процесс изготовления, ни размещение на черепе, хотя присутствие специфических «тампонов» для закрывания ноздрей предполагает, очевидно, наличие мягких тканей черепа в отличие от масок-портретов катакомбной культуры [6]. Аналогичный элемент обряда отмечен в Приорелье в ямном погребении № 2 кургана 3 у с. Новошандровка [7, с. 162] и у с. Григорьевка Солонянского р-на [8, с. 18].

Рассматривая погребения с лицевыми накладками у с. Сергеевка Херсонской области, Л. А. Новикова и Ю. А. Шилов выделяют две группы последних: антропоморфные и неантропоморфные, закрывающие «основные отверстия лицевого отдела черепа» [9, с. 130]. Со вторым типом названными авторами связывается для погребений ингульского типа «одна из ранних стадий формирования идеи маски». Именно к этому типу, наверное, должны быть отнесены и маски — накладки из рассматриваемых ямных погребений, маркирующие начало их изготовления и употребления в погребальном обряде. Последнее не позволяет согласиться с авторами, отводящими катакомным погребениям ингульского типа первенство в этом процессе.

В Калмыкии, в могильнике Кермен-Толга, исследовано также ямное погребение с маской [10, с. 231], но типологически последняя чрезвычайно близка катакомбным, т. е. изготовлена после удаления мягких тканей [10, с. 233].

Подавляющая часть исследователей рассматривает погребения с масками катакомбной культуры как свидетельство существования культа предков [6; 10; 11 и др.], что фиксируют данные этнографии [12; 13]. Относительно социального статуса погребенных катакомбной культуры с масками авторами высказывается мысль об их принадлежности вождям или жрецам [11; 14]. Применительно к ямным погребениям также, очевидно, приемлем этот вывод. Наглядным подтверждением служит погребение № 2 кургана 3 у с. Новошандровка, сопровождаемое поясом с попарно нашитыми бронзовыми стерженьками — подвесками и остатками ногайки с оплеткой из медной ленты.

Что касается сопутствующего инвентаря ямных погребений из курганов у с. Вербки, то он как всегда малочислен и хро-

нологически мало выразителен. Это прежде всего керамика, представленная округлодонными формами (3), орнамент отсутствует. Интерес вызывает сосуд (10/5) со стянутым устьем, почти плоским дном и налепной ручкой со сквозным вертикальным отверстием (рис. 4.5). Прямые аналогии ему в ямной посуде нам неизвестны, но в качестве наиболее типологически близкого экземпляра может быть названа орнаментированная «елочкой» чаша из кромлеха погребения № 5 кургана 1 у с. Волонтеровки, относимого Л. Ф. Константинеску к раннеямным [15, с. 66]. Бронзовый нож (10/5) по предлагаемой С. Н. Кореневским схеме может быть отнесен к третьей группе, объединяющей листовидные ножи с широким лезвием [16, с. 40], которые, по мысли названного автора, бытовали в среде ямных племен Поволжья, в то время как в Поднепровье большее распространение получили ножи группы I [16, с. 46]. Что касается вопросов абсолютной датировки этого типа орудий, то он не разработан и носит общий характер.

Катакомбные захоронения в подавляющем большинстве впущены в ямные насыпи. Они совершены в катакомбах как с круглым, так и квадратным или прямоугольным входным колодцем и подовальной камерой, в одном случае (9/3) прямоугольной, т. е. могут быть отнесены к I, V, VI группам погребальных сооружений, выделяемых И. Ф. Ковалевой для Орельско-Самарского междуречья [16, с. 18, табл. 2]. Среди погребального инвентаря наибольший интерес представляют комплексы, позволяющие вновь обратиться к вопросу о культурных контактах населения Северного Кавказа и Левобережной Украины. До настоящего времени в распоряжении исследователей не было прямых свидетельств проникновения кавказских импортов на первом этапе существования катакомбных памятников. Найденный же в погребении № 3 кургана 9 инвентарь наглядно свидетельствует в пользу ранних контактов племен двух регионов [18]. В его составе костяная молоточковидная булавка, подвески из клыков животного, бронзовая литая полусферическая бляха с отверстием в центре, бронзовые стерженьки-подвески, медальоны с большим отверстием по центру и петелькой для подвешивания. Украшения имеют многочисленные аналогии в памятниках северокавказской культуры, где датируются от рубежа III—II тыс. до н. э. по 1800—1700 гг. до н. э. [19, с. 104]. В Нижнем Подонье они представлены в памятниках донецкой катакомбной культуры, датируемой С. Н. Братченко 2000—1700 гг. до н. э. [20, с. 142]. В рамках донецкой культуры датируются также грушевидная булава (10/6) и бронзовый нож (4/3).

Срубные погребения ординарны для рассматриваемого района, что избавляет нас от необходимости их деетального анализа.

Ранний железный век характеризуют погребения сарматской культуры, ограбленные в древности. Погребальные сооружения однотипны — это большие грунтовые могилы квадратной формы. Инвентарь скуден и включал фрагменты кружальной керамики (амфор) и лепную посуду, позволяющую датировать их в пределах I в. до н. э.—I в. н. э. [21, с. 72—78].

Библиографические ссылки

1. Марина З. П., Ромашко В. А., Фещенко Е. Л. Курганы эпохи бронзы Среднего Присамарья //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986. С. 4—36.

2. Ковалева И. Ф. Еще раз о стратиграфическом соотношении постмариупольских, нижнемихайловских и древнеямных погребений //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986. С. 56—67.

3. Марина З. П., Фещенко Е. Л. Новые погребения манычского типа в Днепровском Левобережье //Там же. 1989.

4. Ковалева И. Ф., Ромашко В. А. Археологические исследования на площадях подработок шахт Западного Донбасса в 1982 г. //НА ИА АН УССР. Ф. эксп. 1982/50 а, д. 20442—20444.

5. Марина З. П. Энеолит — ранний бронзовый век степного Левобережья Днепра: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1982.

6. Отрощенко В. В., Пустовалов С. Ж. Моделирование лица по черепу у племен катакомбной общности //Тез. докл. конф. «Религиозные представления в первобытном обществе». М., 1987.

7. Ковалева И. Ф., Шалобудов В. Н., Мухопад С. Е. Археологические исследования курганов эпохи бронзы и раннего железного века в зоне строительства Солоняно-Томаковской оросительной системы в Дн-ской области //НА ИА АН УССР. Ф. эксп. 1987. д. 1987/73.

8. Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н. Курганы эпохи бронзы степного Правобережья Днепра //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.

9. Новикова Л. А., Шилов Ю. А. Погребения с лицевыми накладками эпохи бронзы (Херсонская область) //СА. 1989. № 2. С. 127—135.

10. Шишлина Н. И. Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии //СА. 1989. № 3. С. 231—236.

11. Ковалева И. Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск, 1989. С. 44—45.

12. Громыко А. А. Маски и скульптура Тропической Африки. М., 1985.

13. Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989.

14. Отрощенко В., Пустовалов С. Портреты прошлого //Знание — сила. 1983. № 8.

15. Константінеску Л. Ф. Ранньоямні поховання північно-східного Подоння //Археологія. 1984. № 45. С. 61—68.

16. Кореневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур //СА. 1978. № 2. С. 33—48.
17. Ковалева И. Ф. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. Днепропетровск, 1983. С. 108.
18. Фещенко Е. Л. К вопросу о северокавказских импортах в катакомбной культуре Предстепья //ТДНК. Лубны, 1990.
19. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978. С. 149.
20. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976. С. 251.
21. Костенко В. И. Сарматские памятники Днепро-донского междуречья III в. до н. э. — середины III в. н. э. Днепропетровск, 1983. С. 104.

Н. Н. БОНДАРЬ

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Среди бытовых памятников катакомбной культурно-исторической общности в качественном отношении первое место занимают поселения среднедонской (харьковско-воронежской) культуры. Так, в лесостепном Подонье только в процессе работ археологической экспедиции Воронежского университета зафиксировано около 60 поселений и местонахождений керамики этой культуры [1, с. 77]. Важно отметить, что этой группе бытовых памятников А. Д. Пряхин посвятил специальное монографическое исследование. Что же касается поселений других катакомбных культур, то они представлены значительно меньшим количеством, причем изучены явно недостаточно. Так, например, основным источником по изучению днепроазовской культуры являются погребальные памятники, в то время как поселения представлены в небольшом количестве. По данным О. Г. Шапошниковой, в Степном Поднепровье известно более 10 поселений этой культуры [2, с. 90; 3, с. 118]. Значительные раскопки проводились лишь на одном из них — поселении на о-ве Перун.

О. Г. Шапошникова в ряде работ дала их общую характеристику , причем, ни одно из этих поселений не получило сколько-нибудь полного освещения [4, с. 85—118; 5, с. 403—420]. На основании этих исследований некоторые ученые попытались даже определить абсолютную датировку этой группы бытовых памятников, отнеся их к первой половине XVII в. до н. э. [6, с. 34]. Сказанное подтверждает необходимость детального рассмотрения хотя бы одного из катакомбных поселений Нижнего Поднепровья. В связи с этим внимание будет сосредоточено на описании вещественных материалов посе-

ления на о-ве Перун. Это обусловлено тем, что данное поселение исследовано на значительно большей площади по сравнению с остальными, а главное — оно однослойное.

Остров Перун расположен недалеко от с. Августиновка, между левым берегом Днепра и островом Таволжаным. Поселение размещено на гранитном останце в русле Днепра у Будиловского порога. Высота острова свыше 50 м. Этот памятник исследовался П. И. Смоличевым, В. А. Гринченко и П. А. Козарем [7, 8]. Всего на поселении они раскопали 988 кв. м. Толщина культурного слоя в среднем составляла около 50 см. Он состоял из огромного количества керамики, костей животных, изделий из камня и кости*.

Самой многочисленной категорией вещественных материалов является керамика. К сожалению, керамика поселения Перун плохо сохранилась. Разборка ее обломков позволила предположить, что на данном поселении в употреблении было более 500 сосудов. Ввиду того что подавляющее число обломков достоверному подразделению по сосудам не поддается, выделено всего лишь около 100 сосудов, причем, естественно, нет полной уверенности в том, что реконструированы все формы керамики, бытовавшей на данном поселении.

С технологической стороны керамика весьма однообразна. Сосуды изготовлены техникой ручной лепки с применением гребенчатого штампа для выравнивания стенок. Расчесы гребня нередко отчетливо видны не только внутри, но и снаружи. Сосуды слабо обожжены, черепок в изломе черный. Поверхность сосудов коричневая, серая, реже светло-желтая и черная.

В основу классификации керамики поселения Перун положены формы сосудов и их орнаментация. Учитываются величина и характер шейки сосудов, изгиб стенок, соотношение диаметров, а также техника нанесения орнамента, элементы и композиция узоров. По этим признакам всю найденную керамику этого поселения можно подразделить на несколько основных типов, внутри которых намечаются различные вариации той или иной формы.

Наиболее распространен I тип, представленный 62 сосудами. Целых сосудов этого типа не найдено, но по фрагментам шеек и плечиков удалось получить 35 неполных реконструкций сосудов и тем самым определить форму, а иногда и

---

* Материалы не опубликованы, хранятся в Киевском Государственном историческом музее Украинской ССР. Благодарю Т. Г. Мовшу за возможность ознакомиться с материалами нижнеднепровской группы поселений.

размеры сосудов. Это разновидности короткошейных горшков неустойчивых пропорций. Большинство сосудов этого типа имеют яйцевидное тулово и плоское дно. Посуда I типа в зависимости от пропорции сосудов, изгиба стенок, характера шейки, соотношения диаметров подразделяется на ряд подтипов и несколько разновидностей.

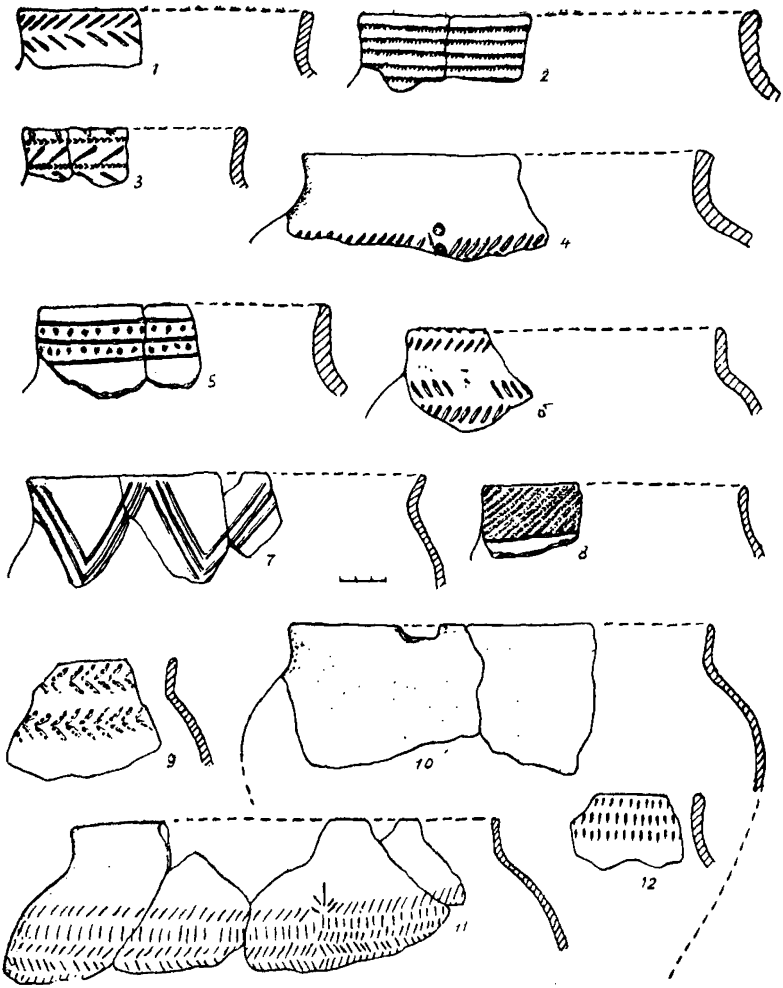


Рис. 1. Керамика с поселения Перун. Подтип 1А

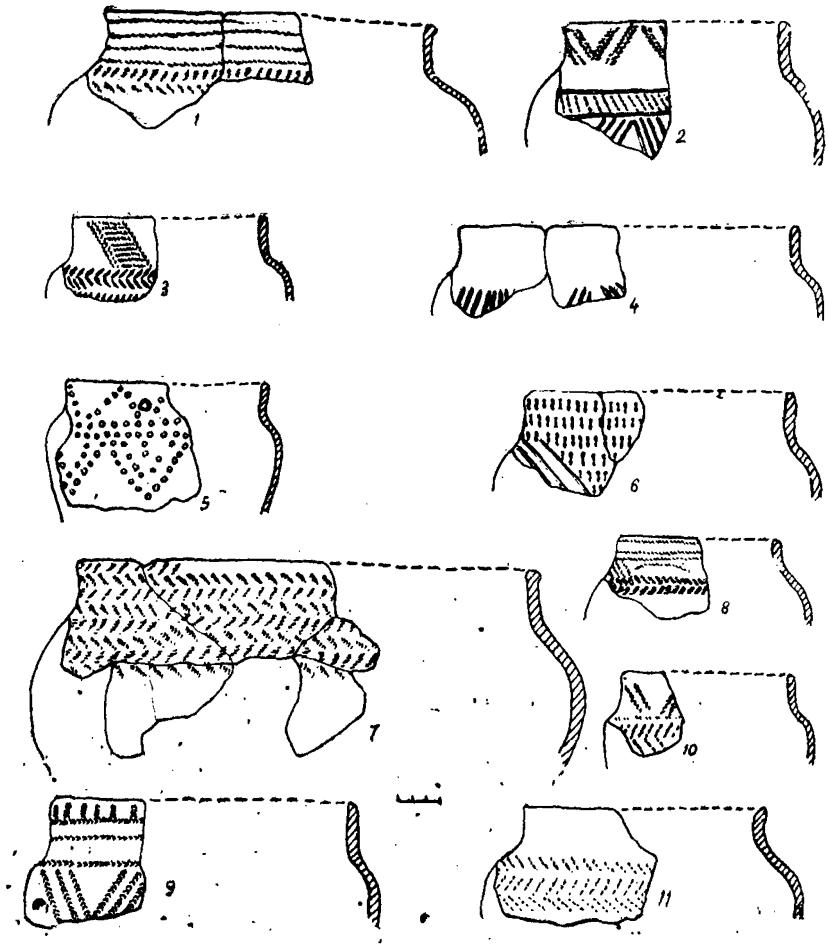


Рис. 2. Керамика с поссления Перун. Подтип Б

Подтип 1 А (рис. 1). Это более или менее стройные горшки с четко выраженной сравнительно высокой прямой шейкой, плавно переходящей в тулово яйцевидных очертаний. Наибольший диаметр приходится на верхнюю часть сосуда. Орнамент, располагавшийся в основном на верхней части, наносился оттисками шнура, зубчатым штампом, а также чеканом в виде нарезок и насечек. *Подтип 1 Б* (рис. 2). Он отличается от предыдущего более профилированной шейкой, причем переход в тулово обозначен четче. Это узкогорлые

сосуды, имеющие более удлиненные пропорции и менее широкое тулово. *Подтип 1 В* (рис. 3). Сосуды со сравнительно короткой шейкой, плавно переходящей в тулово. Они бедно орнаментированы шнуровыми и прочерченными узорами, а также отпечатками гребня. *Подтип 1 Г* (рис. 4). Для них присущи более стройные пропорции с четко выраженной шейкой. Количественно небольшую группу составляют глубокие полусферические чаши со слегка загнутым в середину краем (рис. 4, 16).

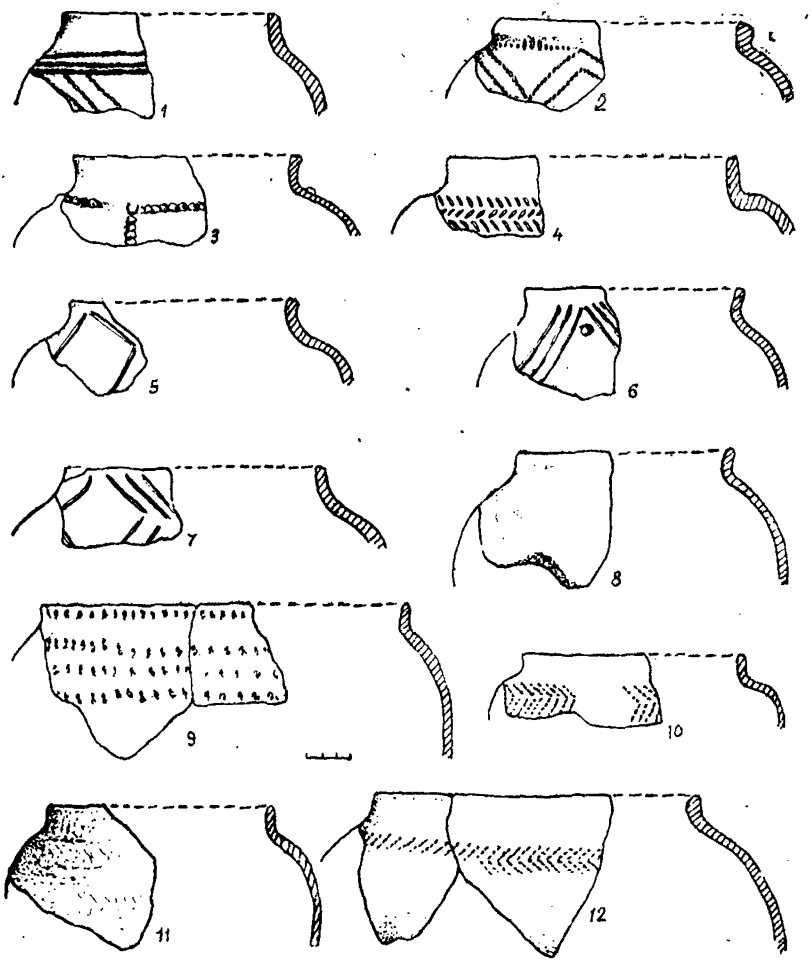


Рис. 3. Керамика с поселения Перун. Подтип 1В

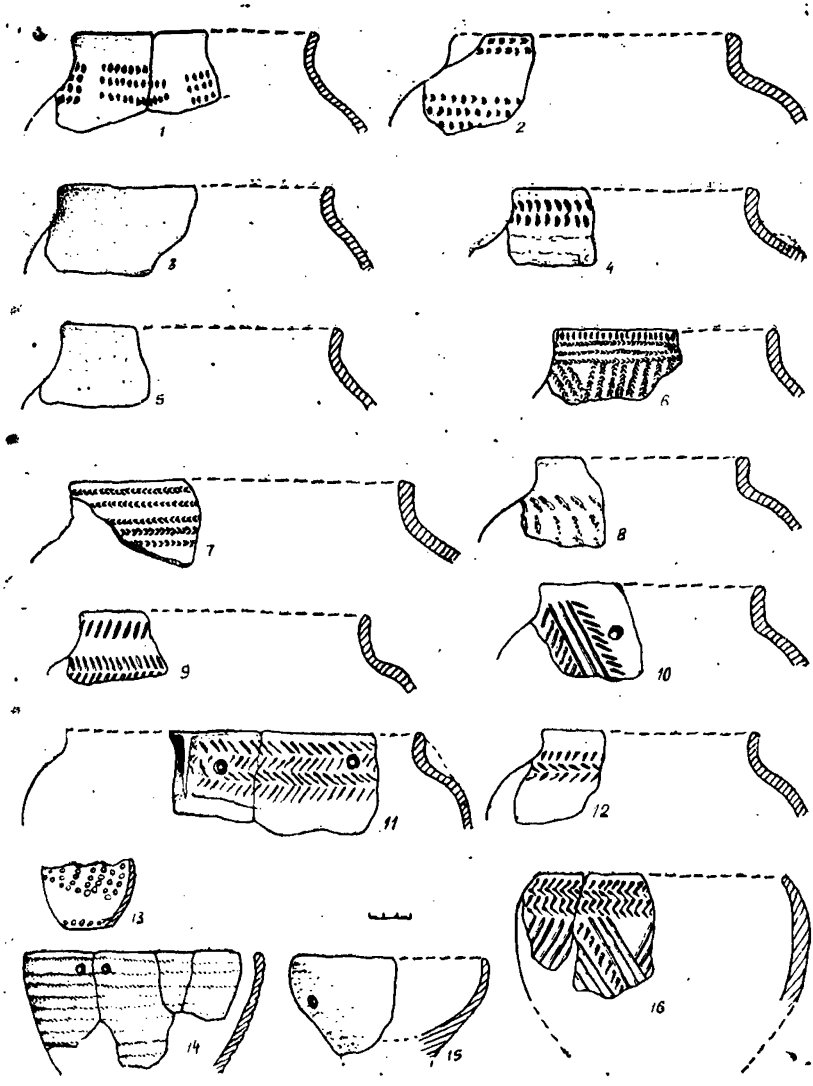


Рис. 4. Керамика с поселения Перун. Подтип 1Г

Горшки I типа украшены разнообразными узорами, причем они в основном покрывают только верхнюю часть сосуда. Орнамент имеется на 60 сосудах этого типа. В орнаментации преобладают узоры из нескольких рядов глубоких вдавлений

разной формы (глубокие насечки или углубленные нарезки; по О. Г. Шапошниковой) или углубленных линий (рис. 1.5; 12; 2.5, 6; 3.6; 4.10, 16). Они имеются на 27 сосудах. Орнаментальный узор располагался в виде нескольких горизонтальных рядов, елочки, треугольных композиций. Вторым, не менее важным, элементом орнамента являются отпечатки веревочки. Этим узором украшено 17 сосудов (рис. 2.1, 8; 3.1, 2). Как правило, этот орнамент состоял из нескольких горизонтальных линий, нанесенных на некотором расстоянии друг от друга. Узор занимал шейку и плечики. Горизонтальная композиция размещения веревочного орнамента нередко чередуется с узором в виде треугольных композиций. Иногда орнамент разделялся на отдельные пояса при помощи коротких отпечатков шнура или вдавлений разной формы. Представлен также узор в виде елочки. Следующая разновидность узора— зубчатый орнамент. Он имеется на 10 сосудах и покрывает в основном шейку и верхнюю часть венчиков (рис. 3.10, 12). Для этого орнамента характерна горизонтально-елочная композиция. Вообще она типична для орнаментальных узоров сосудов I типа (около 50%). Сравнительно многочисленна (около 20%) и группа керамики, орнаментированная узором в виде треугольных композиций, реже (10%) — вертикальных и косых рядов.

Особенностью сосудов I типа является то, что по форме и орнаменту они весьма близко стоят к керамике позднего этапа ямной культуры. И только горшки подтипа 1 Г четко запечатлели влияние донецкой катакомбной культуры [2, с. 25; 3, с. 118; 6, с. 34; 9, с. 38].

II тип представлен 25 сосудами. По фрагментам шеек удалось получить 14 неполных реконструкций сосудов. Это разновидности плоскодонных горшков с четко выраженной шейкой, прямой или слегка отогнутой наружу. Шейка соединяется с плечиками плавно. Диаметр сосудов колеблется от 14 до 26 см. Этот тип сосудов отличается от предыдущего тем, что имеет оформленный венчик, на внешней поверхности которого имеются утолщения, так называемый воротничок. Край венчика прямо срезан или закруглен (рис. 5). Большая часть сосудов II типа украшена разнообразным орнаментом. Наиболее излюбленными элементами узора являются отпечатки шнура. Среди керамики этого типа имеются фрагменты 15 сосудов с веревочным орнаментом. Встречалось четыре типа, причем самую многочисленную группу составляют сосуды, украшенные гусеничкой в схеме елочки (рис. 5.2; 3.7—12; 14—17). Реже сосуды украшены оттисками перевитой веревочки и тесьмы. На одном из сосудов (рис. 5.23) шейка орна-

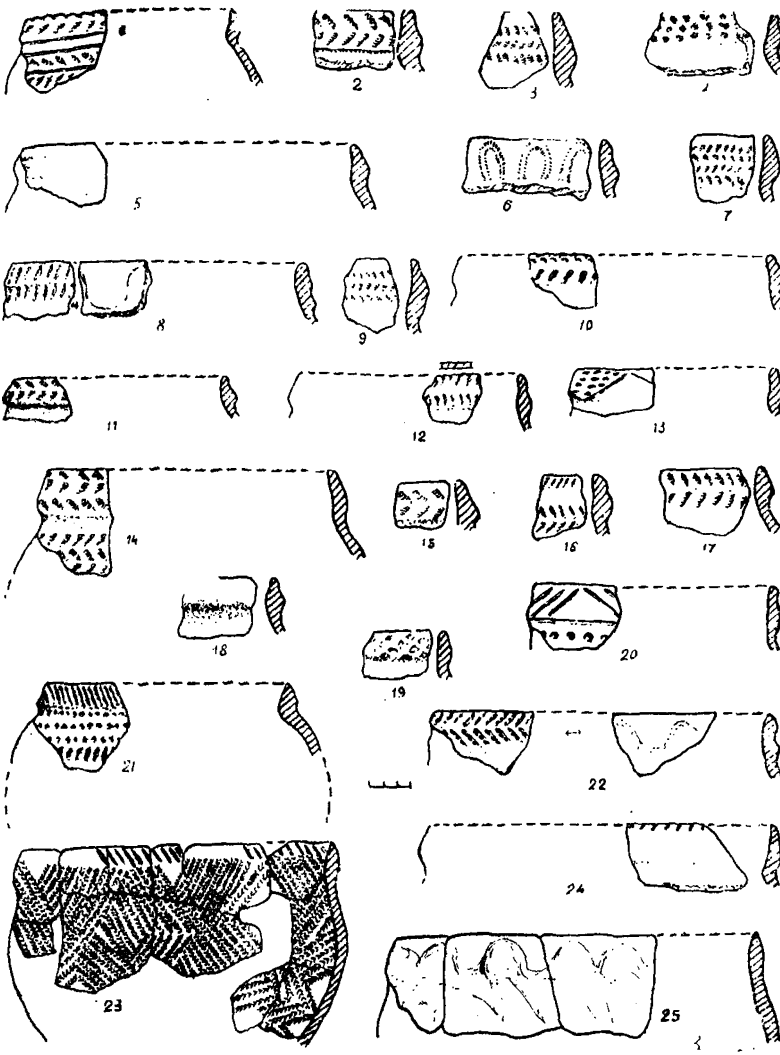


Рис. 5. Керамика с поселения Перун. Тип II

ментирована рядом наклонно расположенных отпечатков тесьмы. Ниже нанесен узор в виде заштрихованных треугольников с опущенной вершиной. Описанный сосуд не столько по форме, сколько по орнаменту тождествен сосудам из синхронных памятников Среднего Поднепровья, в частности поселений каневской группы среднеднепровской культуры, особенно

поселения Исковщины. Здесь также выявлены плоскодонные сосуды с реберчатым утолщением на наружной поверхности венчика, украшенные треугольными композициями [10, с. 32, 43, рис. 14.8]. Иногда отпечатки веревочки образуют полукруглые фестоны (рис. 5.6, 25). Из других узоров на сосудах II типа представлен орнамент в виде отпечатков зубчатого штампа и глубоких вдавлений разной формы (рис. 5.21).

Сосудов III типа на поселении обнаружено значительно меньше. Сильная раздробленность обломков не позволила реконструировать ни одного сосуда. По сохранившимся обломкам шеек удалось установить, что на поселении было в употреблении около 15 сосудов. Наиболее распространенной формой являлся горшок удлиненных пропорций трехчастотного профиля, с высоким воротничковым венчиком, биконическими, нередко ребристыми боками. Для этой группы посуды характерен оригинальный орнамент в виде прочерченных линий и налепных валиков. Причем преобладает первый орнаментальный узор. Они образуют елочные композиции, заштрихованные треугольники, горизонтальные пояса. Этот тип сосудов значительно отличается от катакомбных, где преобладает посуда не удлиненных, а низких и средних пропорций. Исключением является среднедонская катакомбная культура. Среди менее распространенных форм — чаши полусферической и конической формы. На них также преобладает прочерченный орнамент. Важно подчеркнуть то, что эти формы и мотивы орнамента станут позднее типичными для культуры многоваликовой керамики [6, с. 34].

Сосудов IV типа на поселении обнаружено немного. Плохая сохранность керамики этого типа не дала возможности реконструировать полностью ни одного сосуда. По сохранившимся обломкам шеек удалось получить 7 неполных реконструкций. Диаметр горла этих сосудов колебался от 12 до 22 см (рис. 6). Сосуды IV так же, как и III типа, значительно отличаются от первых двух не только по форме, но и по орнаментальным узорам. Для этого типа характерны реповидные горшки с короткой шейкой. По элементам орнамента сосуды IV типа отличаются от других полным отсутствием веревочного орнамента, а также менее богатыми и однообразными узорами в виде горизонтальных рядов и елочки, нанесенных зубчатым штампом, ногтевыми и пальцевыми вдавлениями.

В самостоятельную группу О. Г. Шапошникова выделяет сосуды, характерные для памятников донецкой катакомбной культуры. Это тип плоскодонного приземистого сосуда с высоким прямым венчиком, резко выпуклыми плечиками и устой-

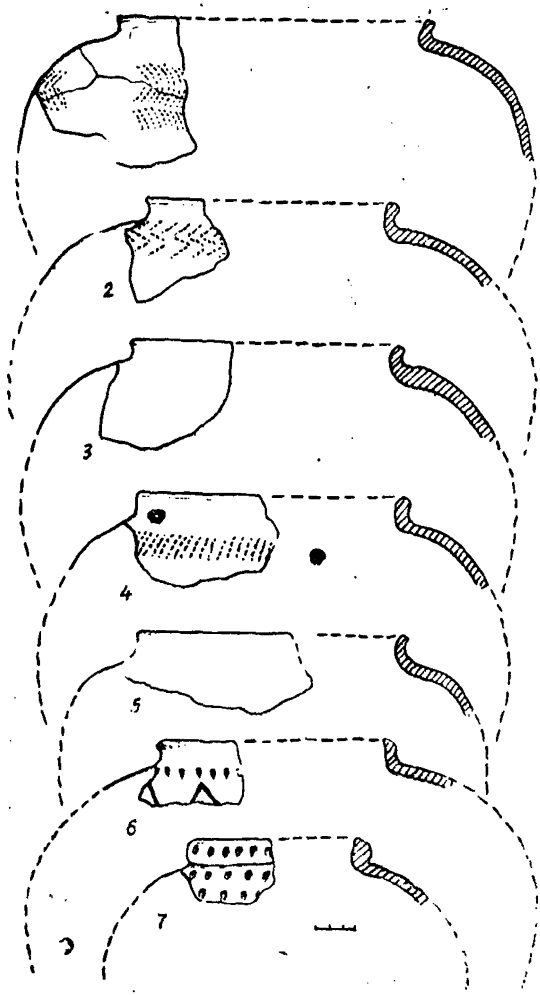


Рис. 6. Керамика с поселения Перун. Тип IV

чивым плоским дном. Они покрыты пышным и разнообразным узором из отпечатков шнура и тесьмы в виде треугольников, полукругов и других композиций [3, с. 100]. К сожалению, фрагменты керамики этого типа плохо сохранились, что не позволило реконструировать ни одного сосуда (рис. 7).

На поселении Перун встречено много кремневых и каменных орудий, а также глиняных пряслиц и их заготовок. Так, здесь найдено 165 глиняных пряслиц и их заготовок, 5 целых

и 11 обломков каменных топоров-молотов, 142 каменные высверлины, 38 метательных камней. Из металлических изделий представлен наконечник копья или ножа (по О. Г. Шапошниковой) лавролистной формы, имеющий плоское листовидное перо и черенок длиной 5,5 см.

Для определения датировки поселения Перун в нашем распоряжении пока недостаточно данных. Можно согласиться с той группой исследователей, которые рассматривают памятники типа Перун как синтез ямной и катакомбной культур, причем эта группа памятников появилась вслед за ямной культурой и предшествовала культуре многоваликовой керамики [3, с. 121; 6, с. 41]. В одной из последних работ О. Г. Шапошникова позднеямные памятники датировала 2200—1900 гг. до н. э. [11, с. 15—16]. Однако нет достаточных данных, позволяющих говорить о том, что конец бытования позднеямных памятников совпадает с распространением здесь поселений типа Перун. На это указывает наличие керамики II и III типов.

Большинство исследователей считает, что II тип сосудов, обнаруженный при раскопках не только поселений, но и катакомбных погребений Нижнего Поднепровья, составляет характерную особенность памятников этого региона. Этот тип сосудов не выявлен среди позднеямных и собственно катакомбных памятников, за исключением среднедонской культуры. Эта группа исследователей единодушна в том, что керамика II типа поселения Перун близка к керамическим комплексам первой группы (II типа) каневских поселений [10, с. 32—33, 169; 3, с. 120; 6, с. 34]. В количественном отношении эта группа керамики уступает лишь сосудам I типа, что может свидетельствовать о синхронности поселений типа Перун и бытовых памятников типа Исковщины среднеднепровской культуры.

Каневскую группу поселений специалисты относят к позднему этапу среднеднепровской культуры, датируя ее 1800/1750—1600/1500 гг. до н. э. [12, с. 85; 13, с. 41]. При этом следует иметь в виду, что поселения каневской группы не являются монолитной и узколокальной группой. Среди них четко выделяются две хронологические группы. К первой, более ранней, относится большинство поселений (14 из 22). Это поселения типа Исковщины (Исковщина, Пекари I, III—IV, Хмельна I—II, Канев I, Селище I—II, Трахтемиров и др.). Для этой группы памятников характерно почти полное отсутствие керамики III типа, т. е. сосудов с многоваликовой орнаментацией. Именно эта группа памятников синхронна поселениям типа Перун в Степном Поднепровье. Поселения типа Ис-

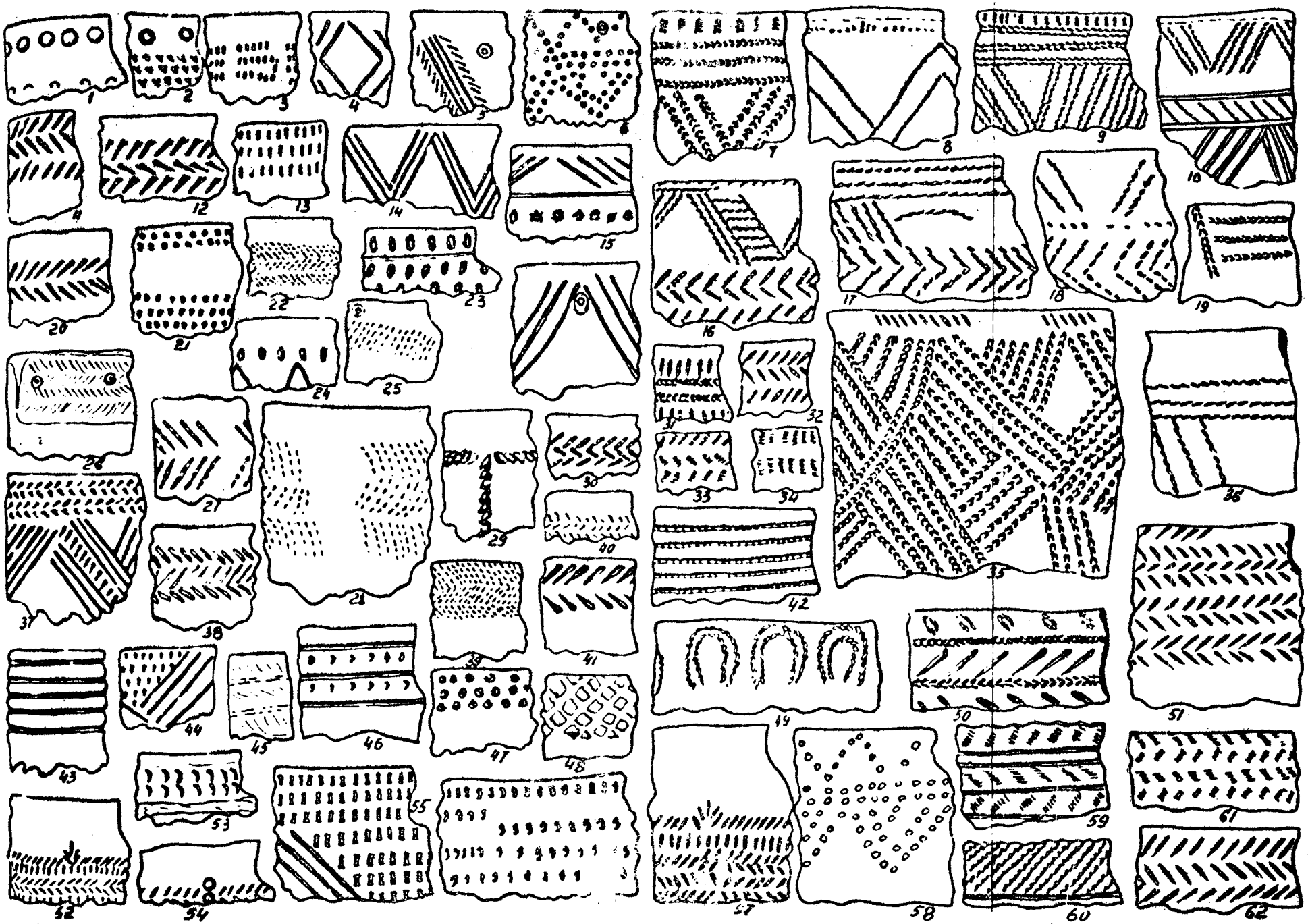


Рис.7. Элементы и мотивы орнамент с поселения Перун

ковщины, бытовавшие, вероятно, более продолжительное время, датируются 1800—1650 гг. до н. э. Для второй группы поселений уже характерно присутствие в небольшом (Канев IV, Пекари II, Зарубинцы I—II) или большем (Канев V, Селище IV, Зарубинцы III) количестве многоваликовой керамики. Эта группа поселений датируется 1650—1600/1500 гг. до н. э. Эту более позднюю группу поселений можно синхронизировать с памятниками культуры многоваликовой керамики. Таким образом, можно говорить о том, что к наиболее позднему этапу среднеднепровской культуры относятся не памятники типа Исковщины, как считает С. С. Березанская [6, с. 23], а, наоборот, группа поселений типа Канев IV—Селище IV—Зарубинцы III. Именно во время бытования этой более поздней группы поселений среднеднепровской культуры происходило продвижение в район Каневщины части племен культуры многоваликовой керамики.

Для хронологии поселения Перун определенное значение имеют керамические комплексы III типа. Можно присоединиться к мнению С. С. Березанской, что формы и мотивы орнамента керамики этого типа не характерны для катакомбного круга культур и вскоре станут типичными для культуры многоваликовой керамики. В этой связи важно установить начальную дату появления этой новой схемы орнамента на территории Украины. В этом плане представляет интерес точка зрения исследователей, предполагающих, что многоваликовая схема орнамента впервые представлена на керамике памятников, предшествующих культуре многоваликовой керамики. В качестве убедительного примера можно привести керамические комплексы III типа поселения Перун. Эта группа исследователей датирует их периодом не позднее XVIII в. до н. э. [14, с. 106].

Таким образом, принимая во внимание сказанное выше, считаем невозможным присоединиться к точке зрения С. С. Березанской, относящей поселения типа Перун к заключительной фазе катакомбной культуры и датирующей их первой половиной XVII в. до н. э. [6, с. 34]. Эта группа поселений возникла значительно раньше — в XVIII в. до н. э. — и бытовала в течение длительного промежутка времени, вплоть до середины XVII в. до н. э.

Библиографические ссылки

1. Прях ин А. Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1977.

2. Шапошникова О. Г. Про пам'ятки часу катакомбної культури в степовому Подніпров'ї //Археологія. Київ, 1968. Т. 21.

3. Шапошникова О. Г. О культурной принадлежности населения эпохи ранней бронзы Степного Приднепровья /'МАСП. 1970. Вып. 7.

4. Шапошникова О. Г. Катакомбная культурно-историческая область //Археология УССР: В 3 т. К., 1985. Т. 1.
5/ Братченко С. Н., Шапошникова О. Г. Катакомбная культурно-историческая общность //Археология Украинской ССР. Киев, 1985.
6. Березанская С. С. Культура многоваликовой керамики //Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
7. Смолічев П. І. Дослідження острова Перун, острова Таволжаного та острова Орлина Стрілиця //НА ИА АН УССР. Ф. эксп. 6, № 61.
8. Смолічев П. І. Раскопки Днепрогэсовской экспедиции //Там же. Ф. эксп. 12, д. 39—42. С. 59—60.
9. Бондарь Н. Н. К вопросу о взаимоотношениях среднеднепровской культуры и населения катакомбной КИО //Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1984.
10. Бондарь Н. Н. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев, 1974.
11. Шапошников О. Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины //Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.
12. Бондар М. М. Проблеми періодізації і походження культур шнурової кераміки //УІЖ. 1981. № 5.
13. Артеменко И. И. Культуры шнуровой керамики: среднеднепровская, подкарпатская, городокско-здолбицкая, отжижовская //Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
14. Чмыхов М. О., Черняков І. Т. Хронологія археологічних памя'ток епохи міді—бронзи на території України. Київ, 1988.

С. Н. ЛЯШКО

ОБРАБОТКА КОЖИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

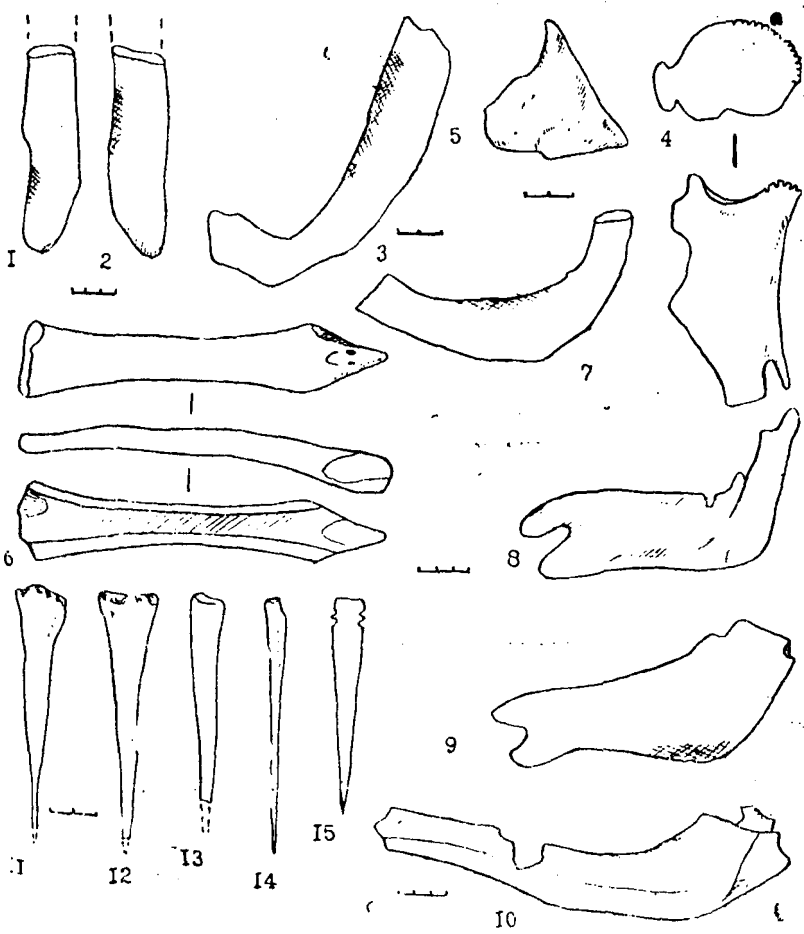
Под кожевенным производством в эпоху бронзы понимается специальная обработка шкур и изготовление из полученного сырья изделий. Шкуры животных, мех, кожа использовались человеком с древнейших времен. Свойства шкур (способность удерживать тепло) и кож (мягкость, эластичность, прочность на разрыв, твердость, водонепроницаемость) делали их ценным сырьем для изготовления одежды, обуви, покрытий для жилищ, емкостей, крепежных редств, деталей воинского снаряжения, челнов и др.

Сохранились немногочисленные прямые и обширные косвенные свидетельства использования кожи и меха в эпоху бронзы.

Кожаный мешочек с рельефным тисненым орнаментом и костяными предметами внутри были найдены в ямном погребении № 7 кургана 1 у с. Холмское [1, с. 41]. Сумка треугольно-трапециевидной формы размерами 22×12 см была найдена в катакомбном погребении № 4 кургана 3 к. гр. III у с. Шандровка Днепропетровской области [2, с. 47]. Деревянный щит, обтянутый кожей и скрепленный с основой бронзовыми за-

клепками, был найден в сабатиновском погребении № 2 кургана 3 у с. Борисовка Одесской области [3, с. 140].

Большую группу составляют орудия кожевенного производства, известные прежде всего на многочисленных поселениях срубного и сабатиновского времени, и не менее многочисленная группа, связанная с изготовлением изделий из кож из погребальных памятников ямной, катакомбной культур, культуры многоваликовой керамики.



Обработка кожи в Северном Причерноморье в эпоху бронзы. Костяные орудия: 1, 2 — Ушкалка; 3 — Бабино; 4, 6, 7, 9 — Златополь; 5—10 — Кирово; 8 — Усово озеро; 11—15 — Рубцы

Прежде чем перейти к характеристике орудий труда, коротко остановимся на особенностях самого сырья, не претерпевшего существенных изменений за прошедшие тысячелетия. Это позволит лучше представить функции орудий кожеобработки и приблизиться к пониманию технологического процесса.

В кожевенном производстве использовались шкуры крупного рогатого скота, лошадей, коз, овец, свиней, животных, входивших в том или ином процентном соотношении в состав стада эпохи бронзы [4, с. 5, с. 97—113; 6, с. 205—245 и др.]. Товарные свойства и качество исходного кожевенного сырья зависят от гистологического строения шкуры, определяемого видом, полом, возрастом животных, районом их разведения, условиями содержания и кормления, а характеристика шерстного покрова — и от времени убоя [7, с. 5]. Гистологическое строение шкур и особенности шерстного покрова, а также вид кожи и меха, который необходимо получить, определяют технологию и набор орудий обработки. В общих чертах для всех животных она сводится к следующему:

— съемка шкуры по слою кожной клетчатки, удаление на поверхности дермы остатков пленки подкожной клетчатки (мездры) и мускульной пленки;

— удаление и обезжиривание кожного сала, расположенного между дермой и подкожной мускулатурой, которое является источником разрушения шкуры;

— удаление шерстного покрова или щетины.

Универсальным материалом для производства различного вида кож являются шкуры крупного рогатого скота. Они имеют тонкий, примерно одинаковый по толщине эпидермис, слабо развитую подкожную жировую клетчатку. Шерстный покров состоит из редких, грубых остевых волос. В современном кожевенном производстве — это подошвенные, технические, шорно-седельные, сыромятные кожи, юфть, хром [7, с. 5—10].

Охарактеризовать с достаточной степенью достоверности технологические этапы обработки кожи, существующие в эпоху бронзы, на основании имеющихся данных невозможно. Но, опираясь на особенности сырья, орудия кожевенного производства, традиции кустарных промыслов, а также современные методы изготовления кож, можно предположить следующее. Технология обработки состояла из механических, включающих мездрение, волососгонку и др., и химических операций, способствующих выполнению первых. Среди химических ферментов могли быть зола, минеральные кислоты, молочнокислые продукты, помет, зерно, печень, мозги животных, жи-

вотные жиры. Переход к обработке кож с помощью дубителей, по мнению Б. А. Шрамко, произошел не ранее VI в. до н. э. [8, с. 151, 152]. Сыромятные кожи быстро загнивают и плохо сохраняются в земле. Этим можно объяснить редкость находок из кожи в археологических памятниках.

Самую большую группу орудий для обработки кожи представляют орудия, выполняющие скребковые функции. Если в мезолите—энеолите скребковые орудия из кремня являлись наиболее представительной группой, то в памятниках эпохи бронзы их количество значительно сократилось. При сохранении традиционных морфологических черт в оформлении тех его частей, которые связаны с функциональной эффективностью, увеличилась их масса и размеры.

В эпоху бронзы основные операции выполнялись костяными орудиями: скребками, ножами, стругами, тупиками, зубчатыми и другими орудиями. При использовании костяных орудий существенное значение, на наш взгляд, придавалось таким двум факторам. Во-первых, физическим свойствам — твердости, упругости, способности к механической обработке. Для большей части орудий кожевенной обработки выбирались такие кости животных или их части, которые требовали лишь механической доводки рабочего участка — распилки, обрубки, шлифовки, затачивания. Для них, по нашему мнению, не требовались специализированные мастерские. Во-вторых, доступность материала для изготовления орудий. Использовались кости всех известных на поселениях домашних животных. Возможно, влияние этих факторов сказалось на том, что в костяном инвентаре эпохи бронзы не наблюдается резкой смены форм внутри типов орудий.

Коротко остановимся на наиболее известных орудиях, нашедших применение в кожевенном производстве. Орудия из ребер крупных животных — орудия многофункционального действия, выполняющие в том числе функции ножей, скребков. В работе использовалась естественная заостренность одной из сторон. На Новоселицком зольнике сабатиновской культуры было найдено около 50 таких орудий [3, с. 86, 87]. Одной из разновидностей скребковых орудий являлись копытные фаланги лошади. Известны на поселениях Чикаловка, Кирово, Широкая Балка II и др. Струги из подготовленных специальным образом челюстей, лопаток и других костей крупных животных. Использовались при снятии мездры, 25 стругов было обнаружено на срубном поселении Усово озеро. Среди них — двуручный струг с кремневыми вкладышами [9, с. 39]. Самой многочисленной группой являются орудия из лопаток крупных животных с зубцами по краю головки.

На поселении Сабатиновка их было обнаружено 14, на поселениях Кирово — 21, Ильчевское — 12. Степовое — 12 [10, с. 86; 11, с. 40; 12, с. 165; 13, с. 422]. Практически они встречены на всех поселениях сабатиновского типа. Из известных орудий кожеобработки являются самыми сложными в изготовлении. Единства в определении функционального назначения среди исследователей нет. В. В. Отрощенко связывает их с обработкой шкур вообще [14, с. 78]. В. Ю. Выборный называет их штампами, которые использовались для работы по мягкому эластичному материалу в качестве лощила [15, с. 126].

И. Н. Шарафутдинова называет их орудиями для тиснения кожи [13]. Учитывая частую встречаемость зубчатых орудий, мы склонны связывать их со скребковыми функциями. Следы интенсивной сработанности расположены с наружной стороны зубцов по всему периметру. Для тупиков или гладильных ножей использовались челюсти крупных животных. Функцию ручки выполнял ее узкий конец.

В. Ю. Выборный и А. Н. Усачук связывают их с разминанием небольших по ширине кусков кожи—ремней [15]. И. Н. Шарафутдинова связывает их с операцией сгонки шерсти [16, с. 176]. В современном кожевенном производстве тупики используются для удаления мяса, жира, подкожной клетчатки. При этом шкуру укладывают на колоду шерстью вниз [7, с. 193]. Орудия, получившие название «коньки», выполняли, по мнению С. А. Семенова, функцию ножных гладильников при лощении кожи. Для них брались пястные кости коров, лошадей. Полоз стачивался на каменном бруске и заполировывался вдоль оси [17, с. 225]. Найдены на поселениях Ушкалка, Кирово, Новокиевка, Волошское и многих др. Среди орудий, связанных с обработкой кожи, часто упоминаются колышки. По мнеению С. А. Семенова и Г. Ф. Коробковой, ими пользовались при растяжке шкур [18, с. 125]. В отличие от вышеописанных орудий их находят не только на поселениях, но и в погребениях ямной, катакомбной, срубной культур, культуры многоваликовой керамики. Это обстоятельство позволяет посмотреть на использование колышков с другой стороны. В отличие от скребков, скобелей, стругов и других орудий, колышки в кожеобработке выполняют вспомогательную роль — к ним крепятся веревки, ремни, растягивающие шкуры [18, с. 125]. Вызывает сомнение их участие в погребальном ритуале именно в такой роли, ибо в подобном случае операцию по растяжке шкур надо будет признать сакральной [19, с. 13]. Представляется, что они могли иметь и иное назначение. Как правило, колышки попадают в погребение после их

многократного использования. Их острый конец при этом заполирован, а сами головки обломаны, как правило, по длинной оси, что возможно при многоразовом забивании их твердым предметом в относительно мягкую поверхность (земля, шкура, циновка).

Б. Г. Петерс предполагает, что с помощью костяных колышков в античное время прикреплялись к стенам циновки, на костяных штырях внутри жилищ развешивались предметы бытового и культового назначения [20, с. 56]. Поскольку могила со своими архитектурными и строительными элементами имитировала жилище, то колышки, очевидно, могли служить в этом сакральном пространстве деталями-символами, либо фиксировать на стенах растительные циновки. Чаще всего в погребениях их находят комплектами [21, с. 42, 46; 22, с. 10; 23, с. 76; 24, с. 94].

В практике обработки шкур известны керамические скребки, представляющие фрагменты керамики с заточенными краями [25, с. 228—230; 26, с. 264—268]. Некоторые операции могли выполняться орудиями из дерева — разминателями, колотушками, тупиками. На завершающей стадии обработки кожу разглаживали с помощью каменных и костяных гладилок, лощил.

Данные об использовании в кожевенном производстве металлических орудий малочисленны. Среди последних И. Т. Черняков и В. И. Никитин приводят бронзовые ножи с широким округлым лезвием из Бандуркинкого клада, которыми могли пользоваться при снятии шкур [27, с. 134—146]. Очевидно, существовали различные приспособления и емкости для химических операций.

Основная масса костяных орудий, предназначенная для обработки шкур, была обнаружена на поселениях срубной и сабатиновской культур: Ильчевское, Планерское, Усово озеро, Широкая Балка II, Безыменное, Кирово, Новокиевка, Сабатиновка, Чикаловка, Ушкалка и др. Так, например, в сабатиновском слое поселения Кирово были найдены зубчатые орудия из лопаток (21), тупики, обломки конька, проколки, иглы [11, с. 39—43]. Из сабатиновского горизонта Ильчевского поселения происходят тупики (33), лощила, орудия из лопаток с зубцами (7), коньки (13), скребки из копыт лошади, проколки, шилья [12, с. 164—165]. На поселениях срубного времени Широкая балка II и Безыменное — тупики (29), штампы (4), скребки из копыт лошади (4), коньки (13), лощила (3), проколки, игла с отверстием [15, с. 125—127]. На поселении срубного времени были выявлены струги (25), скребки (5), коньки (2), тупики (19), лощила, гладилки (10), шилья (30), [9, с.130].

Комплекты орудий для обработки кожи и отдельные орудия на поселениях чаще всего не привязаны к конкретным помещениям. Их находят в хозяйственных ямах, очагах, культурном слое, жилищах. На сабатиновских поселениях Степовое, Ташлык I, Виноградный Сад, исследованных большими площадями, И. Н. Шарафутдинова выделяет мастерские, связанные с кожевенным ремеслом [16, с. 177; 28, с. 256—257]. Среди орудий на этих поселениях Г. Ф. Коробкова выделяет скребки, ручные и ножные лощила, кожевенные ножи, разминатели для кож, орудия из лопаток быка, штампы для тиснения орнамента [13, с. 422; 29, с. 189]. По нашему мнению, эти находки свидетельствуют не только о существовании на этих поселениях кожевенного производства, но прежде всего о существовании на них косторезных мастерских, о чем также упоминает И. Н. Шарафутдинова. Из всего арсенала костяных орудий, использовавшихся при обработке кожи, именно изготовление «штампов для тиснения кожи» наиболее трудоемкое и требует специальных навыков и орудий. Их могли изготавливать в специализированных косторезных мастерских. Все же остальные орудия просты и могли изготавливаться в рамках домашнего производства. В помещениях-мастерских не известны находки больших емкостей или ямы, необходимые для химических операций. Очевидно, прав Б. А. Шрамко, предполагая, что обработка кож с помощью дубления начала осуществляться не ранее VI в. до н. э. [8, с. 151, 152].

Рассмотрим, какое отражение кожевенное производство получило в погребальных памятниках. Чаще всего среди инвентаря погребений эпохи бронзы встречаются так называемые колышки для растяжки шкур, костяные проколки, шилья, костяные и каменные лощила, бронзовые шилья, т. е. та группа орудий, которая использовалась при изготовлении изделий из кожи (погребения ямной, катакомбной, среднеднепровской, срубной культур, культуры многоваликовой керамики). Например, в катакомбном погребении № 9 кургана 1 у пос. Тельмана Ворошиловградской области были найдены 2 кремневых ножа для раскройки кожи, скребок с ретушью для обработки шкур, костяная игла с торцевым захватом нити, бронзовое шило для проколки отверстий [30, с. 98—100]. В катакомбном погребении № 2 кургана 12 у с. Филатовка в Крыму среди инвентаря присутствовало костяное лощило с двумя рабочими поверхностями для обработки кожи* [31, с. 66].

Среди памятников катакомбной культуры, погребальный

* Определение Г. Ф. Коробковой.

обряд которых фиксирует принадлежность погребенных к конкретному ремеслу, погребения мастеров по обработке кожи пока не известны. Одно или несколько орудий, предназначенных для обработки кожи, в составе инвентаря погребений, с одной стороны, подтверждают наличие развитого кожевенного производства в эпоху бронзы, а с другой — свидетельствуют о нерасчлененности процессов обработки кожи и изготовления из нее изделий. В инвентаре погребений не встречаются ведущие орудия обработки, широко известные на поселениях в срубной и особенно в сабатиновской культуре, поскольку их погребальный обряд специализированные погребения ремесленников не фиксирует.

Во второй половине II тысячелетия до н. э., как показывает материал поселений, произошло резкое увеличение количества орудий для обработки кожи. Это соответствует развитию разных форм скотоводства у племен эпохи бронзы Северного Причерноморья. Обработка шкур и выделка кожи на всем протяжении эпохи бронзы производилась в рамках домашнего производства. Это объясняется доступностью сырья и технологии обработки, доступностью и простотой орудий обработки. Обработка шкур производилась, очевидно, в теплое время года, т. к. все операции требовали интенсивной промывки кожевенного сырья водой. Шкуры животных, погибших или убитых зимой, подвергались консервации солением, сушкой, замораживанием. Процессы обработки кожи и изготовление из нее изделий, как свидетельствуют материалы погребений, нерасчлененные. То же относится и к выделившимся впоследствии скорняжному, шорному и другим промыслам, базировавшимся на кожаном сырье.

Библиографические ссылки

1. Гудкова А. В., Новицкий Е. Ю. Изделия из кожи с орнаментом из ямного погребения 7 кургана у с. Холмское //Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
2. Ковалева И. Ф., Ромашко В. А. и др. Могильник эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье //Древности Степного Поднепровья в III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1983.
3. Черняков И. Т. Северо-Западное Причерноморье во второй пол. II тыс. до н. э. Киев, 1985.
4. Підоплічко І. І. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР //АП УРСР. Київ, 1956. Вип. 2.
5. Бибикова В. И. Фауна из поселений у с. Кирово //Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
6. Бібікова В. І., Шевченко А. І. Фауна Михайлівського поселення //Михайлівське поселення. Київ, 1962.
7. Гаевой Е. В., Синицын К. Д. Технология кожевенного и мехового сырья. М., 1964.
8. Шрамко Б. А. Обработка кожи в Скифии //Проблемы архео-

логии Поднепровья. Днепропетровск, 1984.

9. Березанская С. С. Усово озеро. К., 1990.

10. Добровольский А. В. Перше сабатинівське поселення //АН УРСР. Київ, 1952. Т. 4.

11. Лесков А. М. Кировское поселение //Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.

12. Шаповалов И. Т. Поселение срубной культуры у с. Ильчевка на Северном Донце //Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.

13. Шарафутдинова И. Н. Раскопки поселения сабатиновской культуры у с. Степовое //АО в 1978 г. М., 1979.

14. Отрощенко В. В. Про деякі кістяні знаряддя доби пізньої бронзи //Археологія. Київ, 1973. Вип. 11.

15. Усачук А. Н. Новые данные о костяных орудиях ремесленного производства //Тез. конф. «Проблемы охраны и исследования памятников в Донбассе». Донецк, 1989.

16. Шарафутдинова И. Н. Хозяйство племен сабатиновской культуры //Первобытная археология. Киев, 1989.

17. Семенов С. А. Первобытная техника //МИА СССР. 1957. Вып. 54.

18. Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.

19. Топоров В. И. О ритуале. Введение в проблематику //Археологический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1986.

20. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1983.

21. Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Корпусова В. Н. Курганная группа у с. Привольное //Археологические памятники Поингулья. Киев, 1980.

22. Отрощенко В. В. и др. Отчет о раскопках ЗПЭ в 1987 г. //НА ИА АН УССР, 1987/18. С. 10.

23. Отрощенко В. В. и др. Отчет о раскопках ЗПЭ в 1981 г. //Там же. 1981/10.

24. Шапошникова О. Г., Фоменко В. И., Балушкин А. М. Курганная группа близ Старогорожена //Древности Поингулья. Киев, 1977.

25. Сидоров В. В. К вопросу о функциях скребков //СА. 1973. № 3.

26. Скакун Н. И. Экспериментально-трассологические исследования керамических орудий эпохи палеометалла //Там же. 1977. № 1.

27. Черняков И. Т., Никитин В. И. Бандуркинский клад бронзового века из Южного Побужья //Там же. 1984. № 2.

28. Шарафутдинова И. Н. Новое в исследовании сабатиновской культуры //Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. Київ, 1989.

29. Коробкова Г. Ф. Каменные и костяные орудия в бронзовом веке //ВАК ДСА в одиннадцатой пятилетке. Баку, 1985. С. 188—190.

30. Выборный В. Ю. Некоторые итоги исследования кургана у пос. Тельмана //Тез. конф. «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Донецк, 1989.

31. Бессонова С. С., Черных Л. А., Куприй С. А. Курганы у с. Филатовка //Курганы степного Крыма. Киев, 1984.

И. Ф. КОВАЛЕВА

СРУБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С НАБОРАМИ АЛЬЧИКОВ

Определение комплекса разграничительных признаков, позволяющих выделить из общей массы погребений социально неординарные, предпринималось рядом авторов и особенно активно разрабатывалось в общетеоретическом аспекте индоевропейской проблематики Е. Е. Кузьминой [1, с. 93; 2, с. 82; 3, с. 114, 115]. В применении к конкретному археологическому материалу — срубным погребениям степного Поднепровья — эта работа была проделана В. В. Отрощенко, предложившим детальный перечень признаков социально неординарных погребений [4, с. 86, 87]. Автором статьи также предпринимались попытки объяснения наблюдаемых различий в погребениях срубной культуры; при этом помимо социального фактора учитывалось их временное положение, что позволило проследить определенное «смягчение» ритуальных предписаний в позднейших по стратиграфическому положению группах погребений [5, с. 65—66].

Продолжающийся поиск критериев выделения отдельных категорий погребений в связи с предпринимаемыми попытками реконструкции срубного общества [6, с. 84—97; 7, с. 20—22; 8, с. 28—33; 9, с. 8—10 и др.] позволил исследователям «единодушно», как отмечает В. В. Отрощенко, определить в них «погребения военной и невоенной знати, жрецов», а также рядовых общинников и зависимых лиц [10, с. 162].

Именно под этим углом зрения в настоящей статье рассматриваются присутствующие во всех территориальных группах срубной культурно-исторической общности погребения с наборами обработанных таранных костей овец, или с так называемыми альчиками, в отдельных случаях дополняемыми костяными или каменными «фишками». Несмотря на широту их распространения, погребения с альчиками ранее специально не рассматривались, что не помешало видеть в них исключительно игровые наборы.

В целях максимальной объективности выборки, в нее были включены погреебения с альчиками из зонально хорошо изученного района Орельско-Самарского междуречья, входящего в северную подзону, по В. В. Отрощенко [10, с. 162], а также соседнего с ним Днепровского Надпорожья. Проведенный подсчет позволяет заметить их малочисленность—от общего числа 1220 исследованных срубных погребений на долю сопровождавшихся наборами альчиков приходится всего 16, или 1,3%. В 13 случаях наборы альчиков найдены в погребениях взрос-

лых (мужчин 81,2%) и в 3 — в погребениях детей и подростков. Если руководствоваться, как это делают С. Ж. Пустовалов и Л. А. Черных, тем, что для катакомбной культуры признак наличия альчиков является частным «чистым» для мужских погребений [11, с. 140], возможно предположить мужской пол и для срубных детских и подростковых погребений. Однако неполнота антропологических определений требует известной осторожности в подобных выводах. Несомненно одно — преобладание взрослых погребений, сопровождавшихся наборами альчиков, что находится в противоречии с мнением об их исключительной принадлежности детям.

Из общего числа учтенных погребений с наборами альчиков 9 являлись основными и с ними связано возведение курганов; остальные впущены в насыпи с основными многоваликовыми или однокультурными погребениями, но и в этом случае выделяются полнотой обряда (рис. 1). Для 5 погребений установлено устройство срубов, а в Надпорожье, где обилие камня определяло восходящую к глубокой древности традицию его использования в погребальных сооружениях, — ящичной гробницы. В остальных случаях могилы имели перекрытие из плах или камня с обязательным использованием тростника в связках или плетеных циновках. Также обязательна подстилка на дне могил, зачастую посыпаемая мелом (табл. 1). Погребения произведены как путем трупоположения, так и путем частичного или полного трупосожжения. Положение погребенных скорченное на левом боку с поднятыми к лицу руками, ориентация восточная (3) или северо-восточная (12). В инвентаре, помимо альчиков, представлены сосуды с преобладанием баночных форм (табл. 1). Напутственная пища (о чем свидетельствует наличие черепов и конечностей животных), помещаемая в могиле и на перекрытии, присутствует в 5 погребениях. В целом вышерассмотренным погребениям присущи признаки, характерные для основной массы погребений III стратиграфического горизонта [5, с. 23, 24].

Наборы альчиков значительно разнятся по числу входящих в них экземпляров; максимальное учтенное количество— 161, минимальное — 1. Плоскости всех альчиков имеют обработанную пришлифовкой поверхность, на которых в 6 случаях нанесены знаки (рис. 2.4, 7, 10—12). В одном случае встречен альчик, которому придана кубическая форма.

В двух наборах кроме альчиков представлены изделия из камня и кости, условно называемые нами «фишками». В этом смысле уникален набор, происходящий из окрестностей с. Волосское Солонянского района Днепропетровской области. Курган 9, в основном погребении которого он найден, входил

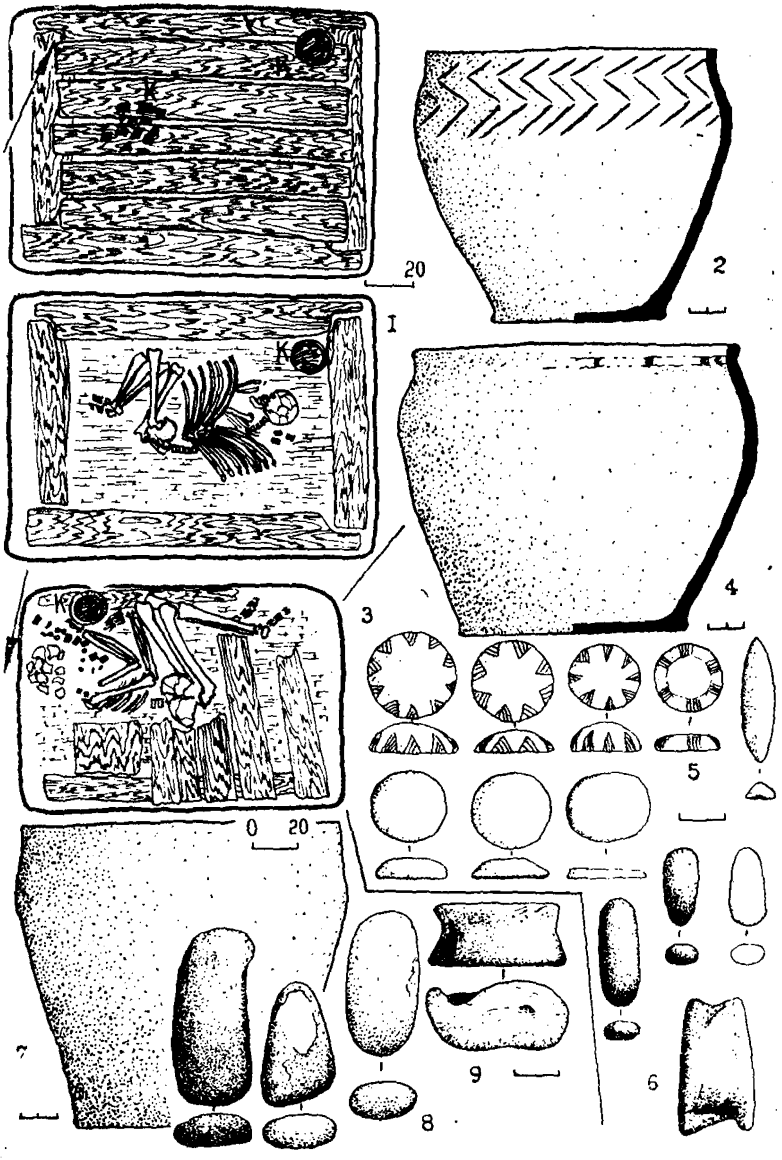


Рис. 1. Срубные погребения с наборами альчиков:

1—2 — В. Маевка, гр. II, к. 5, п. № 1; 3—6 — Волосское, гр. I, к. 9, п. № 1; 7—9 — Жемчужное, гр. I, к. 6, п. № 2

Таблица 1

№ пп.	Место находки	Положение в кургане	Размеры могилы	Сруб	Перекрытие	Возраст	Ориентация	Напутств. пища	Альчики	Инвентарь	Сосуд	Примечание
1.	В. Маевка-72. гр. 2, к. 5, п. 1.	Осн.	2.1×1,7	+	+	В	СВ	+	3	12 раковин 3 сосуда в тризне	Б	
2.	Подгородное-73 гр. 5, к. 1, п. 1.	Вп.	1,7×1,2	—	+	В	СВ	—	1	—	Б	
3.	Подгородное-73 гр. 6, к. 2, п. 1.	Осн.	1,4×0,9	—	+трупосожжение			+	Около 70	—	О	
4.	Ново-Подкряж-76 гр. 5, к. 2, п. 1.	Оси.	1,7×1,4	+	—	Р	СВ	—	4	—	Б	
5.	Хащевое-78 к. 3, п. 4.	Вп.	1,7×1,2	—	—	В	СВ	—	2	—	Б	
6.	Бузовка-79 гр. 9, к. 3, п. 4.	Вп.	1,3×0,9	+	—	В	В	+	10	Фрагмент бронзовой серьги	Б	
7.	Бузовка-80 гр. 27, к. 1, п. 6.	Вп.	1,1×0,7	—	—	В	СВ	—	3	—	Б	
8.	Волосское-83 гр. 1, к. 8, п. 1.	Осн.	1,6×1,5	+	+	2В	В	+	1	—	2Б	

9. Волосское-83 гр. 1, к. 9, п. 1.	Осн.	1,5×1,1	+	+	В	В	—	14	11 фишек	Б
10. Шандровка-83 гр. 2, к. 1, п. 9.	Вп.	разрушено			Р	—	—	1	—	О
11. Сухая Калина-84 гр. 1, к. 2, п. 1.	Осн.	1,6×1,3	+	+	В	СВ	—	77	плитка	О
12. Терны-85 гр. 2, к. 2, п. 2.	Осн.	1,5×1,1	—	—	В	СВ	—	7	нагайка, полая кость птицы	Б
13. Троицкое-85 гр. 1, к. 8, п. 1.	Осн.	1,2×0,9	—	—	Р	СВ	—	1	кост. пронизь, 2 бронз. подвески	Б, П
14. Жемчужное-86 гр. 1, к. 6, п. 2.	Вп.	разрушено			В	СВ	—	8	3 фишки	Б
15. Кисличеватая-87 гр. 4, к. 1—2, п. 2.	Вп.	1,1×0,9	—	+К	В	СВ	+	4	—	Б
16. Нововасильевка-89 к. 1, п. 1.	Осн.	1,2×0,7	—	+	В	СВ	+	161	медный шлак	Б

Примечание: Положение в курганс: Осн. — основное; ВП — впускное. Сруб, перекрытие: + есть; — нет; К — каменное перекрытие. Возраст: В — взрослый; Р — ребенок, подросток. Сосуд: Б — банка; П — плошка; О — остроребериый сосуд.

в курганную группу 1, объединявшую насыпи бронзового и раннего железного веков. Современная высота 0,8 м, диаметр 24 м. Могилу, вырытую в центре, окружал материковый выкид, на дне установлен одновенечный сруб из бревен. Погребенный мужчина 20—25 лет положен на левом боку, ориентация восточная. У черепа стоял сосуд, рядом с которым находилась напутственная пища. На дне могилы перед лицом и частью на костях груди россыпью лежало 14 альчиков и 10 «фишек» (рис. 1.3). Из них 7 вырезаны из кости и различаются по форме, размерам и рисунку, нанесенному тонкими гравированными линиями и повторяющему известные композиции орнаментации срубной керамики (рис. 1.5). Остальные 3 «фишки» изготовлены из агата путем пришлифовки естественных галек, различаются формой и размерами (рис. 1.6).

Вышерассмотренный набор не является исключением, хотя и выделяется полнотой, материалом и качеством изготовления. У с. Жемчужное Павлоградского района в кургане 6 группы I исследовано погребение № 2, одно из трех срубных, впущенных в насыпь энеолитического кургана. Погребенный взрослый лежал скорченно на левом боку в северо-восточной ориентации. За черепом стоял сосуд баночной формы. Рядом с ним и у лица погребенного находились 8 альчиков и 3 «фишки» — гальки каплевидной формы черного, желтого и молочно-белого цвета (рис. 1.7—9).

Характерной чертой наборов, в которых «фишки» отсутствуют, является увеличение общего числа альчиков. Один из них обнаружен в основном погребении № 1 кургана 2 у с. Сухая Калина Синельниковского района, произведенном в срубе. Скелет подростка лежал скорченно на левом боку в северо-восточной ориентации. За черепом стоял остроребериый сосуд, рядом с которым лежала плоская плитка подпрямоугольной формы, сформованная из глины с минеральными добавками, с сохранившимися размерами 8,4×6,6 см. Одна из широких плоскостей разделена небрежно прочерченными до обжига пересекающимися линиями на ряд прямоугольников (рис. 2.3). Вдоль скелета от темени до колен были выложены альчики (71 экз.) с пришлифованными плоскостями (рис. 2.1, 2, 4, 5).

Еще больший набор происходит из основного срубного погребения № 2 кургана 1 у с. Нововасильевка Софиевского района. Могила на древнем горизонте перекрывалась плахами, на которых лежала напутственная пища — череп и конечности коровы. Скелет погребенного мужчины 20—25 лет положен на левый бок в северо-восточной ориентации. Рядом с черепом стоял сосуд, на костях грудного отдела найден кусочек медного шлака и 2 зуба человека старческого возраста.

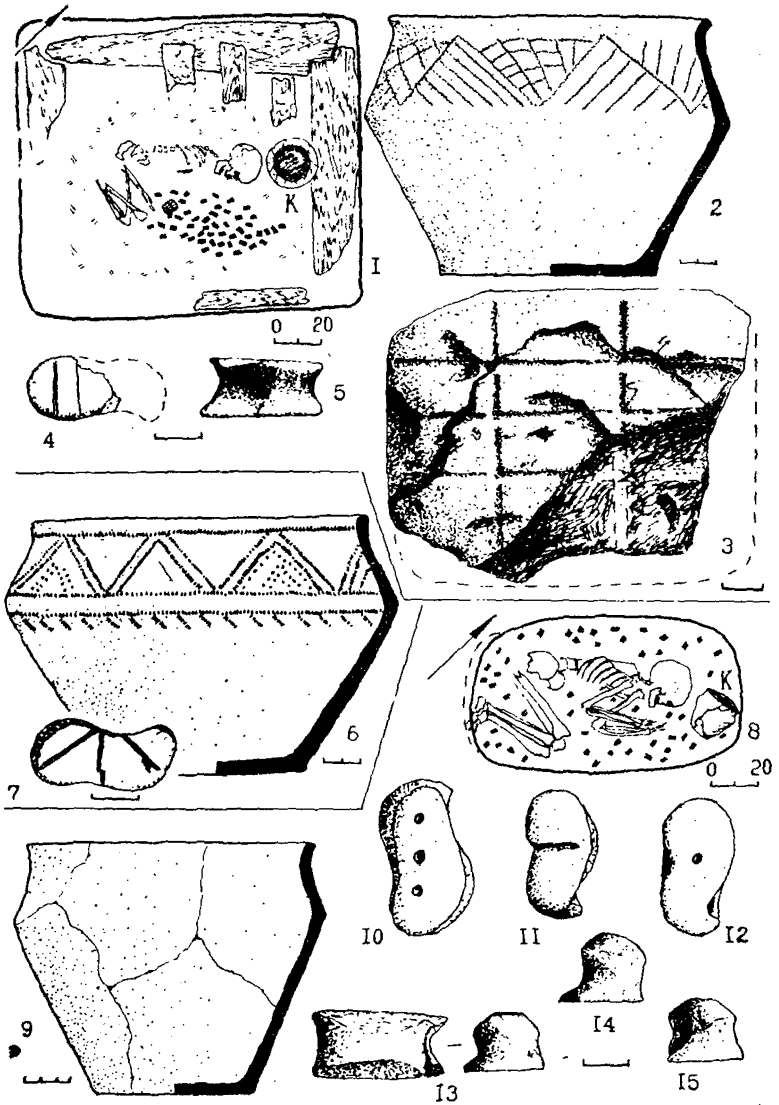


Рис. 2. Срубные погребения с наборами альчиков:
1—5 — Сухая Калина, гр. II, к. 2, п. № 1; 6—7 — Шандровка, гр. II, к. 1, п. № 10; 8—15 — Нововасильевка, к. 1, п. № 2

На дне могилы россыпью лежал 161 альчик, из которых 2 не имели следов обработки. У 3 экземпляров на одной из плоскостей вырезаны знаки в виде поперечной разделительной линии, одной и трех точек (рис. 2.8—15). Обращает внимание присутствие в наборе альчиков с заметно выпуклой широкой плоскостью, что заведомо исключало их установку на них.

Наиболее ранняя находка последних происходит из погребения № 1 кургана 5 группы II у с. В. Маевка, по ряду признаков отнесенного к числу «жреческих», воплощающих в погребальном обряде с наибольшей полнотой представления древних индоариев, о чем автору приходилось уже писать [8, с. 61]. Так, в срубе размерами 2,15×1,6 м, имевшем сложное двухслойное перекрытие, погребен взрослый, скелет которого лежал на правом боку черепом к северо-востоку. Скелет был накрыт разрезанными по грудной кости и развернутыми наподобие крыльев ребрами коровы. Вдоль позвоночника лежало в ряд 12 створок перловицы. Между черепом и лопаткой положены также в ряд 3 альчика. Инвентарь включал 2 сосуда, найденных в могиле, и обломки еще от трех, происходящих из тризны (рис. 1.1, 2).

Типичным для позднейших является погребение № 6 кургана I группы 27 у с. Бузовка. Могила одновременна основному погребению и вырыта с уровня древнего горизонта. Скелет подростка лежал скорченно на правом боку. Перед лицом стоял сосуд баночной формы, рядом находилось 3 альчика.

Еще более редким является присутствие в срубных погребениях 1 альчика. Его помещение в могилу в этом случае нельзя объяснить предполагаемым рядом авторов чисто утилитарным, игровым, назначением. Это лишь подчеркивает ритуальную обусловленность предмета, определяемую, в понимании автора, сферой культа.

В кургане 8 группы I у с. Волосское, в которую входило и вышерассмотренное погребение с набором альчиков и фишек, исследовано основное парное погребение № 1, произведенное в срубе, установленном на дне квадратной могилы со сторонами 1,6×1,5 м и глубиной 1,6 м. Скелеты двух взрослых лежали на левом боку в восточной ориентации. Сопровождались 2 сосудами, рядом с которыми лежала напутственная пища, и обработанным альчиком, положенным на дно могилы между черепами погребенных. Не лишен интереса тот факт, что только на одиночных экземплярах альчиков имеют место упоминавшиеся выше знаки в виде черты-делителя или сходящихся линий.

Рассмотрев совокупность срубных погребений с наборами альчиков, попытаемся дать им объяснение. Нам пред-

ставляется неверным ограничивать сферу применения последних игрой в современном смысле этого слова — против этого свидетельствуют данные как археологии, в частности рассмотренных выше погребений, так и этнографии, и в более широком смысле культуроведения. Именно изучение накопленных ими материалов позволило Э. Тейлору утверждать, что «азартные игры так тесно связаны с искусством гадания, уже известным дикарям, что многие подобные игры отлично иллюстрируют, как то, что когда-то принималось всерьез, может выродиться в шуточный пережиток» [12, с. 47].

Употребление альчиков и бабок животных в качестве священных предметов, применявшихся в гадании (бросании жребия), засвидетельствовано для многих исторических народов— индийских ариев, греков, римлян, китайцев, а в пережитках, по мнению Э. Тейлора, известно почти всем народам Европы, причем число бросаемых альчиков у них ограничено тремя— тем минимальным набором, который характерен и для срубных погребений. «Они первоначально употреблялись для гадания, а затем превратились в грубые игральные кости», но и в этом случае, отмечает Тейлор римский игрок должен был воззвать к богам прежде, чем бросить их [12, с. 49].

В «Ригведе» присутствует знаменитый «Гимн игрока» (X, 34), содержащий магическое заклинание против игральных костей. Само его присутствие служит подтверждением того, что бросание жребия на костях, а позднее и игра в кости были широко распространены в древней Индии. В гимне кости изображаются как страшная магическая стихия, терзающая свою жертву, избавление от которой возможно только с помощью «бога Савитара», олицетворяющего животворную силу Солнца.

В комментарии к гимну Т. Л. Елизаренкова отмечает, что, к сожалению, правила игры в кости у древних индийцев остаются неясными; известно только, что если число костей при броске или при выхватывании их из кучи делилось на четыре, то это был выигрыш, если же оставались «лишние» кости, то это означало проигрыш [13, с. 368].

Об особой, сакральной, роли игры в кости свидетельствует и тот факт, что в индуистской мифологии присутствует особый термин «юга» (др.-инд. «упряжка», «пара», «поколение»), употребляемый для обозначения четырех «мировых периодов», заимствованный из этой игры [14, с. 676]. В связи со сказанным задержимся на цифровой символике рассмотренных наборов альчиков.

Как отмечалось, присутствие в могиле одного альчика встречается крайне редко, что, по-видимому, вытекает из осо-

бого отношения к единице как трансцендентному числу, обозначающему, по мнению В. Н. Топорова, «не столько первый элемент ряда в современном смысле, сколько целостность, единство» [14, с. 630]. В этой связи весьма показательны находки одного альчика в парных погребениях, рассматриваемых как супружеские. В большинстве же наборы начинаются с трех альчиков, что может быть связано с особой ролью числа 3. По мнению В. И. Топорова, в ряде древних традиций «тройка» открывает числовой ряд и выступает как образ абсолютного совершенства, «основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации» [14, с. 630]. В качестве примера им приводятся три сферы вселенной, три высших ценности, божественные троицы.

Редко, но встречаются наборы из 4 альчиков — числа, передающего образ статической целостности. В древнеиндийской литературе (Мехабхарате) имеет место объединение уже упоминавшихся 4 «йога» с четырьмя варнами. Из суммы рассмотренных выше чисел возникает «магическое число» 7, повторенное в наборе альчиков из кургана у с. Сухая Калина. Сакральная выделенность в ритуалах и мифопоэтических текстах принадлежит также «девятке» и другим числам, производным от 2, 3, 7, 9, 12, характеризующим наборы альчиков.

Кому же могли принадлежать срубные погребения с рассмотренными наборами альчиков? Исходя из того что любое гадание, и в том числе клеромантия (метание жребия, гадание на костях), предполагало вмешательство потусторонних сил, оно являлось опасным для непосвященных и требовало посредника между вопрошающим и небожителями, каковым являлся профессиональный гадатель, он же — жрец. Именно в этом качестве рассматривает С. И. Санжаров погребенных с наборами игральных костей донецкой катакомбной культуры [15, с. 157]. В обоснование этого им приводится развернутая и, надо признать, убедительная система аргументов, в которой, на наш взгляд, отсутствует одно важное положение, а именно — констатация реально существовавшей связи между «кубиками» — игральными костями — и наборами альчиков. Эволюция развития рассматриваемых предметов своей исходной имела именно реальные овечьи или козьи таранные кости — альчики, что сохранено в самом названии. В той же мере, в которой разнообразие числовых вариантов, выпадавших при гадании на игральных костях, могли использоваться в процессе гаданий данные о числе одновременно выпадавших альчиков, направлении и широте их разброса, положении относительно помечаемой знаком грани или «фишки». В основе тех и других действий лежит магия чисел и их ва-

риации, посредством которых выражалось отношение между реальными вещами или явлениями [16, с. 58—59].

Поэтому среди погребенных с наборами альчиков, выделяемых в срубной культуре рассматриваемого района, можно видеть профессиональных гадателей, сопричастных культу и обслуживавшим его жрецам. Социальная выделенность по-крайней мере части из них подтверждается сложностью и неординарностью ряда курганов и погребений. Например, курган 2 группы «Долгой могилы» у с. Терны, где ров и окружаемое им пространство имели форму антропоморфной стелы, «головой» которой служила могила срубного погребения, сопровождавшегося 7 альчиками, обломком костяной рукоятки нагайки и сосудом [17, с. 9—10, рис. 2]. Вместе с тем у нас пока нет оснований видеть в погребенных «вождей-жрецов», как это делает С. И. Санжаров в отношении катакомбных погребений с игральными костями [15, с. 157].

Присутствие погребений с наборами альчиков устанавливается также для сменяющих срубную культур поздней бронзы — раннего железного века исследуемого района. Исключительный интерес для рассматриваемой темы имеет обнаружение обработанных альчиков, сопровождавшихся равным им количеством так называемых «пращевых камней» в погребении «жрицы» Бердянского скифского кургана, свидетельствующее о длительности сохранения традиции гадания на костях [18, с. 154, 157].

Этнография приводит ряд примеров использования альчиков и фишек в играх, имевших ритуальное значение [12, с. 49—51]. Л. Г. Морган упоминает игру в бляшки, вырезаемые из оленьего рога, в которую играли ирокезы во время религиозных советов, причем «народ распределялся по племенам, как обычно, и бился об заклад об исходе игры» [19, с. 161, рис. 19]. Дж. Теннер упоминает об аналогичной игре, фишками в которой служили персиковые косточки [20, с. 151]. По-видимому, аналогичный культовый характер имели при своем возникновении и другие игры с использованием альчиков — украинские «шляпы» [21, с. 405], русские, киргизские и казахские «бабки» [22, с. 63; 23, с. 139—140], монгольская игра «харбаджи» [24, с. 118].

Библиографические ссылки

1. Кузьмина Е. Е. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен //Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 23—44.

2. Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей //ВДИ. 1974. № 4. С. 96—119.

3. Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных //Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с.101—125.

4. Отрощенко В. В. О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья //Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тез. докл. Донецк, 1979. С. 86, 87.

5. Ковалева И. Ф. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). Днепропетровск, 1981. С. 78.

6. Отрощенко В. В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья //Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1984. С. 84—97.

7. Цимиданов В. В. Об уровне социального развития срубного общества //Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе: Тез. докл. Перевальск, 1988. С. 20—22.

8. Ковалева И. Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск, 1989.

9. Левченко В. Н., Чередниченко Н. Н. О некоторых аспектах социальной структуры срубного общества в середине II тыс. до н. э. //Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара памяти А. И. Тереножкина. Кировоград, 1987. Ч. 2. С. 8—10.

10. Отрощенко В. В. К вопросу о социальной структуре племен срубной культурно-исторической общности //Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тез. докл. Киев, 1989. С. 162—163.

11. Пустовалов С. Ж., Черных Л. А. Опыт применения формализованно-статистических методов для поло-возрастного анализа погребений катакомбной культуры //Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982. С. 105—139.

12. Тейлор Э. Первобытная культура: Пер. с англ. М., 1939.

13. Ригведа. Избранные гимны /Перевод, комментарии и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.

14. Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 630—676.

15. Санжаров С. И. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями //СА. 1988. № 1. С. 140—159.

16. История математики с древнейших времен до начала нового времени: В 3 т. М., 1970. Т. 1.

17. Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н. и др. Исследование курганов группы «Долой могилы» у с. Терны в Приорелье //Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987. С. 5—27.

18. Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана //СА. 1988. № 2. С. 149—166.

19. Морган Л. Г. Лига ходеносауни или ирокезов: Пер. с англ. М., 1983.

20. Теннер Дж. Тридцать лет среди индейцев: Пер. с англ. М., 1963.

21. ПП. Некоторые детские игры в Маяках Херсонской губ. //Киевская старина. 1902. Т. 78. С. 405.

22. Терещенко А. Быт. СПб., 1847. Ч. 4. Гл. I.
23. Небольсин П. Очерки быта калмыков Хотоутовского улуса. СПб., 1852.
24. Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 2. Гл. 2, 3.

А. А. МЕЛЬНИК, В. А. РОМАШКО

КИММЕРИЙСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КРИВОРОЖЬЯ

Накопление в последние годы данных о киммерийских погребениях Северного Причерноморья существенно дополняет сводку, приводимую в работе А. И. Тереножкина [1]. Однако в количественном отношении последние продолжают оставаться относительно малочисленными, чем обусловлена важность введения в научный оборот каждого нового памятника.

Настоящая публикация знакомит с 6 погребениями, исследованными в 1978—1988 гг. на территории Криворожья, в верхнем течении Ингульца, экспедициями Криворожского краеведческого музея (4) и Днепропетровского университета (2). Прежде чем перейти к их описанию, отметим, что ранее на территории Криворожья был известен только один киммерийский комплекс, содержащий бронзовые удила с двукольчатыми концами и наконечник копья центральноевропейского типа, происходящий из разрушенного кургана у с. Родионовка [2, с. 75, рис. 3].

Город Кривой Рог, курган «Могила», погребение № 3. Впускное в насыпь раннего бронзового века. Входная яма вырыта в 22,3 м к северу от условного центра, в плане вытянуто-овальной формы, размеры 1,75×0,7 м, дно на глубине 0,85 м от уровня впуска, продольная ориентация широтная. Заполнением служили гранитные и известняковые камни и просочившийся из насыпи грунт. Под северной стенкой вырыт подбой глубиной 0,1 м и высотой 0,3 м. Общая площадь дна и подбоя составляла 2×0,8 м, подстилка отсутствовала. Погребенный лежал по центру вытянуто на левом боку с поворотом на спину, головой на запад. Обе руки, слабо согнутые в локтях, протянуты вниз, кисти лежали у таза. Инвентарь представлен свернутой из бронзового листа внахлест пронизью длиной 1,4 см, диаметром 0,5 см (рис. 1.1, 2), находившейся на тазовых костях.

Культурная принадлежность и хронологическое положение погребения устанавливаются по особенностям обряда и сопровождающему инвентарю. Подбойные могилы известны в раннем железном веке как в черногоровских, так и новочеркасских памятниках [1, с. 93; 3, с. 111, 112], однако вытянутое

на спине или боку положение и западная ориентация погребенных являются характерными чертами погребального обряда новочеркасской группы [1, с. 98]. Инвентарь маловыразителен, однако отметим, что в памятниках начала раннего железного века Восточной Европы пронизи, свернутые из листовой бронзы, происходят преимущественно из позднейших предскифских комплексов, например позднечернолесских кладов, найденных у с. Залевки и Субботово [1, с. 73, рис. 40. 9—14; с. 82, рис. 52, 57. 11—14], погребений кобанской [4, с. 191, рис. 4.17] и ананьинской [5, табл. 3.46; табл. 8. 1, а; табл. 12. 1, а, табл. 13. 1, б», табл. 20. 3, д и т. д.] культур. Таким образом, представляется возможность отнести погребение № 3 кургана «Могила» к кругу новочеркасских древностей VIII — первой половины VII вв. до н. э.

Город Кривой Рог (пос. Рыбасово), курган 6, погребение № 1. Впущено в центральную часть насыпи эпохи ранней бронзы, ограблено. Могила вытянуто-прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 2,2×0,9 м, глубиной от уровня впуска 1,5 м, ориентирована в направлении северо-запад — юго-восток. Перекрывалась гранитными плитами средних размеров 1,3×0,6×0,4 м. В северо-восточном углу могилы, захватывая часть продольной стены, вырыта ниша длиной 0,7 м, глубиной 0,4 м и высотой 0,4 м. Скелет взрослого лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад в пятне темно-коричневого тлена. Руки прямые, параллельны туловищу. Справа у черепа, на дне произведена посыпка золой и углями. Сопровождающий инвентарь представлен двумя сосудами, стоявшими в нише (рис. 1.3, 4, 5).

Оба сосуда кувшинообразной формы, серого лощения с носиками-сливами, завершающими высокое коническое горло. Орнаментированы по горлу узкими горизонтальными, по корпусу — вертикальными каннелюрами. Один экземпляр имеет две перекрещенные перевитые ручки, расположенные на горле. По сторонам носика-слива размещены 2 налепа, 3 вертикальных налепа овальной формы находятся на корпусе. Высота сосуда — 32 см, диаметр устья — 10,8 см, корпуса — 33 см, дна — 8 см (рис. 1.4).

Второй экземпляр имеет овальную в сечении петлевидную ручку, орнаментированную горизонтальными каннелюрами. Сохранился фрагментарно: восстанавливаемая высота — 21 см, диаметр устья — 8,5 см, корпуса — 15 см (рис. 1.5).

Погребение отнесено нами к кругу новочеркасских второй половины VIII — первой половины VII в. до н. э. на основании конструктивных особенностей подбойной могилы, вытянутого на спине положения, западной ориентации погребен-

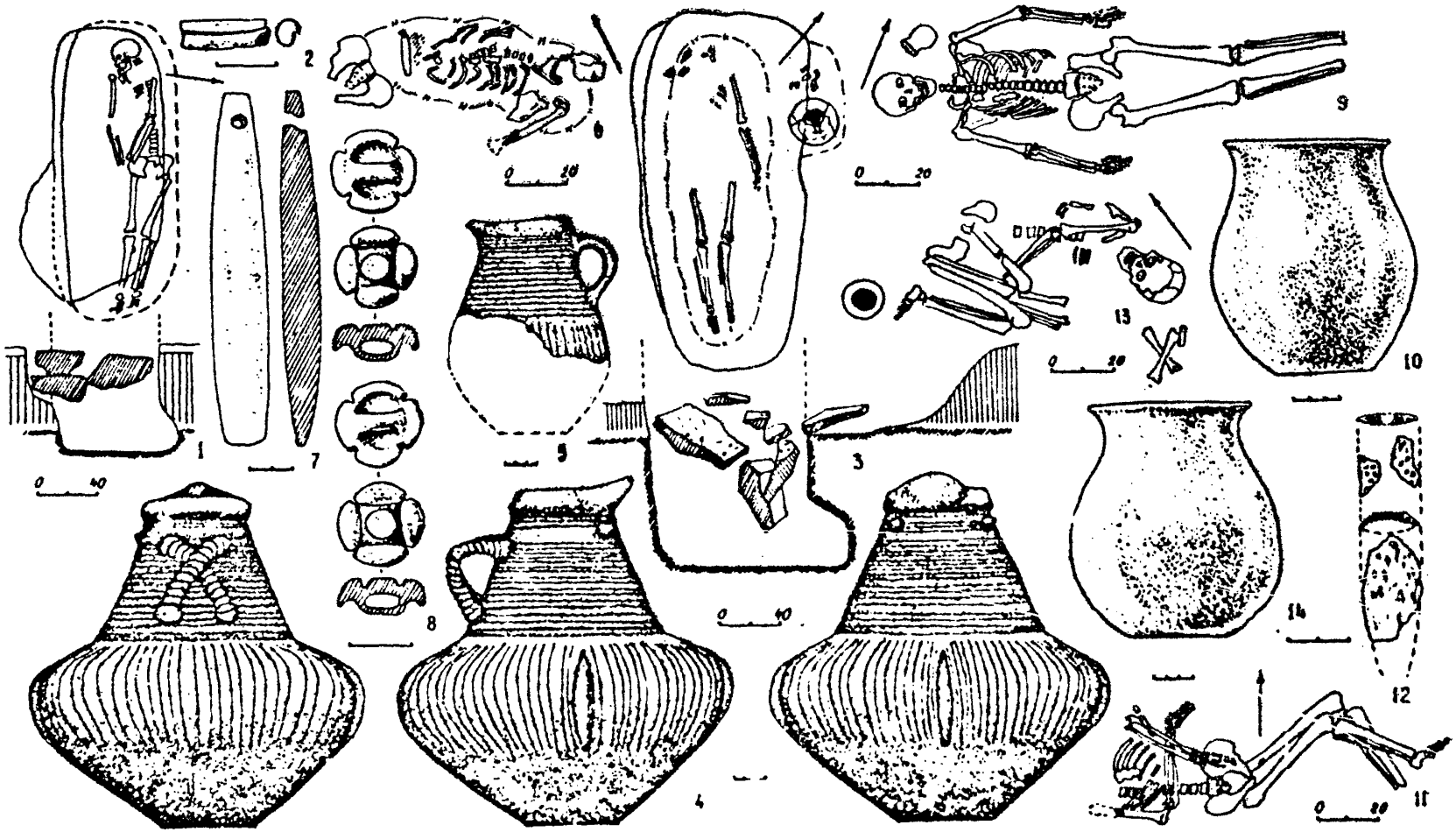


Рис.I. Киммерийские погребения и инвентарь: I,2 – г.Кривой Рог, к. "Могила", п. №3; 3–5 – г. Кривой Рог /пос. Рыбасово/, к. 6, п. №I; 6–8 – с.Родионовка, к. 7, п. №I; 9–I0 – с.Орджоникидзе, к. 2,п. №I6; II–I2 – с.Златоустовка, к. гр.I, к. I,п. №2; I3–I4 – с.Андрусовка, к. гр.I, к. 1,п. 5

ного, сопровождающего инвентаря. При этом следует отметить, что прямые аналогии кувшинообразным сосудам в степных киммерийских погребениях отсутствуют. Известные нам сосуды с ручками, происходящие из погребений у с. Кременевка [6, с. 179, рис. 7.9], Петродолина [7, с. 70, рис. VII], Перещепино [8, с. 104, 105, рис. 5], Киркаешты [9, с. 141—143, рис. 62.1, 2] и др., относятся к категории черпаков. Единственные находки кувшинообразных сосудов, но иных типов, происходят из погребений раннего железного века Восточного Маныча [10, с. 68, рис. 2.1] и Подонья [11, с. 208—210, рис. 2.1]; «кувшинчик с ручкой» найден в погребении № 2 Черногоровского кургана [1, с. 67].

Отсутствие аналогий сосудам из пос. Рыбасово не препятствует их включению в серию керамики киммерийской культуры, поскольку орнаментация частыми горизонтальными каннелюрами по горлу кубков и корчаг предскифского времени достаточно обычна. Она известна на сосудах вилановского типа чернолесской культуры [12, с. 66—68, рис. 43], на кубках из киммерийских погребений у с. Калиновка [13, с. 41—43, рис. 3.13], Любимовка, Енджа [1, с. 51, рис. 23; с. 42, 43, рис. 16, 19]. Корпус последнего, как и рассматриваемых сосудов, украшен вертикальными каннелюрами. Каннелирование внешней поверхности лощеной керамики появляется в Северном Причерноморье уже в белозерской культуре и обычно связывается с западными влияниями, достаточно ярко проявлявшимися также и в позднейшее предскифское время [14, с. 49—51].

Село Орджоникидзе Криворожского района, курган 2, погребение № 16. Впущено в центральную часть насыпи эпохи ранней бронзы на глубину 1,6 м от поверхности. Контуры могилы не прослежены из-за однородности заполнения грунта насыпи. Скелет взрослого лежал вытянуто на спине, головой на запад—юго-запад. Руки протянуты вдоль туловища. Слева от черепа стоял чернолощеный горшок вытянутых пропорций с плавно отогнутым наружу венчиком, перегибом плеча в нижней трети высоты и плоским дном. Высота горшка — 13,5 см, диаметр устья — 10 см, корпуса — 10,8 см, дна — 5,5 см (рис. 1.9, 10).

Особенности морфологии и техники обработки внешней поверхности сосуда позволяют отнести его к керамике предскифского времени. Уточнение хронологического положения погребения в рамках киммерийской культуры возможно на основании вытянутого положения погребенного и его западной ориентации, признаков, характерных, как уже отмечалось, для памятников новочеркасской группы.

Село Родионовка Криворожского района, курган 7, погребение № 1. Впущено в центральную часть кургана эпохи ранней бронзы на глубину 1,4 м от поверхности. Скелет взрослого сильно разрушен. В отчете о полевых исследованиях [15] отмечено, что погребенный лежал скорченно на левом боку на растительной подстилке. Более внимательное знакомство с полевой документацией позволяет предположить, что скелет лежал вытянуто на спине головой на юго-восток (рис. 1.6). В районе таза погребенного найден кварцитовый брусок прямоугольной в сечении формы длиной 17 см, шириной в центральной части 2,4 см, у краев 1,8 см, толщиной 1,5 см. Диаметр сквозного отверстия равен 0,7 см (рис. 1.7). Украшен двумя бронзовыми четырехлепестковыми бляхами с петлей на внутренней стороне. Диаметр блях — 1,7 см (рис. 1.8). Судя по остаткам кожи, брусок был помещен в кожаный чехол.

Наряду с вытянутым положением скелета, определяющим хронологическое положение погребения в рамках второй половины VIII — первой половины VII в. до н. э., важно присутствие в составе погребального инвентаря двух бронзовых блях в виде четырехлепестковых розеток. Многочисленные аналогии им известны на обширной территории от Центральной Европы до Памира в комплексах киммерийской, кобанской, протомеотской, ананьинской и других культур раннего железного века, датируемых временем не ранее VIII в. до н. э. Не менее распространено изображение четырехлепестковой розетки, интерпретируемой как солярный знак [16, с. 166, 167; 17, с. 209—211; 18, с. 82—84], на украшениях, предметах конской упряжи и оружии, происходящих из памятников новочеркасского времени [1, с. 174].

Село Златоустовка Криворожского района, курганная группа 1, курган 1, погребение № 2. Впускное в насыпь эпохи бронзы погребение находилось в 4,8 м к югу от условного центра на глубине 0,8 м от поверхности. Контуры могилы не прослежены. Скелет взрослого лежал скорченно на спине с поворотом на правый бок, головой на запад. Правая рука, согнутая в локте, предплечьем лежала через туловище; левая вытянута, кисть находилась на тазовых костях. На костях левого предплечья находилось сильно корроизированное железное изделие, определяемое как обломок кинжала. Лезвие в сечении линзовидное, шириной 4,1 см. Длина кинжала и форма рукояти не восстанавливаются (рис. 1.11, 12).

Отнесение погребения к киммерийской культуре и датировка в пределах IX — первой половины VII в. до н. э. основывается на присутствии обломков железного кинжала при

скорченном скелете, лежавшем в позе, характерной для погребений черногоровской группы, но головой на запад, что показательно для более поздней новочеркасской группы памятников.

Село Андрусовка Криворожского района, курганная группа 1, курган 1, погребение № 5. Впущено в насыпь эпохи ранней бронзы в 5,1 м к востоку от условного центра на глубину 0,85 м от поверхности. Форма и размеры могилы не прослежены. Скелет взрослого лежал скорченно на спине с поворотом на левый бок, головой на юго-восток. Незначительно согнутые в локтях руки протянуты вниз, кисти соединены вместе и лежали под бедренными костями подтянутых коленями на уровень груди ног. У стоп погребенного стоял лепной кубковидный сосуд с высоким коническим горлом, перегибом плеча в нижней трети высоты и широким плоским дном. Внешняя поверхность тщательно заглажена, черного цвета. Высота — 17,5 см, диаметр устья — 12,1 см, дна — 9,3 см.

Исходя из положения и ориентации скелета, погребение следует отнести к черногоровской группе памятников IX — первой половины VII в. до н. э. Сосуд также находит аналогии в черногоровской керамике, близок ему, например, кубок из погребения у с. Львово [1, с. 50, 51, рис. 22.2].

Публикуемые погребения из бассейна Ингульца дополняют сводку памятников начала раннего железного века Северного Причерноморья. Обращает на себя внимание сосредоточение в бассейне Ингульца киммерийских погребений, в которых присутствуют керамика, предметы вооружения и украшения, находящие аналогии в культурах фракийского гальштата Центральной и Юго-Восточной Европы. К таким памятникам, помимо публикуемого погребения № 1 кургана 6 из из пос. Рыбасово, относятся погребения в курганах у с. Родионовка и Великая Александровка Херсонской области [19, с. 144—154].

Библиографические ссылки

1. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

2. Петрунь В. Ф. До походження мінеральної сировини пам'яток III—I тисячоліття до н. е. в басейні річки Інгулець //Археологія. Київ, 1969. Т. 22.

3. Отрощенко В. В. Особенности погребений черногоровской группы //Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. науч. конф. Запорожье. 1989.

4. Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи //Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

5. Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы. М., 1982.

6. Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях //СА. 1986. № 1.
7. Гаврилюк Н. А., Гершкович Я. П. О погребениях финального этапа бронзового и раннего железного веков в бассейне р. Кальмиус в Северном Приазовье //Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
8. Белозор В. П., Мезенцев В. И. Розкопки кургану доби бронзи біля селища Перещепино на річці Орелі //ВКУ. 1976. № 18.
9. Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П. Курганы Буджакской степи. Кишинев, 1989.
10. Кореняко В. А. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче //КСИА АН СССР. М., 1982. № 170.
11. Прохорова Т. А. Погребение предскифского времени из станицы Грушевской //СА. 1983. № 3.
12. Терено жкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.
13. Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Клюшинцев В. Н. Погребения предскифского периода в южном Побужье //Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.
14. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
15. Мельник А. А. Отчет о раскопках Криворожского музея в 1986 г. //Научный архив ИА АН УССР. Ф. эксп. 1986/8575.
16. Вязьмитина М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля //СА. 1963. № 2.
17. Ильинская В. А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени //МИА. 1965. № 130.
18. Черно пицкий М. П. Киммерийский «солярный знак»: квадратура круга в символике древних космограмм //Киммерийцы и скифы: Тез. докл. науч. конф. Кировоград, 1987.
19. Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т. Погребение раннего железного века на Ингульце //СА. 1985. № 4.

С. В. ПОЛИН, А. В. СИМОНЕНКО

«РАННЕСАРМАТСКИЕ» ПОГРЕБЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Вынесенная в название настоящей статьи проблема — едва ли не одна из основных проблем сарматской археологии. Роль сарматов в истории северной части циркумпонтийской зоны неоднократно освещалась отечественными и зарубежными исследователями, и нет нужды вновь говорить о ней. Достаточно отметить, что определение времени и характера появления сарматских племен на территории северопричерноморских степей стоит в прямой связи с такими ключевыми и во многом нерешенными вопросами, как финал скифской культуры VII—IV вв. до н. э., образование Малой Скифии, этнические, политические, экономические и культурные изменения в античных центрах Северного Причерноморья, судьбы земледельческих культур лесостепи, наконец, изучение истории и культуры обширного собственно сарматского мира.

Первую полноценную интерпретацию исторических и археологических источников для решения проблемы времени и характера появления сарматов в Северном Причерноморье предложил М. И. Ростовцев [1]. По пути анализа письменных источников пошел Д. А. Мачинский, посвятивший данной проблеме большую работу [2]. Основным методом его исследования явилось удревнение свидетельств древних авторов, и на этой основе он отнес вторжение сарматов в Скифию еще к IV в. до н. э. Однако положения Д. А. Мачинского больше остроумны, чем доказательны, прежде всего потому, что совершенно не подтверждаются археологически.

Впервые всесторонний анализ имевшегося в то время археологического материала был проведен М. П. Абрамовой [3]. В своих работах она рассмотрела немногочисленные раннесарматские погребения Северного Причерноморья и пришла к выводу о том, что проникновение сарматов в северопричерноморские степи началось и происходило в течение II в. до н. э. [3, с. 109].

Огромный вклад в решение проблемы внес ведущий советский сарматолог К. Ф. Смирнов. Еще в 1952 г. он назвал изучение сарматов Северного Причерноморья одной из важнейших насущных задач советской археологии [4, с. 216]. Основные положения своей теории проникновения сарматов в Северное Причерноморье К. Ф. Смирнов изложил в 1971 г. [5]. Дальнейшая разработка их завершилась выходом монографического исследования [6], к сожалению, посмертного.

Согласно К. Ф. Смирнову, эпизодическая инфильтрация сарматского (тогда еще савроматского) этнического элемента в скифскую среду началась еще в IV в. до н. э. На этом этапе взаимоотношения савроматов со скифами носили дружественный характер. К концу столетия в связи с активностью «ранних сарматов — носителей прохоровской культуры» [6, с. 117]—мирные отношения сменились враждебными, которые и продолжались вплоть до завоевания Скифии и «утверждения их политической гегемонии» [6, с. 118] в период с конца III до I в. до н. э., причем исследователь считал, что «сарматы появились в Поднепровье, в т. ч. и на его правобережье, ...не позже III в. до н. э.» [6, с. 119].

В последние годы в поддержку этой концепции очень активно выступил В. И. Костенко. В своих работах [7; 8] он безоговорочно руководствуется схемой К. Ф. Смирнова, добавляя к уже имевшимся памятникам новые, полученные в результате его раскопок [9, с. 192—196]. В. И. Костенко выделяет три группы раннесарматских памятников Северного Причерноморья: III в. до н. э., III—II вв. до н. э. и II в. до

н. э. Памятники первой группы, по мнению исследователя, отражают факт «нестабильности военно-политической ситуации в Северном Причерноморье» [7, с. 71]. Вторая группа памятников соответствует «времени появления языгов и роксоланов на берегах Днепра» [7, с. 72]. Наконец, памятники третьей группы (во всяком случае, конца II или рубежа II—I вв. до н. э.) «принадлежат уже другой культуре, среднесарматской» [8, с. 70].

Нетрудно заметить некоторую искусственность и расплывчатость предложенной периодизации. Границы всех трех хронологических групп входят одна в другую, а вторая группа (III—II вв. до н. э.) примыкает то ли к первой (III в. до н. э.), то ли к третьей(IIв. до н. э.). Насколько такая периодизация верна и соотвстствует ли исторической картине, мы убедимся ниже, при анализе археологических памятников.

Недавно со своей интерпретацией исторических событий, связанных с проникновением сарматов в Северное Причерноморье, выступил С. В. Полин [10, с. 24 сл.]. На основе анализа широкого круга памятников (поселений Нижнего Дона, античных городов, скифских, позднескифских и сарматских материалов) и привлечения данных естественных наук он утверждает, что освоение сарматами причерноморских степей происходило в конце II—I в. до н. э., а более ранние памятники (III—II вв. до н. э.) отражают спорадическое проникновение отдельных сарматских групп [10, с. 34]. Автор считает, что завоевания Скифии сарматами не было как такового, а прекращение существования классической скифской культуры VII—IV вв до н. э. связывает с общим изменением экологической ситуации в евразийских степях. В целом взгляды С. В. Полина на время освоения сарматами Северного Причерноморья близки мнению М. П. Абрамовой.

Все упомянутые исследователи (за исключением Д. А. Мачинского) строят свои выводы на анализе археологических памятников. Количество привлекаемых ими ранних сарматских погребений и случайных находок этого времени различно: М. П. Абрамова оперирует 18 памятниками III—II вв. до н. э. [3, с. 95—99], известными к тому времени между Доном и Днепром, В. И. Костенко насчитывает 34 памятника III—начала I в. до н. э. [11, с. 18], К. Ф. Смирнов называет значительно бо́льшую цифру — около 50 пунктов [6, с. 114]. Разница в цифрах отражает не только степень исследованности территории в разное время, но и различные взгляды авторов на датировку и культурную атрибуцию привлекаемых памятников и, в конечном счете, их точку зрения на решение проблемы. Приступая к анализу археологических памятников ран-

них сарматов на территории Северного Причерноморья, авторы будут пользоваться в основном сводкой К. Ф. Смирнова как наиболее полной, так и потому, что она включает те памятники, которые исследовались М. П. Абрамовой и В. И. Костенко. При необходимости в работу будут введены памятники, по разным причинам не вошедшие в их сводки. Описание погребений тщательно выполнено К. Ф. Смирновым, поэтому при анализе мы будем останавливаться лишь на тех деталях, интерпретация которых спорна или ошибочна.

Одним из наиболее ранних сарматских погребений считается захоронение у с. Яремовка [12, с. 146]. Объективный анализ его усложнен тем, что сами вещи не сохранились и исследователям приходилось пользоваться лишь иллюстративным материалом, в котором к тому же отсутствуют столь важные в хронологическом отношении вещи, как наконечники стрел. Лепная курильница из Яремовки единодушно причислена М. П. Абрамовой и К. Ф. Смирновым к образцам сарматской посуды на основании наличия вертикальных борозд — каннелюров на тулове. К. Ф. Смирнов писал, что подобный орнамент известен лишь у савроматов, а позже — у прохоровцев [6, с. 58]. Это не совсем так. Украшение сосудов прочерченными вертикальными линиями действительно характерно для раннесарматской посуды. Но наиболее близкие аналогии яремовской курильнице, и не только по орнаментации, но и по форме, размерам и фактуре содержатся среди материалов Тираспольских курганов [13, с. 156], в свое время датированных А. И. Мелюковой III—II вв. до н. э. Однако, учитывая тот факт, что в Тираспольских курганах одна из курильниц происходит из комплекса с чернолаковым канфаром второй—третьей четверти IV в. до н. э., датировка всех остальных Тираспольских курильниц, не сопровождавшихся датирующим материалом, не может быть позднее IV в. до н. э. Работами Э. В. Яковенко установлено появление курильниц в Скифии в IV в. до н. э. и их распространение у оседлых групп населения Северного Причерноморья [14, с. 91]. Достаточно взглянуть на рисунок, чтобы убедиться в бо́льшем сходстве яремовской курильницы со скифскими, нежели с савроматскими и сарматскими сосудами, которые объединяет с ней лишь мотив (а не тождественность) орнаментации (рис. 1.1—11).

Погребальный обряд в кургане у с. Яремовка характерен для Посульско-Донецкой группы скифских памятников Приднепровской левобережной лесостепи. Здесь обычны погребения в грунтовых ямах. Часто встречаются следы кострищ в

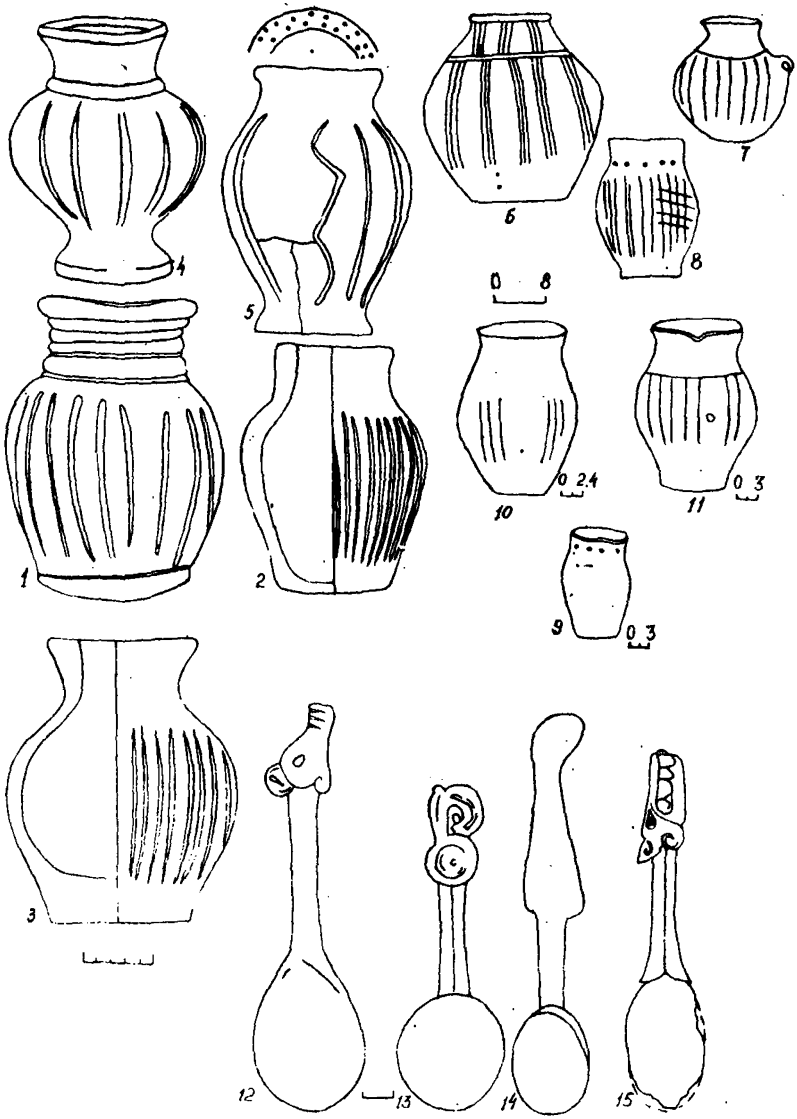


Рис. 1. Позднескифские курильницы: 1 — Яремовка; 2, 3 — Тираспольские курганы; 4,5 — Ольвия; 6—11 — савроматская и раннесарматская керамика, орнаментированная свисающими линиями (По К. Ф. Смирнову, М. Г. Мошковой, М. П. Абрамовой). Костяные ложечки из савроматских и раннесарматских погребений: 12 — Грушевка; 13 — Любимовка, к. 1. п. 2; 14 — Башкирское стойло, к. 2; 15 — Пятимары 1, к. 4, п. 1

виде посыпки золой или остатков костра, остатки тризны в виде сожженных костей животных на перекрытии погребений [15, с. 82, 83]. Все эти элементы присутствуют в Яремовке. Таким образом, нет оснований относить данное погребение к сарматским. Перед нами скифское захоронение IV — начала III в. до н. э., с чем хорошо согласуются найденные здесь бронзовые трехгранные наконечники стрел.

Столь же ненадежным для определения времени проникновения сарматов в Скифию является ставшее чуть ли не эталонным в этом смысле диагональное погребение у д. Вороная. При внимательном анализе в нем замечаются известные несоответствия, что было отмечено И. П. Засецкой [16, с. 116, 118]. Прежде всего такие захоронения характерны для сарматских памятников I—III вв. н. э. Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья, и их генетическая связь с очень редкими (чуть более 1%) подобными могилами Южного Приуралья IV—II вв. до н. э. представляется весьма сомнительной [16, с. 113; 6, с. 122]. Судя по чертежу, погребение у д. Вороная представляет собой именно тип развитых диагональных погребений средне- и позднесарматского времени. Найденные в нем у кисти левой руки погребенного «медные» (т. е. скорее всего, бронзовые) наконечники стрел не сохранились, нет и их рисунка. Более того, на чертеже погребения отсутствуют не только наконечники, но и все предплечье левой руки, у которого они якобы были найдены. Учитывая тогдашнюю методику раскопок, следует согласиться с И. П. Засецкой, полагающей, что Н. Е. Макаренко что-то перепутал, и не считающей возможным использовать этот памятник для столь далеко идущих выводов. Дата его не может быть точно установлена*.

Подобные же соображения не позволяют с уверенностью считать находки в насыпи кургана 1 у с. Кут свидетельством того, что «раннесарматские племена на рубеже III—II вв. до н. э. уже полностью контролировали левобережные районы бывшего скифского государства и, видимо, во время своих походов достигали берегов Днестра» [8, с. 69]. Столь широкую историческую картину В. И. Костенко рисует на основании находки трех сосудов, не связанных с определенным погребением и весьма сомнительно связанных между собой. К настоящему времени в фондах ИА АН УССР сохранился один из них — сероглиняная ойнохоя (по Д. Т. Березовцу). На самом

* К. Ф. Смирнов первоначально датировал это погребение временем не позже II в. до н. э. [17, с. 217]. В последней монографии эта дата удревнена им на сто лет.

деле это гончарный тонкостенный кувшин с черной лощеной поверхностью и двумя горизонтальными ребрами по горлу. Наличие ручки проблематично. Кувшин орнаментирован двойной врезной горизонтальной линией по плечикам. Точную аналогию ему подыскать не удалось, однако по фактуре и технике изготовления это типичный образец античной керамики, не имеющий отношения к сарматам. «Черный» (по Д. Т. Березовцу) канфар и чернолаковая миска не сохранились, нет и рисунка последней. Судя по фотографии в отчете, канфар представляет собой местное (скорее всего, ольвийское) подражание пергамской посуде конца III—II вв. до н. э. [18, с. 80]. Об этом говорят его пропорции и орнаментация, а также оформление ручек, имитирующее ручки чернолаковых канфаров IV в. до н. э. и встречающееся на некоторых ольвийских [18, с. 86] и малоазийских [19, с. 137] сосудах II—I вв. до н. э. Таким образом, если комплекс из с. Кут и связан с сарматами, то он, судя по кувшину, не может быть старше I в. до н. э. Во всяком случае использовать его для серьезных исторических выводов некорректно.

Пожалуй, единственным бесспорно ранним сарматским памятником из этой группы следует признать погребение у с. Ушкалки. М. П. Абрамова определила его как раннесарматское и на основании наличия в колчанном наборе железных наконечников стрел отнесла к III в. до н. э. В. И. Костенко датировал его IV—III вв. до н. э. К. Ф. Смирнов отнес данное погребение к прохоровской культуре с набором стрел поволжско-уральского типа не моложе III в. до н. э. [6, с. 60, 100].

Большой сосуд из ушкальского погребения по форме сходен с савромато-сарматской керамикой Южного Приуралья, а упрощенностью орнамента он близок керамике из погребений Нижнего Поволжья. Все эти погребения датируются не позднее IV в. до н. э. [20, с. 16, № 162, 184]. Два меньших сосуда — курильницы — имеют одинаковую баночную форму.

Изображения наконечников стрел в работах К. Ф. Смирнова значительно отличаются от приведенных в первоначальной публикации. К сожалению, в настоящее время их местонахождение неизвестно. Мы не можем согласиться с предлагаемой поволжско-уральской спецификой колчанного набора из Ушкалки. В наборе нет ни одного типа наконечников, не известного в Скифии V—IV вв. до н. э. В последнее время в материалах из скифских курганов IV в. до н. э. появились и крупные длиннотульчатые (чуть меньше половины общей высоты) трехлопастные наконечники стрел (Бабина Могила и др.). В то же время в савромато-сарматском мире не известны

трехгранные пирамидальные наконечники с ровно обрезанным основанием и небольшим П-образным ложком, представленные в Ушкалке.

Наличие двух железных наконечников в составе набора не влияет на датировку. К. Ф. Смирнов и А. И. Абрамова отметили их единичное использование в колчанных наборах скифо-савроматского мира в V—IV вв. и широкое распространение с начала III в. до н. э. [21, с. 70; 22, с. 25, 29]. Эти выводы в основном подтверждаются и новыми материалами [23, с. 145—150], однако начало широкого распространения таких наконечников, видимо, следует относить еще к IV в. до н. э. В мужском погребении Мелитопольского кургана один из колчанных наборов состоял только из железных наконечников. Найдены они и в центральной гробнице Шульговского кургана [24, с. 23 сл.]. Вместе с перечисленными А. И. Мелюковой и Е. В. Черненко колчанными наборами IV в. до н. э. с железными наконечниками стрел из степи и лесостепи они составляют заметную серию.

Находки костей крупных животных в качестве напутственной пищи крайне редки для захоронений прохоровской культуры и более характерны для комплексов савроматского времени [25, с. 24]. Таким образом, датировка комплекса из Ушкалки не выходит за пределы IV в. до н. э., а само погребение следует считать савроматским.

Погребение у Ушкалки, вероятно, оставлено теми савроматами или сирматами, отдельные группы которых, по К. Ф. Смирнову, жили среди скифов в мирном соседстве. Оно иллюстрирует это правильное предположение, но никак не является доказательством завоевания сарматами Левобережья Днепра в III в. до н. э.

В эту же группу включено К. Ф. Смирновым погребение № 1 кургана 5 у с. Грушевка, отнесенное к раннесарматским (прохоровским) и датированное первоначально III—II вв., затем IV—III вв. до н. э. В. И. Костенко согласился с первой датировкой [7, с. 72]. Оба автора в подтверждение привели целый ряд вещей, не упомянутых в публикации Д. Т. Березовца, что заставило нас тщательно изучить полевую документацию и материалы, хранящиеся в архиве и фондах ИА АН УССР.

В настоящее время к грушевскому комплексу, кроме вещей, перечисленных в полевой документации и первичной публикации, отнесены 41 бусина из стекла, сердолика, каменного угля и кости, бронзовое зеркало малого диаметра, пряслице и два проволочных бронзовых височных кольца, в действительности происходящие из сарматского погребения № 6

кургана 5 у с. Марьинское, раскопанного Д. Т. Березовцом в том же 1953 г. [26, с. 121, рис. 23.2, 3], и ошибочно включенные В. И. Костенко и К. Ф. Смирновым в грушевский комплекс.

К. Ф. Смирнов определил грушевский сосуд как лепной и отнес к ранней прохоровской керамике. Однако этот сосуд не только не имеет соответствий в ней, но был абсолютно чужд ей по технологии изготовления и характеру обработки поверхности. Это сероглиняный, удивительно тонкостенный сосуд с невысоким прямым, чуть отогнутым венчиком и широким приземистым туловом, на плоском дне, по плечику украшенный 4 горизонтальными рядами проглаженных линий. Под ними сохранились следы двух обломанных в древности налепных ушек или выступов. Тулово весьма тщательно заглажено слабо заметными вертикальными каннелюрами, внешняя поверхность производит впечатление подлощенной. Изнутри сосуд отделан не менее старательно. Форма его настолько правильная и симметричная, что, несмотря на отсутствие видимых следов, мы не решаемся отвергнуть определение Д. Т. Березовца об изготовлении сосуда на гончарном круге.

Все это разительно отличает грушевский сосуд от керамики прохоровской культуры и указывает иное направление поиска в определении его происхождения — оседлые культуры Северного Кавказа (меоты?). Здесь эта форма сосуда с такого рода орнаментацией и характером обработки поверхности была весьма популярной и существовала на протяжении, по-видимому, всего скифо-сарматского времени. Аналогии ему можно найти и в памятниках IV в. до н. э. и I в. до н. э. — I в. н. э. и II—III вв. н. э. [27, с. 17, 34, рис. 2.52; 9.2]. В целом же следует отметить, что отсутствие сосуда на чертеже погребения вызывает сомнения в его принадлежности к комплексу и дает основания предполагать в кургане наличие еще одного разрушенного погребения, из которого сохранились лишь сосуд и пряслице.

Довольно массивный бронзовый браслет находит ближайшие аналогии в скифских курганах Днепровского Лесостепного Левобережья, где они датируются VI—V вв. до н. э. [28, с. 54, табл. 41]. В савроматской и прохоровской культурах, где браслеты вообще крайне редки, орнаментированные экземпляры отсутствуют [29, с. 146; 25, с. 43].

Бронзовая височная подвеска из Грушевки не имеет параллелей ни в скифских, ни в савромато-сарматских, ни в меотских древностях. Близкие по схеме подвески найдены в Вани, в захоронении V в. до н. э. Здесь они изготовлены из золота и имеют ряд дополнительных декоративных деталей, выполнен-

ных зернью и сканью. Однако общая схема корпуса подвески и нижнего окончания близка грушевской. О. Лордкипанидзе считает такой тип серьги типично колхидским [30, с. 91, рис. 29]. Весьма показательна и костяная ложечка с окончанием ручки в виде головки вепря (?). Подобные зооморфные мотивы типичны для скифского и савроматского прикладного искусства (рис. 1.12—15). Аналогия К. Ф. Смирнова — ложечка из кургана 2, Башкирское стойло, датирующаяся IV—III вв. до н. э. [20, табл. 24,6], уже не носит никаких зооморфных признаков. Гораздо ближе грушевской ложечки V и IV вв. до н. э. из савроматских захоронений Приуралья [20, табл. 22, 20; 22, 28; 25, табл. 26, 1], одна из которых также привлекается К. Ф. Смирновым в качестве аналогии.

Таким образом, дата комплекса отчетливо очерчивается в пределах VI—V вв. до н. э. Датировка сосуда не может влиять на общую дату — слишком широк хронологический диапазон его бытования. Культурная принадлежность погребения однозначно неопределима.

Большая часть ранних сарматских памятников причерноморских степей относится, по мнению исследователей, уже к периоду политического господства сарматов на территории современной Украины. В. И. Костенко включает эти памятники в две последние (по его периодизации) группы: III—II вв. до н. э. и II в. до н. э. [8, с. 69], К. Ф. Смирнов, проводя детальный их анализ, более точен в датировках и, как мы увидим, его хронологическая схема ближе к реальности. Анализируя эти памятники, мы будем подробно останавливаться лишь на тех, датировка которых пока проблематична.

Одним из наиболее ярких раннесарматских погребений исследуемой территории является захоронение близ Б. Белозерки Запорожской области, где найден короткий меч с серповидным навершием. Опубликовавший его И. П. Савовский датирует комплекс III в. до н. э. [31, с. 283]. К. Ф. Смирнов более осторожен, справедливо отмечая, что подобное оружие бытует в IV—II вв. до н. э. [6, с. 71]. Трудно сузить дату белозерского меча, так как в погребении кроме него ничего не было. Все же ряд морфологических признаков — широко разведенные ветви навершия, тонкое плоское перекрестье, стройные пропорции клинка — склоняют нас к более поздней дате. Не противоречит ей и северная ориентация погребенного — признак, не характерный для прохоровской культуры и появляющийся позднее. В настоящее время есть веские доказательства правильности предложенного А. С. Скрипкиным и С. В. Полиным омоложения верхней даты прохоровской культуры до конца I в. до н. э. [32, с. 231; 33, с. 56]. По-видимому,

к этому времени отноеится значительная часть ее памятников; в то время как группа III—II вв. до н. э. четко не выделяется. Именно поэтому датировать погребение у Б. Белозерки III в. и даже III—II вв. до н. э. было бы неосторожно — не исключено, что оно более позднее.

Так же сложен для датировки и случайно найденный у с. Гришино Донецкой области прохоровский меч. В свое время один из авторов отнес его к рубежу IV—III вв. до н. э. на основании наличия дуговидного перекрестья, показавшегося архаическим признаком [34, с. 132]. Однако дуговидные перекрестья хоть и редко, но встречаются и в более позднее время. Вероятно, их не стоит считать архаическим признаком. Дальнейшие исследования должны уточнить это, пока же мы считаем нужным отказаться от первоначальной датировки гришинского меча.

В последние годы на территории Украины найдено еще четыре экземпляра оружия с серповидным навершием*. По сопровождающему инвентарю все они не старше II в. до н. э. Не исключено, что оружие из Б. Белозерки и Гришина относится к тому же времени.

Воинский комплекс, включающий наконечники копий, удила, псалии и наконечник стрелы, происходит из разрушенного кургана у ст. Квашино Донецкой области. К. Ф. Смирнов и В. И. Костенко датируют его III в. до н. э. [6, с. 93; 7, табл. 1.16]. Наконечники копий из Квашина своеобразны, особенно один из них (К. Ф. Смирнов называет его дротиком) — с длинной втулкой и коротким листовидным пером. Подобные наконечники, появляясь на Северном Кавказе в III в. до н. э., получают широкое распространение в позднескифском вооружении, где отдельные их экземпляры доживают до I в. н. э. [35, с. 7], то есть бытуют около 400 лет. При широкой дате квашинских удил заслуживает внимания близость их деталей прикубанским III—II вв. до н. э., что отмечает и К. Ф. Смирнов [6, с. 93]. Однако в последнее время нижняя дата раннесарматских погребений Кубани уточнена до II в. до н. э. [36, с. 9]. Очень важен для датировки комплекса один из псалиев — с плоскими концами в виде фигурок зверей. Аналогично (рис. 2.7, 8) оформлены концы псалиев из позднескифского комплекса конца III—II вв. до н. э. у с. Нововасильевка Николаевской области [37, с. 239]. Дуговидные псалии из Квашина при общей близости по схеме псалиям, появляющимся еще в IV в. до н. э.,

---

* Раскопки И. Ф. Ковалевой, В. В. Отрощенко, А. И. Кубышева. Материалы не опубликованы.

наибольшее распространение получают во II—I вв. до н. э. (Балаклея, Антиповка, Клименков, Неаполь Скифский). Приведенные соображения заставляют нас предпочесть II в. до н. э. как дату комплекса из Квашина.

В качестве одного из наиболее ранних сарматских погребений Украины К. Ф. Смирнов приводит погребение № 3 в кургане 12 близ г. Александровска Ворошиловградской области (раскопки И. А. Пислария 1972 г.). Железные наконечники копий оттуда не сохранились. Судя по схематическому рисунку И. А. Пислария, они имели лавролистное перо и небольшое утолщение по краю втулки, то есть были характерны для сарматов. Железный втульчатый наконечник стрелы с асимметрично-ромбической головкой, наоборот, необычен и как-будто говорит о ранней дате. Уточняет ее и этническую атрибуцию погребения костяная проколка с косым отверстием в верхней части. По мнению К. Ф. Смирнова, подобные вещи находятся только в могилах прохоровской культуры с рубежа IV—III по II в. до н. э. [6, с. 89]. Однако те проколки, которые приводит в качестве аналогий К. Ф. Смирнов, не старше II в. до н. э.

Наиболее близкая александровской проколка из погребения № 7 кургана 35 Березновского могильника I найдена в комплексе с прохоровским мечом, бронзовой 8-видной пряжкой, гончарным сероглиняным кувшином и железными черешковыми трехлопастными наконечниками стрел [38, с. 96]. Последнее обстоятельство не может указывать на дату древнее II в. до н. э. Подобные же проколки [38, с. 100, 117, 150, 199—202], хотя и включенные М. Г. Мошковой в свод памятников прохоровской культуры [25, табл. 23, 5, 20—27], относятся скорее всего к самому концу ее, так как найдены вместе с мечами с кольцевым навершием, черешковыми наконечниками стрел, кувшином с горизонтальной ручкой и другими вещами, характерными для среднесарматского времени (рис. 2.1—4). Все эти соображения заставляют предположить II в. до н. э. как дату погребения у Александровска. Два других погребения из этого пункта, которые К. Ф. Смирнов также считает ранним [6, с. 89—90], не имеют точной даты. В одном из них, правда, найден железный втульчатый наконечник стрелы и фрагмент плоского бронзового зеркала. Последние, появляясь еще в прохоровское время, характерны для среднесарматской культуры. Вряд ли это погребение старше II в. до н. э.

К довольно широкому хронологическому диапазону (III—I вв. до н. э.) относит К. Ф. Смирнов погребение у с. Новобаранниковка Ворошиловградской области. Авторы раскопок,

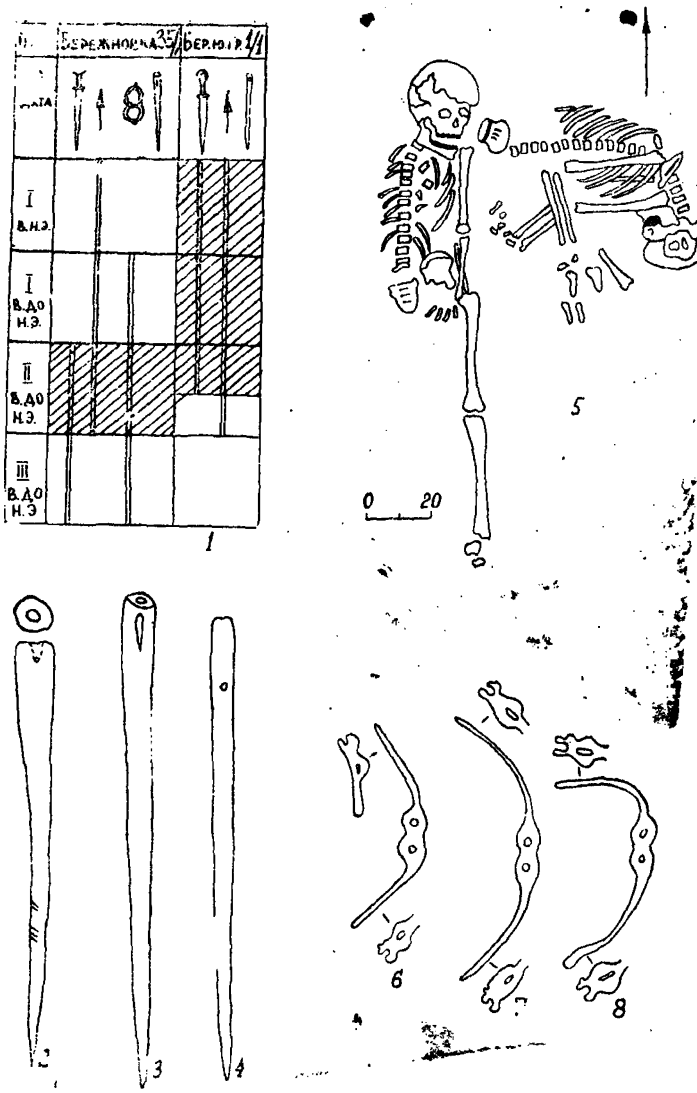


Рис. 2. Хронологические позиции некоторых сарматских погребений с костяными проколками (1):

2 — Александровск; 3, 4 — Березовский могильник; 5— Стратиграфическая ситуация погребений 3 и 4 кургана 4 у с. Спасское (по полевой документации ФОС-75). Псалии с зооморфными окончаниями: 6 — Квашино; 7, 8 — Нововасильевка

описывая зеркало из этого погребения, отметили его вторичное использование: оно сделано из фрагмента диска (меньше половины), для чего края изломов были предварительно заполированы, а посредине — в геометрическом центре целого зеркала — пробито новое отверстие, при помощи которого к диску прикреплена новая костяная рукоять.

Лепная курильница из Новобаранниковки не имеет прямых соответствий и может сопоставляться с сосудами этой категории как прохоровского, так и сусловского времени. Второй сосуд — лепной горшок — имеет вытянутые очертания. Диаметр венчика чуть меньше диаметра тулова и превышает размеры дна. Он не обнаруживает сходства с круглотелыми сосудами прохоровского времени и полностью соответствует типам горшков сусловского этапа.

Учитывая вторичность использования зеркала, а также изменения в хронологии зеркал этого типа [33, с. 56], комплекс должен датироваться, по-видимому, не ранее I в. до н. э.

У с. Верхние Серогозы Херсонской области в скифском кургане IV в. до н. э. найдены фрагменты лепного сосуда. М. П. Абрамова отнесла его к раннесарматским и предположила его происхождение из разрушенного впускного раннесарматского погребения. В. И. Костенко и К. Ф. Смирнов приняли эту интерпретацию и датировали его III—II вв. до н. э. [6, с. 98; 8, с. 49].

Следует отметить, что использование сарматами скифских курганов для впускных погребений — явление исключительно редкое. По невыясненным причинам они предпочитали курганы эпохи бронзы. Кроме того, Ф. А. Браун был достаточно опытным раскопщиком и вряд ли мог пропустить впускное погребение в насыпи кургана, что вообще трудно сделать при раскопках насыпи вручную.

Сосуд, действительно, несколько необычен по форме: имеет округлое тулово и петлевидную ручку на плечике (возможно, две, эта часть сосуда не сохранилась). Тесто обычное для скифской степной керамики: черное в изломе, с заглаженной светлой поверхностью. Орнамент на переходе от шейки к плечику состоит из ряда круглых вдавлений и свисающего от него вершинами вниз пояса острых углов из строенных параллельно прочерченных линий. Круглые вдавления на переходе от шейки к плечику — один из самых распространенных орнаментов скифской керамики [39, с. 82]—абсолютно неизвестны в прохоровской культуре. Орнаментальные комбинации из прочерченных острых углов распространены в прохоровской керамике, однако характер их совершенно иной [25, табл. 6—10]. В Северном Причерноморье имеются немно-

гочисленные, но прямые аналогии [40, с. 71; 41, с. 63]. Петлевидные ручки также известны в скифской керамике V—IV вв. до н. э. [42, с. 18; 43, с. 21]. Таким образом, нет оснований отрывать этот сосуд от основного скифского погребения кургана, датирующегося, судя по типу катакомбы, не позднее IV в. до н. э. Во всяком случае уверенно считать его остатками инвентаря раннесарматского погребения некорректно.

Вряд ли можно признать удачной попытку К. Ф. Смирнова отнести погребение № 5 кургана 26 на Днепрострое к «еще эллинистическому времени» [6, с. 104]. Меч с кольцевым навершием и железные трехлопастные черешковые наконечники стрел из этой могилы — типичные образцы среднесарматского оружия.

Отнесение нескольких сарматских погребений Украины к ранним основано на недоразумении. Так, погребение в кургане 10 восточной части могильника Аккермень II, которое К. Ф. Смирнов датирует II в. до н. э. [6, с. 96], сопровождалось фибулой-брошью со стеклянной вставкой. Эта фибула исследована А. К. Амброзом, который убедительно отнес ее к I в. н. э. [44, с. 31]. Вряд ли может быть признано ранним и погребение у с. Вольноулановка [45, с. 25—27]. По непонятным причинам оно интерпретировано как диагональное в

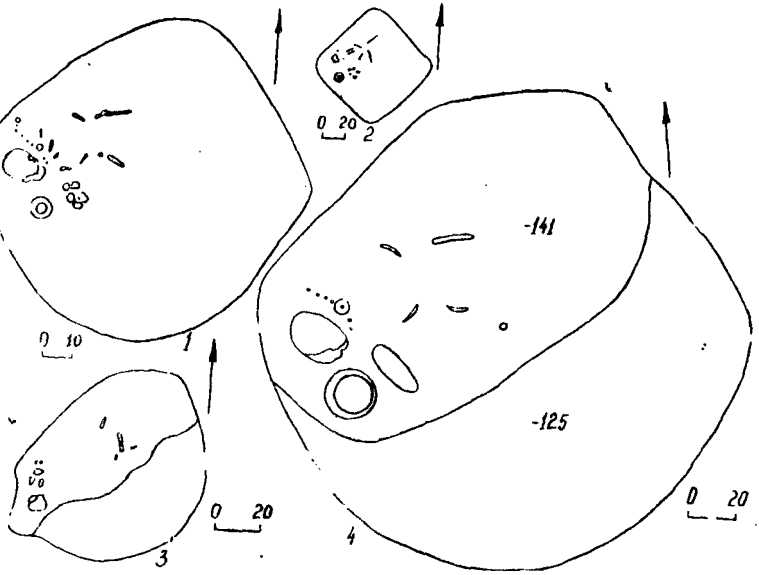


Рис. 3. Погребение у с. Вольноулановка: 1 — по В. Н. Корпусовой; 2 — по В. И. Костенко; 3, 4 — полевые чертежи

квадратной яме (выше уже говорилось о мнении И. П. Засецкой относительно нижней даты таких погребений) и как таковое переходит из публикации в публикацию. Изучение полевой документации показало, что на самом деле погребальное сооружение представляло собой яму неправильной формы, вдоль юго-восточной стенки которой проходила широкая (на 1/2 ширины ямы) ступенька. Дно северо-западной части ямы на 16 см ниже уровня ступеньки (рис. 3.4). Без сомнения, перед нами яма с подбоем, свод которого обрушился. К сожалению, в публикации В. Н. Корпусовой эти данные остались незамеченными. Костяк ребенка почти не сохранился. Судя по полевому чертежу, он лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. В составе инвентаря лепной горшок, бусы и бисер, бронзовая бляшка. В. Н. Корпусова и В. И. Костенко увидели в сосуде сходство с прохоровской керамикой типа «б» II отдела яйцевидных сосудов по классификации М. Г. Мошковой [45, с. 27; 7, с. 72]. Сам горшок уже не существует и не доступен для исследования, но К. Ф. Смирнов справедливо отмечал наличие подобных форм и в сусловской керамике [6, с. 105]. Скорее всего сходство вольноулановского сосуда с прохоровскими внешнее, что неудивительно при многообразии форм сарматской лепной керамики. В целом погребение трудно датировать точно, но то, что оно не диагональное III—II вв. до н. э., не вызывает сомнений.

Еще одним раннесарматским, по мнению В. И. Костенко, является погребение № 6 кургана 3 группы 14 у с. Верхняя Маевка [9, с. 190]. Судьба этого памятника в такой степени интересна и поучительна, что на нем стоит остановиться подробнее. Судя по публикации В. И. Костенко, погребальное сооружение представляло собой разрушенную грабителем катакомбу, в которой были обнаружены «кости скелета человека со следами медных окислов» [9, с. 190]. Согласно автору, «с погребением связана находка лепного горшка с раздутым туловом, короткой цилиндрической шейкой и плоским дном». Этот пассаж В. И. Костенко свидетельствует, на наш взгляд, более о широте фантазии, нежели о точности исследователя, так как, судя по полевой документации [46, с. 122], описанный сосуд найден в поле соседнего кургана 4 и, если и связан с погребением № 6 кургана 3 (культурная принадлежность которого неопределима), то разве что нахождением в одном курганном могильнике. Мало того, что В. И. Костенко объединяет находки из двух курганов в один комплекс, в дальнейшем он исключает из его состава фрагменты красноглиняной керамики, найденной в заполнении погребения № 6 [46, с. 118—119] и превращает гончарный сосуд в лепной.

Большое желание предоставить в распоряжение науки еще один раннесарматский комплекс может объяснить, но не оправдать эти метаморфозы, — наука от них не выиграла. Как и «диагональное» погребение у Вольноулановки, «комплекс» из Верхней Маевки никак не может свидетельствовать о проникновении сарматов в Северное Причерноморье в III—II вв. до н. э.

Наконец, ряд погребений, признанных М. П. Абрамовой, К. Ф. Смирновым и В. И. Костенко раннесарматскими, вообще относятся к другим культурам. Так, типично скифским является погребение № 2 кургана 12 у с. Троицкое. Оно сопровождалось характерными скифскими лепными сосудами и фрагментом чернолаковой керамики. Бронзовый втульчатый наконечник стрелы с ложком до острия и шипами лопастей, опущенными ниже основания, характерен для скифских колчанных наборов V—IV вв. до н. э. С учетом фрагмента чернолаковой керамики дата погребения должна определяться в этих пределах.

Трудно безоговорочно считать раннесарматским погребение у с. Михайловка [47, с. 144] — инвентарь его не сохранился, а находка бронзового наконечника стрелы говорит скорее о его скифской принадлежности. Оно отнесено к раннесарматским, вероятно, исходя из предположения о наличии у скифов Северного Причерноморья исключительно катакомбного обряда. Но в настоящее время в Нижнем Поднепровье известно достаточно скифских подкурганных захоронений в простых грунтовых ямах, датируемых VII — началом III в. до н. э. [48, с. 347].

Таким образом, для определения этого погребения в качестве раннесарматского данных нет. Судя по погребальному обряду и инвентарю, позднескифскими (не ранее II в. до н. э.) являются погребения на Знаменском и Каменском городищах [10, с. 26]. Несколько погребений относятся к позднему бронзовому и раннему железному векам. Сосуд из кургана 3 западного участка могильника Аккермень II был в свое время ошибочно определен М. И. Вязьмитиной как раннесарматский [49, с. 223]. На самом деле это типичный образец лощеной посуды белозерской культуры [50, с. 63], и странно, что никто из исследователей—сарматологов—до сих пор не обратил на это внимания. К этой же культуре относится и «раннесарматский» сосуд из погребения № 4 кургана 4 у с. Спасское [9, с. 190]. Сосуд был найден между лежавшими на одном уровне в насыпи кургана скелетами (рис. 2.5), один из которых (вытянутый) нарушил другой (скорченный). Последнее захоронение, относящееся к белозерской культуре, и сопровождал сосуд,

по непонятным причинам отнесенный В. И. Костенко к раннесарматским. Сопровождавший вытянутое захоронение железный «площик» скорее всего является не наконечником стрелы, «известным в раннесарматских памятниках IV в. до н. э.» [8, с. 50] и уже хотя бы поэтому невозможным в могиле III—II вв. до н. э., а обыкновенным ножом. Нахождение его на тазе скелета лишь подтверждает это предположение.

К киммерийскому времени относятся погребение № 7 кургана 32 у с. Кут [39, с. 112] и погребение № 10 кургана 1 у с. Перещепино. Первое Д. Т. Березовец отнес к эпохе раннего железа. При этом в публикации не отмечена существенная деталь — орнамент кутянского сосуда инкрустирован белой пастой, что подтверждает принадлежность его к предскифскому периоду (новочеркасской ступени, по определению Н. А. Гаврилюк). Сосуд из Перещепина по тесту и характеру лощения близок белозерской посуде, однако обряд погребения говорит о более поздней дате*.

Не имеет отношения к сарматам и комплекс из Марьевки. М. Ю. Трейстер считает его остатками захоронения воина-кельта [51, с. 3], один из авторов — позднескифским памятником конца III—II вв. до н. э. [52, с. 63].

Остальные ранние сарматские погребения Украины, вошедшие в сводку К. Ф. Смирнова, датируются им II в. или концом II—началом I в. до н. э. [6, с. 74—113]. Поэтому не совсем понятна позиция В. И. Костенко, который, не затрудняя себя попытками уточнить датировку некоторых из них, включает их в группу «погребений, датируемых II в. или несколько шире — III—II вв. до н. э.» [7, с. 72]. «Несколько» (на сто лет. — С. П., А. С.) расширяя датировку погребений, в основном относящихся ко II в. до н. э. и более позднему времени, В. И. Костенко таким образом заполняет лакуну в сарматских памятниках, образующуюся в III в. до н. э. и, как мы постарались показать, ничем не заполненную. Сарматских комплексов, которые можно с уверенностью датировать III в. до н. э., в Северном Причерноморье нет. Наиболее ранние сарматские погребения Украины датируются II—I вв. до н. э.

Библиографические ссылки

1. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Пг., 1925.

2. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным античных источников //АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971.

---

* Благодарим В. В. Отрощенко за любезную консультацию.

3. Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. — I в. н. э. //СА. 1961. № 1.

4. Смирнов К. Ф. Изучение сарматов и их культуры в советской археологии //ВССА. М., 1954.

5. Смирнов К. Ф. О проникновении сарматов в Скифию //МИА. 1971. № 177.

6. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

7. Костенко В. И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья //Древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск, 1982.

8. Костенко В. И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н. э. — середины III в. н. э. Днепропетровск, 1983.

9. Костенко В. И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары //СА. 1979. № 4.

10. Полін С. В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я //Археологія. 1984. № 45; Полин С. В. Появление сарматов в Северном Причерноморье по археологическим данным //Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М., 1986.

11. Костенко В. И. Сарматские памятники междуречья Дона и Днепра III в. до н. э. — середины III в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981.

12 Макаревич М. Л. Похованная сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці //Археологія. 1957. Т. 10.

13. Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины //МИА. 1962. № 155.

14. Яковенко Е. В. Про кулясті курильниці IV—I ст. до н. е. //Археологія. 1971. № 2.

15. Ильинская В. А. Скифы Днепропетровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

16. Засецкая И. П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности //АСГЭ. 1974. Вып. 16.

17. Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан //ВДИ. 1948. № 1.

18. Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.

19. Забелина В. С. Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея //Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1984. Вып. 7.

20. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья //САИ. ДІ-9. М., 1963.

21. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов //МИА. 1961. № 101.

22. Мелюкова А. И. Вооружение скифов //САИ. ДІ-4. М., 1964.

23. Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1932.

24. Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе //КСИА АН УССР. 1955. № 5.

25. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры //САИ. ДІ-10. М., 1963.

26. Березовець Д. Т., Покровська С. Ф., Фурманська А. І. Кургани епохи бронзи поблизу с. Мар'янського //АП УРСР. 1960. Т. 9.

27. Абрамова М. П. Нижнеджулатский могильник. Нальчик, 1972.

28. Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. //САИ. ДІ-5. М., 1978.

29. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.

30. Лордкипанидзе О. Древняя Колхида. Тбилиси, 1979.

31. Савовский И. П. Раннесарматское погребение в Запорожской обл. //СА. 1977. № 3.

32. Скрипкин А. С. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект //Задачи археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Суздаль, 1987. М., 1987.

33. Полин С. В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры //Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. докл. Киев, 1987.

34. Симоненко А. В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья //Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

35. Симоненко А. В. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н. э. — III в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.

36. Ждановский А. М. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н. э. — III в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

37. Симоненко А. В. О позднескифских налобниках //Древности Степной Скифии. Киев, 1982.

38. Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского обряда //МИА. 1959. № 60.

39. Гаврилюк Н. А. Керамика степной Скифии: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1980 //НА ИА АН УССР. Ф. 592.

40. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре //МИА. 1954. № 36.

41. Евдокимов Г. Д. Отчет о работах Краснознаменской экспедиции в 1977 г. //НА ИА АН УССР. № 1977/22.

42. Лесков А. М. Отчет Каховской экспедиции за 1968 г. //Там же. № 1968/15.

43. Мурзин В. Ю. и др. Работы Чертомлыцкой экспедиции в 1984 г. //Там же. № 1984/52.

44. Амброз А. К. Фибулы Юга Европейской части СССР //САИ. Д1-30. М., 1966.

45. Корпусова В. Н. Раннесарматское погребение под Запорожьем //АИУ. 1968. Киев, 1971.

46. Ковалева И. Ф. Исследования археологических памятников трассы строительства II очереди Фрунзенской оросительной системы (отчет о научно-исследовательской работе) //НА ИА АН УССР. Ф. э. 6894.

47. Эварницкий Д. И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии //Тр. XIII АС. М., 1907. Т. 1.

48. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья /Под ред. Е. В. Черненко. Киев, 1986.

49. Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка //ВССА. М., 1954.

50. Отрощенко В. В., Шевченко Н. П. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры //Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.

51. Трейстер М. Ю. Этрусский импорт в Северном Причерноморье и пути его проникновения //Античная цивилизация и варварский мир в Подонье—Приазовье. Новочеркасск, 1987.

52. Симоненко О. В. Пізньоскіфський комплекс з с. Мар'ївка Миколаївської обл. //Археологія. 1986. № 55.

В. И. КОСТЕНКО, С. Е. МУХОПАД

СКИФСКИЕ МОГИЛЬНИКИ У с. УСТЬ-КАМЕНКА ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Скифские курганы района с. Усть-Каменка по своему территориальному положению у впадения р. Каменки в Базавлук относятся к значительной и яркой, судя по проведенным исследованиям [1, с. 718—727; 2, с. 45—60; 3, с. 179—222; 4, с. 14—16], группе скифских памятников южноукраинской степи, для которой может быть предложено условное название «апостоловской».

Вместе с тем до работ экспедиции Днепропетровского университета 1985 г., и особенно 1988 г., раскопки скифских могильников у с. Усть-Каменка не производились, и в археологической литературе она была известна благодаря исследованному здесь обширному сарматскому могильнику [5, с. 24—38; с. 114—127]. Сказанным определяется публикационный характер настоящей статьи, вводящей в научный оборот материалы раскопок скифских могильников, которым в документах экспедиции присвоены порядковые номера 2, 3.

Местоположение могильника 2 определяется участком склона плато к долине р. Каменки, заключенным между дорогой в Усть-Каменский гранитный карьер и действующим сельским кладбищем. Судя по картам середины XIX в., здесь обозначено около 80 курганов, часть которых уничтожена при прокладке дороги и устройстве спортплощадки. Пять курганов раскопано в 1975 г. сотрудниками Днепропетровского исторического музея*. В 1985 г., в целях уточнения культурной принадлежности могильника, Сарматской экспедицией ДГУ под руководством В. И. Костенко проведены раскопки еще 5 насыпей. В 1988 г., используя раннюю весну, когда склон был свободен от растительности, составлен полный план могильника, на который нанесено 27 насыпей. Большие курганы равномерно распределены на местности; вокруг группировались мелкие и полностью распаханные. Всего за два полевых сезона исследовано 9 курганов, содержавших 17 скифских и 1 сарматское погребение. Большинство из них ограблено в древности, что снижает значение сделанных наблюдений (рис. 1).

Курган 9 высотой 0,4 и диаметром 17 м содержал основное скифское погребение, с которым связана тризна, размещенная в 3,5—5 м к северо-западу от могилы на уровне древнего горизонта. В ее составе обломки амфоры, лепного горш-

* Устное сообщение Л. П. Крыловой.

ка и железного псалия (рис. 2.1, 2). Могила подпрямоугольной формы размерами 2,15×1,1 м ориентирована широтно; дно на глубине 2,4 м с остатками тростниковой подстилки. Скелет разрушен, в заполнении встречены фрагменты дротика, наконечник стрелы и остатки напутственной пищи (рис. 2.3).

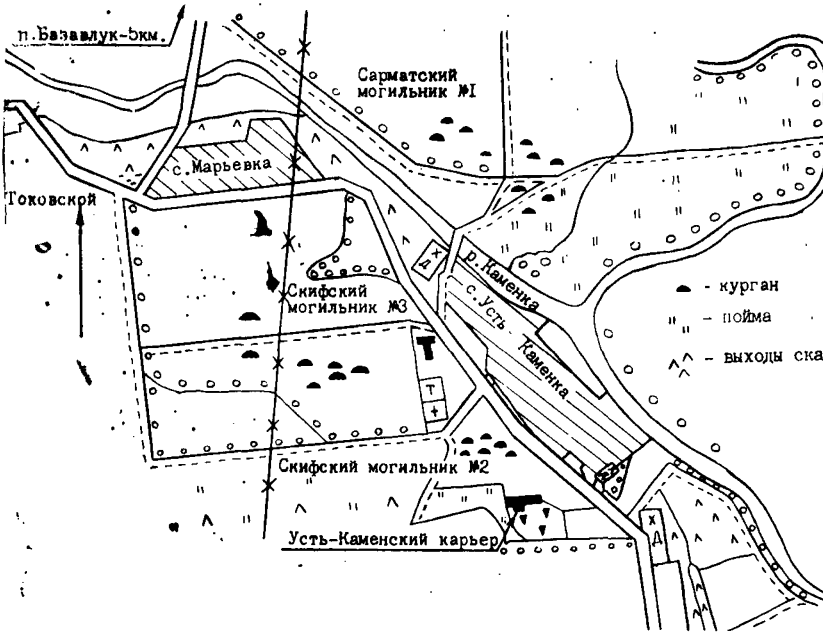


Рис. 1. Карта-схема курганных могильников у с. Усть-Каменка

Курган 10 высотой 0,4 и диаметром 18 м. На древнем горизонте размещен кольцевой выброс из основной могилы и в 5 м к северо-западу — яма нечетких контуров, в которой найдены кости животного и верхняя часть амфоры. Погребение № 1 произведено в подбойной могиле. Входная яма размерами 2,1×0,7 м ориентирована по оси ЮВ—СЗ, дно на глубине 1,6 м. Подбой вырыт под северной стенкой, площадь дна 2,45×1,1 м, на дно выводила ступенька высотой 0,3 м. Скелет разрушен, инвентарь представлен целым и фрагментированным ножами, наконечником стрелы, костяной ворваркой, бронзовой серьгой и обломком шила (рис. 2.4, 5).

Курган 15 распахан, диаметр 12 м. Содержал 2 скифских погребения. Погребение № 1 произведено в северо-западном

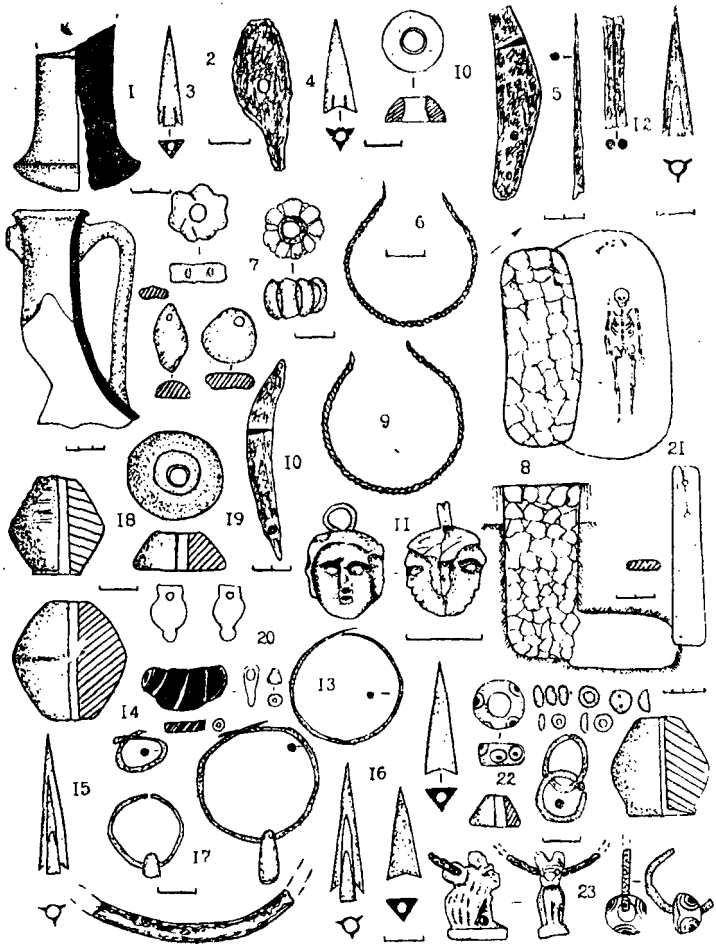


Рис. 2. План погребения и инвентарь из II и III скифских могильников у с. Усть-Каменка: 1, 2 — инвентарь из насыпи к. 9 гр. II; 3 — наконечник стрелы из п. 1, к. 9, гр. II; 4, 5 — инвентарь п. 1, к. 10, гр. II; 6, 7 — инвентарь п. 1, к. 15, гр. II; 8—12 — инвентарь и план п. 3, к. 22, гр. II; 13—17 — инвентарь п. 1, 3, к. 25, гр. II; 18—20 — инвентарь п. 2, к. 1, гр. III; 21—23 — инвентарь п. 1, к. 3, гр. III

секторе; входная яма подпрямоугольной формы длиной 1,45 м, шириной от 0,6 до 0,45 м. Под юго-западной стенкой оставлена ступенька. Дно на глубине 0,7 м с уровня обнаружения. Под северо-западной стенкой устроен подбой ассиметрично-прямоугольной формы площадью 1,6×0,55 м. В нем произведено погребение взрослого вытянуто на спине, черепом к северо-западу. На костях черепа лежала бронзовая серьга и рядом крупная рубчатая бусина и подвески из коралла. У шейных позвонков и на груди рассеяны бисер, бусы и бронзовая пронизь из состава ожерелья. Справа на уровне черепа положена напутственная пища, сопровождавшаяся двумя железными ножами (рис. 2.6, 7). Погребение № 2. Входная овальная яма имела неглубокий подбой под северной стенкой, в котором лежали кости скелета взрослого.

Курган 16 распахан, раскопочный диаметр 10 м. Могила вырыта в центре и окружена материковым выбросом. Входная яма подпрямоугольная, размеры 1,6×1,2 м, глубина 2,5 м. Подбой под северной стенкой площадью 3×1,4 м, дно на 0,4 м ниже, чем во входной яме. Скелет разрушен, найден железный нож.

Курган 17 раскопочным диаметром 9 м содержал три скифских погребения. Входная яма впускного погребения № 2 разрушена, дно на глубине 0,9 м. Под северной стенкой устроен подбой площадью 1,1×0,5 м, в котором встречались кости человека и животного. Основное погребение № 1 произведено в яме неправильно-овальной формы размерами 2,6×1,1 м. Скелет разрушен, в северо-западной части лежала напутственная пища. Погребение № 3 произведено в подбойной могиле. Во входной яме найдены кости человека и животного.

Курган 22 содержал 2 скифских и впускное сарматское погребение, сопровождавшееся кружальным кувшином. Скифское погребение № 2 с круглой в плане входной ямой диаметром 1,1 м и глубиной 1,3 м; в заполнении выше уровня дна лежали камень от заклада входа и кость животного. Дно камеры яйцевидной формы, площадью 1,8×1,1 м глубже на 0,2 м, чем во входной яме. Кости разрушенного скелета отброшены к стенкам, рядом найдены бронзовый наконечник стрелы и фрагменты железного ножа. Погребение № 3, судя по кольцевому материковому выбросу, основное. Входная подпрямоугольная яма ориентирована по оси СЗ—ЮВ, размеры вверху 2,1×0,8 м, ко дну на глубине 1,9 м стенки скошены. Подбой вырыт под северо-восточной стенкой, площадь 2,3× ×1,1 м, на дно выводит скошенная ступенька высотой 0,2 м. Скелет лежал по центру вытянуто на спине в СЗ ориентации.

За черепом находилась напутственная пища, сопровождавшаяся железным ножом. На шейных позвонках лежала бронзовая витая серьга и золотая подвеска. Справа у черепа найден фрагмент железного дротика, на левом запястье — железный браслет, у таза — наконечник стрелы (рис. 2.8—12).

Курган 23 содержал основное скифское погребение № 1 и подзахоронение к нему, произведенное через входную яму № 2. Входная яма № 1 прямоугольной формы размерами 1,9×0,8 м и глубиной 2,2 м. Под северной стенкой вырыт подбой площадью 2,2×0,9 м, дно в котором на 0,2 м ниже, чем во входной яме. Скелет разрушен, кости смещены к поперечным стенкам. В подбое и входной яме найдены: бронзовая витая гривна, бусы из стекла и пасты, остатки железных скоб, глиняное прясло, бронзовый наконечник стрелы. Входная яма № 2 аналогичной формы размерами 1,8×0,8 м и глубиной 2,7 м. Призахоронение произведено в подбое погребения № 1, для чего по центру южной стенки устроен проход шириной 0,7 и высотой 0,4 м, переходящий в дромос длиной 0,3 м. У входа кучкой лежали сломанные длинные кости человека.

Курган 24 высотой 0,2 м и диаметром 18 м содержал 2 скифских погребения, из которых № 1 — основное. Погребение произведено в могиле с подбоем. Входная прямоугольная яма размерами 2,1×0,7 м глубиной 1,8 м. На дне сохранились остатки плах, служивших закладом. Проход в камеру, расположенную под углом 45°, находился в северном углу, разница в уровнях дна составляла 0,1 м. Площадь камеры 1,75×0,8 м. Погребение разрушено, на дне найден нож, во входной яме — наконечник стрелы и кости животного. Погребение № 2 с овальной входной ямой размерами 2,35×0,65 м с глубины 1,4 м сужалась до 0,5 м за счет ступеньки под юго-западной стенкой. Подбой вырыт под северо-восточной стенкой глубиной 0,35 м и высотой 0,45 м. Скелет отсутствовал.

Курган 25 высотой 0,3 м и диаметром 18 м содержал 3 скифских погребения, из которых, судя по размещению материкового выброса на древнем горизонте, основным являлось № 3. Так как по положению в подкурганном пространстве камеры погребений № 3 и 1 частично совместились, они рассматриваются вместе. Входная яма погребения № 3 находилась в 1,2 м от условного центра, в плане овальной формы, размер 1,28×0,84 м, глубина 1,7 м. По направлению ко входу в камеру, вырытому под восточной стенкой, дно плавно понижалось на 0,3 м, размеры прохода 0,75×0,35 м. Входная яма соединялась с расположенной на одной оси камерой коротким — 0,35 м — дромосом. Форма камеры под-

трапециевидная, длина 1,95 м, ширина западной стенки 1,2, восточной — 0,75 м. На дне сохранились остатки подстилки из луба. Погребение парное — взрослого и ребенка, положенных на спине в ЮЗ ориентации, головами ко входу. Взрослый скелет разрушен при устройстве погребения № 1, от скелета ребенка в первоначальном положении сохранились кости таза и ног. Погребенных сопровождала напутственная пища, положенная в изголовье и включавшая кости быка и овцы. Рядом найдены железный нож и прямоугольные скобы. В районе предполагаемых черепов лежали две бронзовых серьги — спиралевидная и с напускной бусиной белого стекла. Справа, у бедра ребенка, найдены бронзовые наконечники стрел, рядом с левым коленом — железный распавшийся браслет.

Входная яма погребения № 1 вырыта в 2 м к юго-западу от условного центра. Форма подпрямоугольная, размеры 1,6×0,7 м, глубина с уровня обнаружения 1,3 м. Проход в камеру шириной у дна 0,9 м расположен в юго-западном углу. Камера перпендикулярна к входной яме, в плане неправильно-овальной формы длиной 2,35 м и шириной 1,65—1,4 м. Поскольку по уровню дно камеры № 1 всего на 0,15 м выше камеры № 3, при устройстве погребения были частично разрушены скелеты ранее погребенных. Через входную яму № 1 был внесен скелет взрослого, положенный на спину черепом к востоку, т. е. антиподально, и головой ко входу. Кисть левой руки положена на таз, ноги прямые. В изголовье находилась напутственная пища, сопровождавшаяся железным ножом. У черепа лежали бронзовые кольцевидные серьги, одна — с коралловой подвеской. У шейных позвонков рассеяны бусы ожерелья, на запястьях находились браслеты, в районе правой лопатки и у левого бедра собраны бронзовые наконечники стрел (рис. 2.13—17).

Могильник 3 продолжает цепь курганов в СЗ направлении; разрыв между группами составляет 1,5 км, что с учетом данных карт XIX в. позволяет предположить существование единого курганного поля. В составе могильника, по данным 1988 г., объединено 22 насыпи, группирующиеся вокруг большого кургана, из которых раскопано 9 (рис. 1).

Курган 1 распахан до выброса, диаметр 17 м. Содержал 2 скифских погребения, стратиграфическое соотношение между которыми не установлено. Погребение № 1 имело входную яму овальной формы размерами 1,6×0,8 м; под юго-восточной стенкой оставлена ступенька, дно на глубине 2,1 м. Проход под северо-западной стенкой длиной 1,45 м, высотой 0,55 м через ступеньку высотой 0,2 м переходил в подбой

площадью 2,7×1,4 м. Погребение разрушено. Перед входом лежали остатки напутственной пищи и костяная ворварка. Погребение № 2 также произведено в подбойной могиле, вырытой под северной стенкой прямоугольной входной ямы. Площадь подбоя 3,2×1,3 м, дно на 0,1 м ниже, чем во входной яме, на нем следы подстилки из луба. В северо-западном углу на дне лежали остатки черепа и инвентарь, включавший глиняное прясло, железные нож и скобы, фрагмент бронзовой серьги, бусы из стекла, горного хрусталя и известняка (рис. 2.18—20).

Курган 2 высотой 0,3 м и диаметром 18 м содержал 2 скифских погребения, из которых № 2 — основное. Входная яма погребения № 1 овальной формы размерами 1,65×0,6 м и глубиной 1,5 м, под южной стенкой у дна оставлены 2 ступеньки. Подбой вырыт в северо-восточной стенке, овальной в плане формы длиной 2,1 м и шириной 1 м; дно закрывала подстилка из луба. Скелет женщины лежал на спине, черепом к СЗ, с выпрямленными конечностями. За черепом помещена напутственная пища, рядом с которой лежал железный нож с костяной ручкой и стояло 3 сосуда. На костях груди и у правой руки собраны бусы и пронизи от ожерелья и браслета, подвеска-клык животного, бронзовые кольца, якоревидная подвеска, спиральная и кольцевидная серьги. Рядом с тазом лежали 3 наконечника стрел (рис. 3.1—13). Погребение № 2 имело вытянуто-овальную входную яму, размеры которой у дна составляли 2,17×0,7 м. Под юго-западной стенкой оставлена ступенька, дно на глубине 2,3 м. Подбой вырыт под северо-восточной стенкой, овальной формы, размерами 2,55× ×1,3 м, глубиной на дно 0,4 м с уровня входной ямы. Погребение разрушено. Найдены бронзовый наконечник стрелы и фрагменты железного кольца. В засыпке входной ямы встречены железный нож, еще один наконечник стрелы, подвеска из зуба животного и фрагмент бронзового кольца.

Курган 3 распахан. Содержал основное скифское погребение, произведенное в подбойной могиле с овальной входной ямой, в которой сохранились плахи заклада входа. Скелет разрушен, в первоначальном положении сохранились кости ног, указывающие на СЗ ориентацию. В подбое найдены свинцовая ворварка, бронзовая серьга с напускной бусиной, аналогичная ей с фаянсовой подвеской, бусы и бисер, кусочек реальгара. В засыпке колодца обнаружено лепное прясло, бронзовые бляшки и кольца (рис. 2.21—23).

Курган 4 распахан, содержал основное скифское погребение в подбойной могиле с овальной входной ямой. Скелет разрушен, ориентация восстанавливается как СЗ. В изголовье

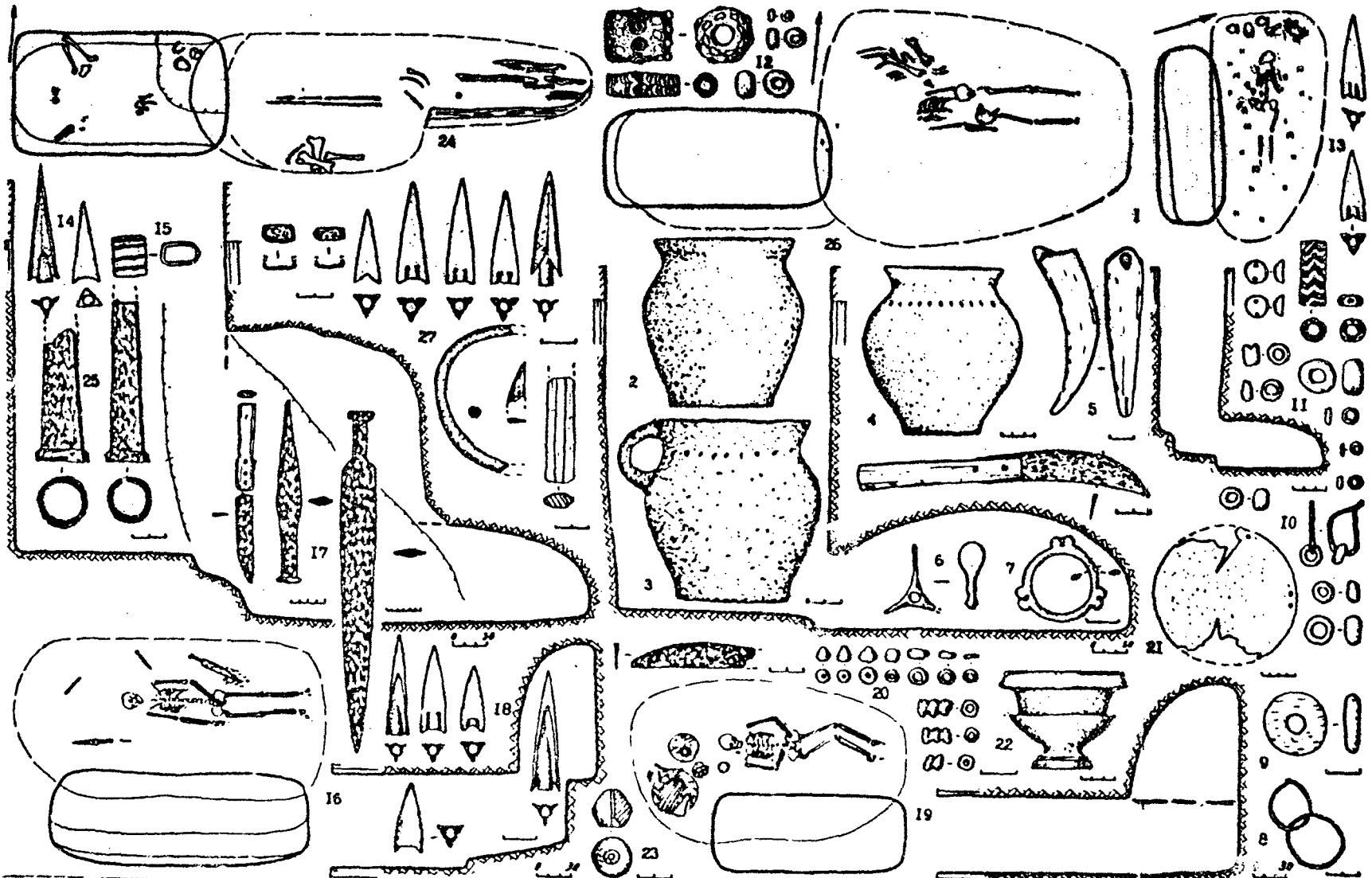


Рис.3. Планы погребений и инвентарь из II скифского могильника у с.Усть-Каменка: 1-13 – план и инвентарь п.1,к.2; 14,15 – инвентарь п.1,к.5; 16-18 – план и инвентарь п.2,к.6; 19-23 – план и инвентарь п.1, к.8; 24-25 – план и инвентарь п.2, к.8; 26-27 – план и инвентарь п.3, к.8

лежала напутственная пища, у входа в подбой найдена костяная рукоять ножа.

Курган 5 диаметром 20 м. Основное скифское погребение произведено в подбойной могиле. Входная яма подпрямоугольной формы, размеры 2,1×0,95 м, глубина 2,4 м. В северо-восточной стенке устроен подбой длиной 3 и шириной 4 м с остатками растительной подстилки на дне. Погребение разрушено, ориентация восстанавливается как СЗ. Сопровождалось 11 бронзовыми наконечниками стрел, фрагментами лепного сосуда, ручкой ножа и костяной пронизью (рис. 3.14, 15).

Курган 6 распахан, первоначальный диаметр 17 м определяется кольцевым ровиком с проходом по оси В—З. Ширина на уровне материка 0,9 м, глубина 0,8 м, сечение трапециевидное. Содержал 3 скифских погребения. Погребение № 1 произведено в подбойной могиле. Входная яма подпрямоугольной формы с закругленными поперечными сторонами размерами 1,8×0,65 м и глубиной 1,6 м; под северной стенкой оставлена ступенька. Подбой вырыт под южной стенкой, в плане неправильно-овальной формы площадью 2,7×1,8 м, дно на 1,3 м глубже, чем во входной яме. Погребение разрушено, судя по напутственной пище, рядом с которой лежал нож с костяной рукояткой, ориентация погребенного восстанавливается как западная. На дне найдена бусина синего стекла.

Погребение № 2 имело входную яму овальной формы размерами 2,35×0,9 м; южная стенка с глубины 1,2 м скошена ко дну и уменьшает ширину до 0,35 м. Подбой под северной стенкой длиной 2,8 м и шириной 1,4 м на 0,3 м глубже. Дно закрывала подстилка из луба, посыпанная мелом. Погребенный мужчина лежал на спине в СЗ ориентации, левая рука согнута и положена на таз, правая слегка отведена в сторону. Справа от погребенного положено копье с железным втульчатым наконечником листовидной формы. Слева на уровне таза-бедра лежал массивный меч с прямоугольной в сечении рукоятью с утраченным в древности перекрестьем и брусковидным навершием. На рукояти сохранилась обмотка крест-на-крест кожаным ремнем ярко-красного цвета. Длина меча 61,5 см, ширина клинка — 4,5 см. Рядом с мечом и частью под ним находились наконечники стрел (62), первоначально лежавшие в колчане (рис. 3.16—18). За черепом лежал железный нож с костяной рукояткой. В заполнении входной ямы найден фрагмент красноглиняной амфоры и обломки железного браслета. Погребение № 3 имело овальную входную яму размерами 1,6×0,6 и глубиной 1,2 м, под северо-западной стенкой которой оставлена ступенька. В подбой под юго-восточной стенкой дно понижалось на 0,2 м, площадь

подбоя 1,6×0,9 м, высота свода 0,45 м. Скелет ребенка лежал на меловой посыпке ближе к внутренней стенке; ориентация ЮЗ, конечности прямые, на правом предплечье найден бронзовый браслет. За черепом лежала овечья лопатка.

Курган 7 распахан, содержал основное скифское погребение. Входная яма подпрямоугольной формы с закругленными поперечными сторонами размерами 1,6×0,9 м и глубиной 2,7 м. В заполнении найден бронзовый браслет. Проход в камеру, расположенную на одной оси с входной ямой, устроен в юго-восточной стенке; дно по направлению к нему плавно понижалось. Камера в плане подквадратной формы за счет одностороннего расширения вдоль северо-восточной стенки. На дне сохранились остатки растительной подстилки, посыпанной мелом. Под юго-западной стенкой, у входа, лежала напутственная пища. Скелет смещен к северо-восточной стенке, анатомическая целостность нарушена. В камере найдены бронзовые браслет и перстень с плоским овальным щитком и заходящими концами. Здесь же лежала цепочка бус от распавшегося ожерелья. За черепом найдено керамическое прясло.

Курган 8 распахан, высота 0,5 м, диаметры 15×16 м определяются кольцевым ровиком с проходом по оси В—З, шириной 1—1,2 м. Глубина рва с уровня материка 1,2 м, сечение трапециевидное. В кургане произведено 3 скифских погребения. Погребение № 1 имело подпрямоугольную входную яму размерами 1,7×0,7 м и глубиной 2,4 м. В северо-западной стенке вырыт подбой, проход в который закрывали плахи, вкопанные в дно входной ямы. Площадь подбоя 2,45×1,45 м, на дне растительная подстилка и посыпка мелом. Скелет женщины лежал на спине черепом к ЮЗ. Руки согнуты и положены кистями на грудь и таз. Ноги оказались слабо согнутыми в коленях (рис. 3.19—23). В изголовье находились 3 деревянных блюда, на которых разложена напутственная пища. Большое низкое с плоским дном блюдо диаметром 35 см и толщиной стенок 1,5 см покрыто ярко-красной краской, образовавшей плотный лаковый слой. Аналогичная краска покрывала поверхности двух остальных блюд диаметром 26 и 18 см. Под одним блюдом стоял вкопанный в дно камеры чернолаковый сапфар с отбитыми ручками. У правого плеча погребенной лежало бронзовое зеркало, на шейных позвонках и предплечьях обеих рук собраны бусы (рис. 3.20—23). Погребение № 2 имело входную яму подпрямоугольной формы длиной 1,9, шириной 1,1 и глубиной 2,8 м с уровня древнего горизонта. Проход в камеру находился в восточной стенке. На дне входной ямы и в ее заполнении встречались

кости человека и животного, а также обломки двух наконечников копий. Камера продольно сопряжена с входной ямой, в примыкающей к ней части имеет овальную форму и размеры 2×1,3 м. Дальше в восточном направлении камера сужалась до 0,7 м при прямой северной и закругленных остальных стенках; длина этой части по дну 1,5 м. В ней сохранились остатки дерева, позволяющие предположить погребение в колоде. Это подтверждается характером обработки древесины. Скелет лежал в западной ориентации, головой к входу в камеру. Справа находились 2 сломанных копья. В расширении камеры положена напутственная пища (рис. 3.24, 25). Погребение № 3 с входной ямой подпрямоугольной формы размерами 2×0,9 м. Ко дну на глубине 2,75 м с уровня древнего горизонта южная стенка выбрана, что увеличило ширину колодца до 1,1 м. Проход в камеру расположен в восточной стенке, шириной по дну 0,8 м. Камера продольно сопряжена с входной ямой, разница в уровнях дна 0,1 м. Свод почти плоский, высота в центре 1,2 м. Камера в форме высокой трапеции с закругленными углами длиной 2,8 м, шириной западной стенки 2,5 м, восточной—1,1 м. В центре сохранилась подстилка из луба, посыпанная мелом. Взрослый скелет лежал на спине в западной ориентации. Череп и шейные позвонки смещены. Слева, у входа, находилась напутственная пища и железный разложившийся нож. Фрагменты второго ножа обнаружены у левого локтя. В районе таза и бедер были рассеяны бронзовые наконечники стрел. Фрагмент ножа с костяной рукояткой и наконечник стрелы найдены на входе в камеру, фрагменты железных скоб и браслета — на верхнем уровне входной ямы (рис. 3.26, 27).

Курган 9 распахан, диаметр 10 м определяется кольцевым ровиком с проходом по оси В—З шириной 1,5—1 м. Концы рва закруглены, ширина на материке 0,9 м, глубина — 0,5 м, сечение трапециевидное. Основная скифская могила вырыта в центре. Входная яма овальной формы длиной 2,4 м и шириной 0,7 м, дно на глубине 2,2 м. В заполнении встречались разрозненные кости человека. Под юго-западной стенкой оставлена ступенька, вход в подбой находился под северо-восточной стенкой; в нем лежали отдельные кости скелета взрослого. Подбой подпрямоугольной формы площадью 3,5×1,5 м, дно на 0,1 ниже, чем во входной яме. Скелет, верхняя часть которого разрушена, лежал в СЗ ориентации. У таза рассыпаны стеклянные бусы, рядом со стопами лежала напутственная пища.

Оба исследованных могильника в суммарной характеристике могут быть отнесены к памятникам, оставленным рядо-

выми общинниками. В основной массе преобладают курганы незначительной высоты — до 0,7 м, из которых лишь два окружены рвом. Следы тризны в виде костей животных и фрагментов амфор выявлены также только в 2 курганах.

В 10 случаях насыпи содержали по несколько погребений (до 3), в 8 — по одному. Могилы представлены следующими типами: подбоями (25, или 82%); катакомами (5, или 16%); ямами (1, или 3%). В тех случаях, когда в курганах представлены катакомбные и подбойные могилы, первые являются основными. Заклады входа в камеру и подбой камнем отмечены в одном случае, в большинстве его заменяли заслоны из дерева.

Преобладают одиночные захоронения, произведенные в западной с отклонениями ориентации.

Переходя к характеристике инвентаря, необходимо отметить его неполноту вследствие ограбления большинства могил. В целом он традиционен для рядовых скифских могильников и не содержит предметов, могущих служить точными хронологическими определителями. Как и в других скифских могильниках района (Каменское курганное поле), обращает на себя внимание малочисленность погребений, сопровождавшихся предметами вооружения. Публикуемый меч можно отнести по классификации А. И. Мелюковой ко II типу I отдела мечей, датируемых IV в. до н. э. [7, с. 49]. Наборы стрел представлены трехлопастными и трехгранными наконечниками, также датируются в пределах IV в. до н. э. Среди украшений наиболее значительную группу образуют бусы, которые были найдены практически во всех женских погребениях.

Библиографические ссылки

1. Эварницкий Д. И. Раскопки курганов в Херсонской губернии Херсонского и Александровского уездов //Тр. XI АС, М., 1901. Т. 1. С. 718—736.

2. Волкобой С. С., Лихачев В. А., Шалобудов В. Н. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине //Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1979. С. 45—60.

3. Мозолевский Б. Н. Скифский царский курган Желтокаменка //Древности Степной Скифии. Киев, 1982. С. 179—222.

4. Андросов А. В., Мухопад С. Е. Аристократический курган «Каменская Близница» //Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Кировоград, 1987. Ч. 1. С. 14—16.

5. Махно Е. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в Усть-Кам'янці //АП. 1960. Т. 9. С. 24—38.

6. Костенко В. И., Безручко И. Н., Хорошкова Е. В. Сарматские погребения с оружием из могильников у с. Усть-Каменка на Нижнем Днепре //Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987. С. 114—128.

7. Мелюкова А. И. Вооружение скифов //САИ. М., 1964. Вып. Д1-4.

В. Н. ШАЛОБУДОВ

ЕЩЕ РАЗ О НАХОДКАХ РАСПРЯМЛЕННЫХ ГРИВЕН В ПОЛОВЕЦКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ

При раскопках курганов в Днепропетровской области, проводившихся в 1988—1989 гг., были выявлены четыре позднекочевнических погребения, в инвентаре которых обнаружены распрямленные гривны или их фрагменты. Еще четыре аналогичные находки, происходящие из погребений, исследованных экспедицией Днепропетровского госуниверситета, ранее были введены нами в научный оборот [1, с. 128—135]. Новые находки позволяют существенно дополнить и уточнить сделанные авторами выводы.

Два погребения исследованы в насыпях курганов эпохи бронзы у с. Петропавловка. Погребение № 2 кургана 2 группы IV впущено в курган бронзового века высотой 1,8 м. На глубине 0,8 м от современной поверхности без контуров могильной ямы обнаружен скелет взрослого мужчины, частично разрушенный при ограблении. Он лежал вытянуто на спине в западной ориентации, под костями ног сохранились остатки «решетчатого гроба» (рис. 1.1). У левого плеча найден фрагмент лука, ближе к локтю — костяная круглая застежка-пуговица (рис. 1.2). В районе груди собраны обломки железных панцирных пластин с рядами отверстий вдоль длинных сторон (рис. 1.3). Под правым крылом таза лежал железный нож, слева от бедра — сабля без рукояти (рис. 1.4). Справа на уровне голени обнаружена фронтальная накладка лука (рис. 1.5). У стоп стоял кружальный горшок. Распрямленная серебряная гривна, первоначально вложенная в правую руку погребенного и не замеченная грабителями, сдвинута со своего места. В норе, проходящей через могилу, найдена грифельная кость лошади.

Кружальный черноглиняный горшок с коротким отогнутым наружу венчиком, округлым туловом и широким плоским дном орнаментирован под венчиком и по плечу прочерченными горизонтальными и волнообразными линиями. Край венчика округлен (рис. 1.6).

Гривна серебряная, витая из прямоугольного в сечении стержня длиной 38 см, на одном конце сохранилась петелька (рис. 1.7). Данный тип был наиболее распространен в кочевнических погребениях XI—XIII вв. [2, с. 170]. В материалах Левобережья Днепра имеет ближайшие аналогии гривне из погребения у с. Сухая Калина, которое мы датируем XI в. [1, с. 128, 129, 134], а также золотой гривне-жезлу из поло-

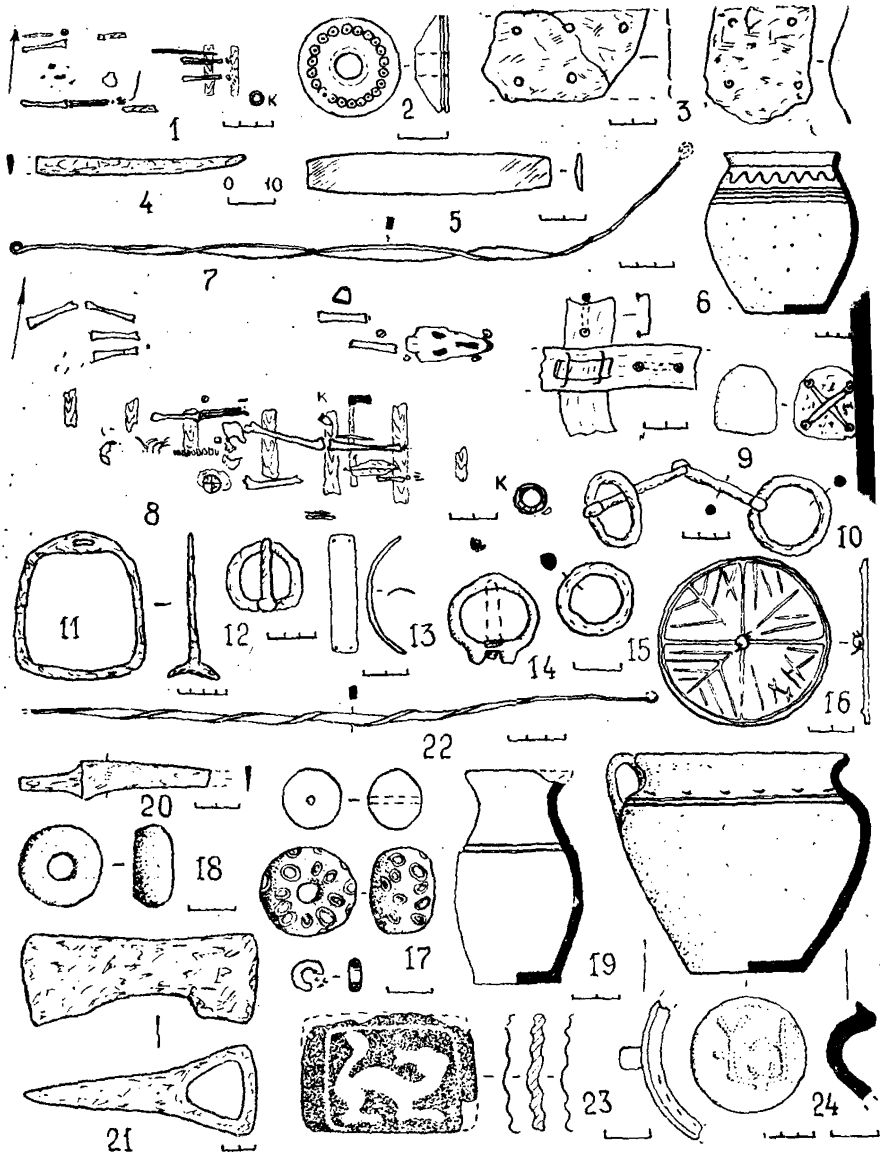


Рис. 1. План и инвентарь погребений XII в. из курганов у с. Петропавловка: 1—7 — п. № 2, к. 2, гр. 4; 8—24 — п. № 2, к. 1 гр. 5

вецкого погребения кургана «Чингул» у с. Заможное Томаковского района Запорожской области, датируемого В. В Отрощенко XIII в. [3, с. 14—35].

Погребение № 2 кургана 1 группы V впущено в насыпь кургана эпохи бронзы высотой 0,7 м. Скелет женщины, лежавший на спине, головой на запад, обнаружен на глубине 0,7 м от поверхности; частично разрушен при установке на кургане геодезического знака. Под скелетом сохранилось 7 поперечных плашек от дна «решетчатого гроба». Слева по отношению к погребенной находились череп и конечности коня, лежавшие в анатомическом порядке (рис. 1.8).

Инвентарь разнообразен: слева у черепа рассеяны бронзовые пластины от головного убора, у левого локтя находилась бронзовая пряжка, ближе к позвоночнику — железное кольцо. Справа у таза лежали железная пряжка и бронзовое зеркало с остатками ткани. Возможно, оно находилось в мешочке вместе с шиферным пряслицем и тремя бусинами, которые могли также служить украшением мешочка. У левого колена стоял маленький поливной горшочек, ниже которого находились железные нож и топор, судя по остаткам рукояти, лежавший под скелетом. Между берцовыми костями помещен кожаный футляр с распрямленной серебряной гривной. На ремешке футляра крепился медный наконечник. К юго-востоку от погребения обнаружен развал кружального горшка. На конском черепе сохранились остатки ремней оголовья, во рту были железные удила. Слева от передних конечностей лежало стремя, а между ними — подпружная пряжка.

Ремни оголовья шириной 2,5 см изготовлены из светлой толстой кожи. На них сохранились медные скобы от почти полностью разложившихся серебряных накладок (рис. 1.9). Сбруя с подобным типом накладок происходит из погребения XI в. у с. Николаевка [1, с. 130—134].

Удила — железные двусоставные с диаметром колец 5 см (рис. 1.10) характерны для половецких древностей XI—XII вв. [2, с. 178, 179].

Стремя — железное с узкой слабо прогнутой подножкой и арочной дужкой, в верхней части которой пробито прямоугольное отверстие (рис. 1.11). По классификации А. Н. Кирпичникова относится к VII типу, характерному для стремян Южной Руси XII—XIII вв. [4, с. 45, 50].

Пряжка — железная круглая диаметром 4,8 см имеет широкое распространение и датировку (рис. 1.12).

Пластины — бронзовые с золочением, дуговидной формы и сечения (рис. 1.13), являлись деталями головного убора типа «очелья», известного по изображениям на головах поло-

вецких женских каменных изваяний XI—XII вв. [2, с. 170, 171]. Аналогии им есть в погребениях у с. Большемихайловка Покровского района Днепропетровской области [5, с. 150; 6, с. 56—58], у с. Каменка Донецкой области [7, с. 257—262].

Пряжка — бронзовая овальной формы с подвижным железным язычком и двумя выступами, фиксирующими ремень (рис. 1.14), как и кольцо железное, из круглой в сечении проволоки (рис. 1.15), не имеют твердой даты.

Зеркало — бронзовое диаметром 8,5 см. По краю — бортик, в центре — шишечка для подвешивания с остатками кожаного ремешка в отверстии. Рельефный орнамент в виде креста делит круг на секторы, заполненные «елочкой» (рис. 1.16). Г. А. Федоров-Давыдов выделяет подобные зеркала в тип Е-1 и датирует их XI—XII вв. [8, с. 81].

Бусины, в том числе хрустальная шаровидная, слабо сплюснутая с полюсов; округло-плоская синего стекла с вплавленными желтыми глазками в красном ободке; кольцевидная — светложелтого прозрачного стекла (рис. 1.17). Хрустальные бусы были широко распространены на Руси с X в. [9, с. 149, 161]. Встречаются они и в кочевнических погребениях XI—XIII вв. [6, с. 59]. Стеклянные глазчатые бусы, аналогичные нашей, по данным З. А. Львовой, характерны для Средиземноморья и Северного Кавказа VIII—IX вв., и их распространение совпадает с направлением водных торговых путей [10, с. 70—72].

Пряслице — розового шифера округло-сферической формы (рис. 1.18). Аналогичные имели широкое распространение на Руси; с XI по XIII вв. изготовлялись в районе г. Овруга на Волыни [11, с. 342].

Сосудик — кружальный светло-глиняный кувшинчик с отогнутым наружу венчиком и округленным плечом, плавно переходящим в тулово с широким плоским дном. Поверхность покрыта желтой прозрачной глазурью, заходящей на внутреннюю сторону горлышка. На уровне плеча нанесены два прочерченных горизонтальных пояска. Высота — 9 см, диаметр устья — 4,4 см, дна — 3,8 см (рис. 1.19). Исходя из состава теста и поливы не исключена возможность его византийского происхождения.

Нож — железный черешковый с обломанным в древности концом (рис. 1.20) не может служить для датировок.

Топор — железный с узким длинным лезвием, широким обухом и прямыми щековицами (рис. 1.21). Такая форма характерна для славянских рабочих топоров домонгольской Руси. Аналогии имеются в материалах X—XI вв. из Киева и Саркела — Белой Вежи [12, с. 156—158]. По классификации

А. Х. Халикова может быть отнесен к типу В—IIIв и датирован X—XII вв. [13, с. 38, 48, 49].

Гривна — серебряная витая из прута прямоугольного сечения. Один конец обломан, другой оканчивается петелькой. Длина 31 см (рис. 1.22). Аналогична экземпляру, рассмотренному выше.

Наконечник ремня прямоугольной формы штампован из тонкого медного листа и представляет собой две тонких одинаковых накладки с изображением идущего вправо зверя, между которыми сохранились остатки кожаного ремня. Размеры 3,8×2,6 см, в углах отверстия для крепления (рис. 1.23).

Горшок кружальный с маленькой петлевидной ручкой. На дне выпуклое клеймо (рис. 1.24). Подобные горшки часто встречаются в славянских древностях XII в. Близкие ему по форме горшки, но с другим клеймом, найдены нами в половецком погребении у с. Вербки, они датируются XIII в. [1, с. 132—134].

По мнению Т. А. Бобровского, на клейме изображен княжеский знак — «двузубец» с небольшим нижним отрогом и несколькими «отнятышами». Знак выполнен в южно-русских традициях и, вероятно, относится к киево-переяславским князьям. По аналогии со знаками на актовых печатях и керамике, знаки, близкие нашему, были распространены с конца XI в. до середины XII в. [24, с. 273, № 283—286, 288; 25, с. 63, 69].

Еще одно интересующее нас погребение открыто на землях подсобного хозяйства Васильковской областной психиатрической больницы у с. Дубовки. Курган высотой 2,2 м, диаметром 38 м возведен над погребением раннего бронзового века и досыпан специально для впускного кочевнического погребения. На распаханной поверхности насыпи встречались обломки костей человека и лошади. Непотревоженные конечности лошади с лежащим на них храпом на северо-запад черепом обнаружены в насыпи на глубине 0,9 м от поверхности, на расстоянии 9 м к северо-западу от условного центра. Кочевническое погребение № 3 было впущено в центр первичной насыпи. Могила прослежена с уровня впуска — 0,7 м от поверхности, где ее окружал кольцовой выкид материковой глины. Яма с сильно закругленными углами имела размеры 3,7×2,1 м. На глубине 1,7 м с уровня впуска, вдоль стен оставлен уступ, ниже которого могила уменьшалась до размеров 2,65×1,05 м. На уступ опиралось перекрытие в виде щита из тонких досок шириной 5—10 см и луба, причем поперечные доски лежали впритык друг к другу, а продольные как бы вплетались между ними. Обе поверхности щита обож-

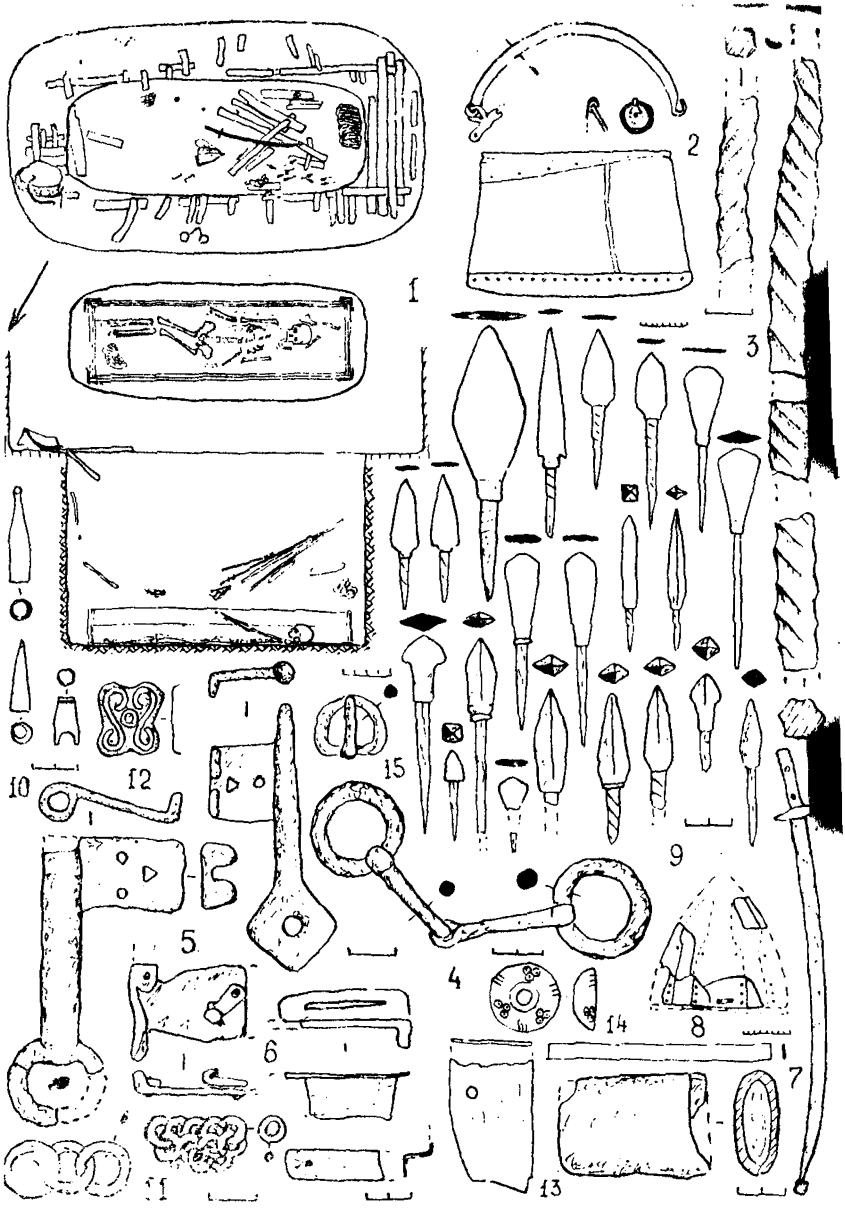


Рис. 2. План и инвентарь из погребений XIII в. у с. Дубовики:
1—15 — п. № 1, к. 1, гр. 3

жены. На уступе в северо-восточной части могилы стоял котел, рядом с которым лежали обломки гривны. В 0,7 м от него найдены железные удила. Под противоположной стенкой найдены два железных ключа. Основная же часть вещей, положенных на перекрытие, просела вместе с ним в могилу и частью была уничтожена при ограблении могилы. В заполнении найдены сабля, шлем, наконечники стрел, фрагменты кольчуги, золотые бляшки, костяные накладки колчана, застежка-пуговица, бронзовые бубенчики, железная пряжка, фрагменты врезных замков (рис. 2.6), а также грифельная кость и ребро лошади. Дно могилы находилось на глубине 1,7 м от уступа. Погребение взрослого мужчины произведено в прямоугольном гробу размерами 2,3×0,75 м и высотой 0,3 м. Ориентация погребенного юго-западная, часть костей грудного отдела смещена грабителями. Под скелетом от затылка до таза была расстелена кольчуга, еще одна, свернутая, лежала слева от ступни. На левой половине груди найдена подвеска из янтаря, у правого крыла таза — еще два бронзовых бубенчика. Между бедренными костями лежал обломок костяной накладки, а ближе к левому колену —две золотые бляшки, аналогичные найденным в заполнении (рис. 2.1).

Гроб имел сложную конструкцию. Его стенки собраны из тонких тщательно оструганных досок толщиной 1 см, соединенных в два слоя, между которыми сохранились остатки клея и шпаклевки. Между собой стенки дополнительно скреплялись железными полосами и уголками (рис. 3.1). Крышка гроба была сорвана и разбита при ограблении, поэтому форма ее не восстанавливается. Крепилась к гробу на подвижных петлях, которые изготовлены из двух железных стержней, свернутых вдвое (рис. 3.2). Врезные замки были закреплены на крышке и сохранились фрагментарно (рис. 2.6). Дно состояло из четырех тщательно подогнанных друг к другу досок. Подобный гроб с откидной крышкой, но закрывавшийся на 4 цилиндрических навесных замка, известен в Чингульском кургане [3, с. 19].

Котел — изготовлен из медного листа толщиной в 1 мм. Слабо выпуклое дно диаметром 40 см приклепано к конусовидному тулову высотой 25 см медными заклепками. Диаметр венчика 35 см. Его верхнему краю придана жесткость путем расковки до 2—3 мм и гофрированного валика. Боковой шов подвернут и прокован. В верхней части котел дорацивался косой полосой меди на заклепках, железная дуговидная ручка выкована из полосы шириной 2 см и толщиной 1 см, концы ее загнуты вверх, как у коромысла. Крепилась к котлу подвижно: с одной стороны при помощи Т-образной наклад-

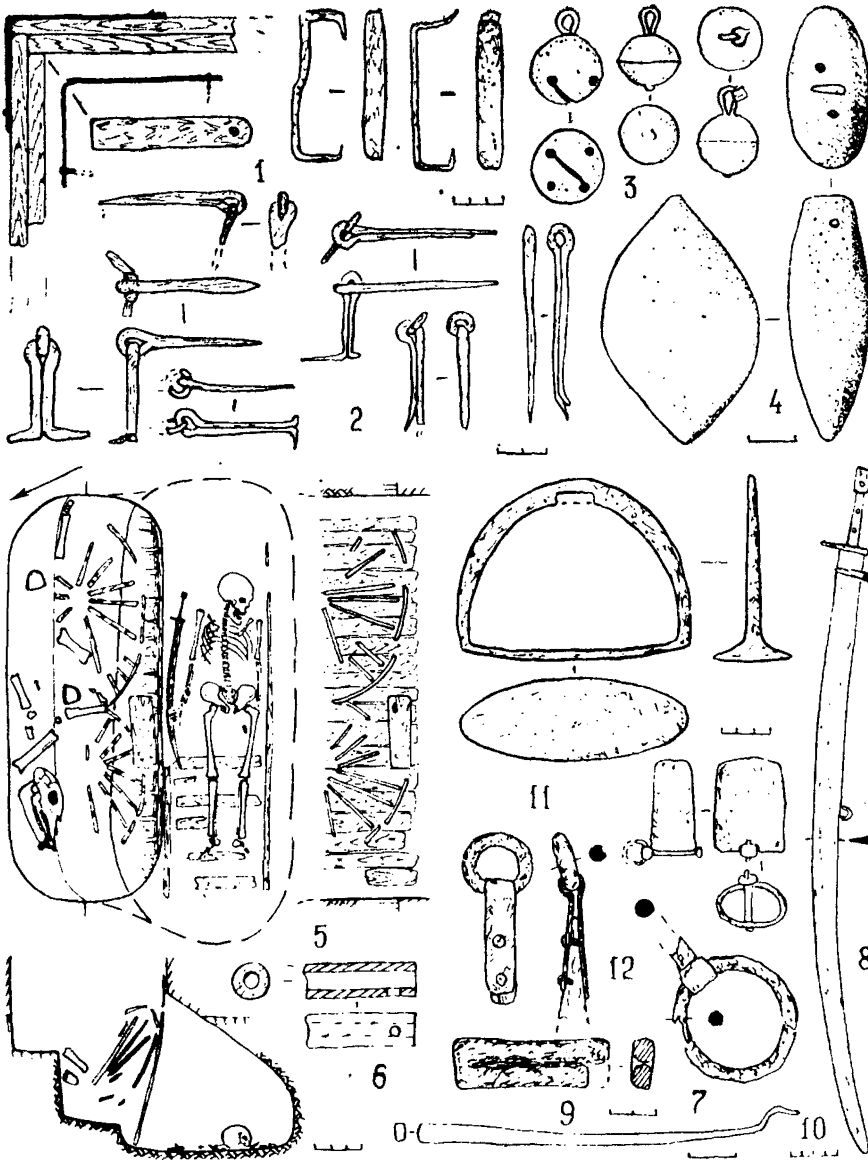


Рис. 3. Погребения XIII—XIV вв.: 1—4 — инвентарь из п. № 1, к. 1, гр. 3 у с. Дубовики; 5—12 — план и инвентарь п. № 1, к. 7, гр. 1 у г. Павлограда

ки на двух железных заклепках, с другой стороны—овальной накладкой и кольцом (рис. 2.2). Близкий по форме и способу изготовления котел найден в погребении XIII—XIV вв. у хутора Нижняя Козинка Азовского района Ростовской области [14, с. 286—289].

Гривна — железная витая в сечении шестигранная, судя по фрагментам, была выпрямлена (рис. 2.3).

Удила — железные кольчатые двусоставные (рис. 2.4). Г. А. Федоров-Давыдов относит их к типу Г-1, датируемому очень широко — от X до XIV в. [8, с. 18, 20, 37].

Ключи — железные бородчатые от врезных замков. Один с пустотелым стержнем, надевавшимся на длинный ключевой штифт замка, другой с заостренным стержнем, который входил в отверстие задней стенки полочки замка (рис. 2.5). Оба ключа со сквозными отверстиями и двумя бородками на крюках. Ключи от поворотных замков довольно частая находка на древнерусских поселениях. В Приднепровье они были распространены начиная с IX в. [12, с. 180]. В Изяславле, Новгороде и Старой Рязани подобные ключи встречаются в слоях XI — второй половины XIII в. [15, с. 97, 98], причем ключ с пустотелым стержнем характерен для более раннего типа замка (вторая половина X — начало XIII в.), чем с заостренным стержнем (конец XI — конец XIII в.) [16, с. 52].

Сабля — железная, лезвие равномерно изогнуто. Перекрестие прямое, рукоять в сечении прямоугольная, длина клинка 80 см. Наконечник ножен свернут из железной полосы, в сечении овальный (рис. 2.7). Кривизна сабли характерна для отдела Д по классификации С. А. Плетневой. Последние датируются концом XII — началом XIII в. [17, с. 18].

Шлем — железный, склепан из 8 налегающих друг на друга пластин серебряными заклепками (рис. 2.8). Подвергся деформации и сильно фрагментирован, что не позволяет его датировать.

Наконечники стрел — железные черешковые плоские в сечении, листовидной, подтреугольной, ассиметрично-ромбической формы, а также пулевидные квадратного и ромбического сечений (рис. 2.9). Практически все они разные, и классификация каждого из типов займет много места, но подобные колчанные наборы в целом характерны для золотоордынского периода и распространены в памятниках Степного Поднепровья в XIII—XIV вв. [18, с. 67, 68; 19, с. 27].

Наконечники стрел — костяные пулевидной формы (рис. 2.10). Аналогичный наконечник был найден в половецком погребении XIII в. у пос. Подгородное [1, с. 132, 133].

Обе кольчуги сохранились в многочисленных крупных фрагментах, различающихся по типу колец. Часть фрагментов состоит из колец плоского сечения диаметром 14 мм и толщиной 2 мм, клепаных на гвоздь. Другие состоят из круглых в сечении колец диаметром 8 мм и толщиной 2 мм (рис. 2.11).

Бляшки — золотые из тонкого листа со штампованным S-видным орнаментом и четырьмя отверстиями по краю для нашивания на одежду (рис. 2.12).

Костяные накладки в виде узких тонких полос, как и обломок широкой плоской накладки с отверстием у края, очевидно, происходят от колчана (рис. 2.13).

Круглая застежка-пуговица с отверстием по центру украшена насечками и циркульным орнаментом (рис. 2.14). Последние были широко распространены в половецких памятниках на всем протяжении их существования.

Пуговицы-бубенчики бронзовые шаровидной формы спаяны из двух половинок. Три экземпляра с прорезью и четырьмя отверстиями снизу, остальные с выступом-шишечкой (рис. 3.3).

Подвеска-кулон — из янтаря подромбической формы. Поверхность хорошо отшлифована и покрыта мелкими трещинками. В суженной верхней части находилось отверстие. Размеры 5,4×3,3×1,8 см (рис. 3.4). Мастерские по обработке прибалтийского янтаря известны почти во всех древнерусских городах в X—XIII вв., но янтарь встречается и в Поднепровье на участке между Днепропетровском и Киевом [20, с. 197—200]. Как правило, из янтаря изготовлялись бусы, а кулоны встречаются значительно реже. Их принято считать амулетами, возможно, талисманами от дурного глаза [20, с. 203].

Последнее из рассматриваемых погребений было впущено в насыпь энеолитического кургана 7 у г. Павлограда. Погребение произведено в подбойной могиле. Скелет молодого мужчины лежал вытянуто на спине в В—ЮВ ориентации. Под ним сохранились остатки «решетчатого гроба» (рис. 3.5). Вдоль правой руки рукояткой на уровне плеча была положена сабля. У левого бедра найдено кресало, под кистью правой руки — обрубок гривны. Вход в подбой закрывали стенки и дно повозки, состоявшие из плотно подогнанных встык досок. Рядом стояли 2 колеса, между которыми сохранились остатки соединительной оси (рис. 3.6).

На ступеньке, оставленной вдоль северной стенки входной ямы, лежали конечности лошади и череп с удилами в зубах (рис. 3.7). Там же найдены парные стремена и железное кольцо со скобой.

Сабля с равномерно изогнутым клинком длиной 98 см,

Перекрестье асимметрично относительно рукояти. На правой стороне навершия прикреплено железное портупейное кольцо (рис. 3.8). По классификации Г. А. Федорова-Давыдова саблю можно отнести к типу А-1—В-1 [8, с. 23]. Аналогия ей была найдена у с. Пролетарское в погребении XIII—XIV вв. [21, с. 100].

Кресало — двулезвийное прямоугольное со щелевидной прорезью (рис. 3.9).

Гривна изготовлена из серебра, положена в могилу в сломанном виде. Края обруба аккуратно заглажены, петелька на конце распрямлена, длина фрагмента 8,5 см (рис. 3.10).

Стремена — парные с узкой прямой подножкой и широкой арочной дужкой со щелевидным отверстием (рис. 3.11). Выделяются А. Н. Кирпичниковым в тип VIIа и датируются для территории Поднепровья XII—XIV вв. [4, с. 51]. Такие же стремена были найдены в погребении с повозкой кургана у с. Богачевка Красноперекопского района Крымской области [22, с. 15, 51].

Кольцо — железное, продетое в узкую скобу с двумя заклепками. Сохранившиеся остатки дерева внутри скобы позволяют предположить, что мы имеем дело с деталью кнутовища нагайки или плети (рис. 3.12).

Повозка из погребения реконструкции не поддается, но в целом не отличается от двухколесных повозок, открытых в половецких погребениях у с. Большемихайловка [5, с. 144, 148].

По мнению автора, все рассмотренные погребения принадлежат половцам. Два первых, с целыми гривнами и славянской керамикой, укладываются в хронологические рамки XII в. Третье и четвертое датируются концом XIII — началом XIV в., т. е. золотоордынским периодом.

Погребение у с. Дубовики, совершенное в гробу-сундуке, наиболее близко по обряду широко известному погребению в Чингульском кургане, исследованному В. В. Отрощенко. Как и в нашем случае, погребение Чингульского кургана впущено в насыпь кургана эпохи бронзы с последующей ее досыпкой. В обоих случаях заплечики-уступ расположены вокруг всех, а не только продольных стенок ямы. Гроб закрывается на замки, что само по себе крайне редко. Одинакова и ориентация погребенных. Близки по типам стремена, сабля и кольчуга. Отсутствие распрямленной гривны в руке погребенного в кургане 1 объясняется его ограблением. Важно заметить, что правая рука погребенного находилась в приподнятом положении, что предполагает первоначальное помещение в ней гривны.

Все это позволяет считать эти два погребения синхронными и принять аргументацию В. В. Отрощенко, который считает, что половецкая знать самого высокого ранга возвращалась из изгнания в степь к хану Бату [23, с. 40].

Тем самым существующие летописные свидетельства о попытке привлечь половцев в Орду получают новые археологические подтверждения. Погребения с гривнами, датируемые нами концом XIII—XIV в., показывают, что по возвращении половецких беженцев им были оставлены определенные привилегии.

Возвращаясь к вопросу о назначении распрямленных гривен, нельзя полностью согласиться с широко распространенным мнением о них как о знаках военной доблести. Автор настаивает на отнесении их к символам социальной выделенности, знатности, а сами погребения с гривнами-жезлами — к половецкой аристократии. Еще один аргумент в пользу такого объяснения дает нам находка распрямленной гривны в женском погребении кургана 1 у с. Петропавловка. Это лишний раз подтверждает свидетельства Анны Комнин о заметной роли женщин в политической жизни половцев.

На четырех рассмотренных в статье погребениях можно также проследить, как контакты кочевнической верхушки с Русью сменяются ее зависимостью от ордынских ханов.

Библиографические ссылки

1. Шалобудов В. Н., Яремака В. Н. Гривны в погребениях средневековых кочевников //Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.

2. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях //МИА. 1958. № 62.

3. Отрощенко В. В., Рассамакін Ю. Я. Половецький комплекс Чингульського кургану //Археологія. 1986. № 53.

4. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. //САИ. 1973. Вып. Е 1—36.

5. Шалобудов В. Н., Яремака В. Н. Кочевнические захоронения X—XII вв. на р. Волчьей //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985.

6. Бессонова С. С., Черных Л. А., Куприй С. А. Курганы у с. Филатовка //Курганы степного Крыма. Киев, 1984.

7. Косиков В. А., Гриб В. К. Парное кочевническое погребение из кургана у села Каменка в Донецкой области //СА. 1985. № 2.

8. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

9. Дубов И. В. Северно-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

10. Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги //АСГА. 1968 № 10.

11. Левенок В. П. Пряслица городища Саркел — Белая Вежа //МИА. 1959. № 75.
12. Сорокин С. С. Железные изделия Саркела — Белой Вежи //Там же.
13. Халиков А. Х. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X—XIII вв. М., 1985.
14. Горбенко А. А., Кореняко В. А., Максименко В. Е. Позднекочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка //СА. 1975. № 1.
15. Овсянников О. В., Пескова А. А. Замки и ключи из раскопок Изяславля //КСИА. 1982. № 171.
16. Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.) //Археология Рязанской земли. М., 1974.
17. Плетнева С. А. Древности черных клобуков //САИ. 1973. Вып. Е 1—19.
18. Шалобудов В. Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка //Древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск, 1982.
19. Шалобудов В. Н., Андросов А. В., Мухопад С. Е. Раскопки курганов у с. Дмухайловка //Древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.) Днепропетровск, 1983.
20. Розенфельд Р. Л. Янтарь на Руси (X—XIII вв.) //Проблемы советской археологии. М., 1978.
21. Шалобудов В. Н., Кудрявцева И. В. Позднекочевнические погребения Приорелья //Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
22. Генинг В. В., Корпусова В. Н. Курганы у с. Богачевка //Археологические памятники Крымского Присивашья. Киев, 1989.
23. Отрощенко В. В., Рассамакин Ю. Я. Взаимоотношения Руси с половцами в период формирования Золотой Орды (40-е—60-е гг. XIII в.) //Международные связи в средневековой Европе. Запорожье, 1988.
24. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1.
25. Шовкопляс Г. М. Знаки на древньоруському посуді з Києва //Археологія. Київ, 1964. Т. 17.

А. П. БЕЗВЕРХИЙ

ДАТИРОВКА И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КОЧЕВНИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У с. ПРЕОБРАЖЕНКА

В 1983 г. археологической экспедицией Днепропетровского госуниверситета проводились исследования курганов в Павлоградском районе. Суммарные данные об этих работах в свое время были опубликованы [1, с. 3—26]. Однако позднекочевническое погребение № 3, открытое у с. Преображенка в насыпи кургана 1 эпохи бронзы группы II, требует к себе более пристального внимания.

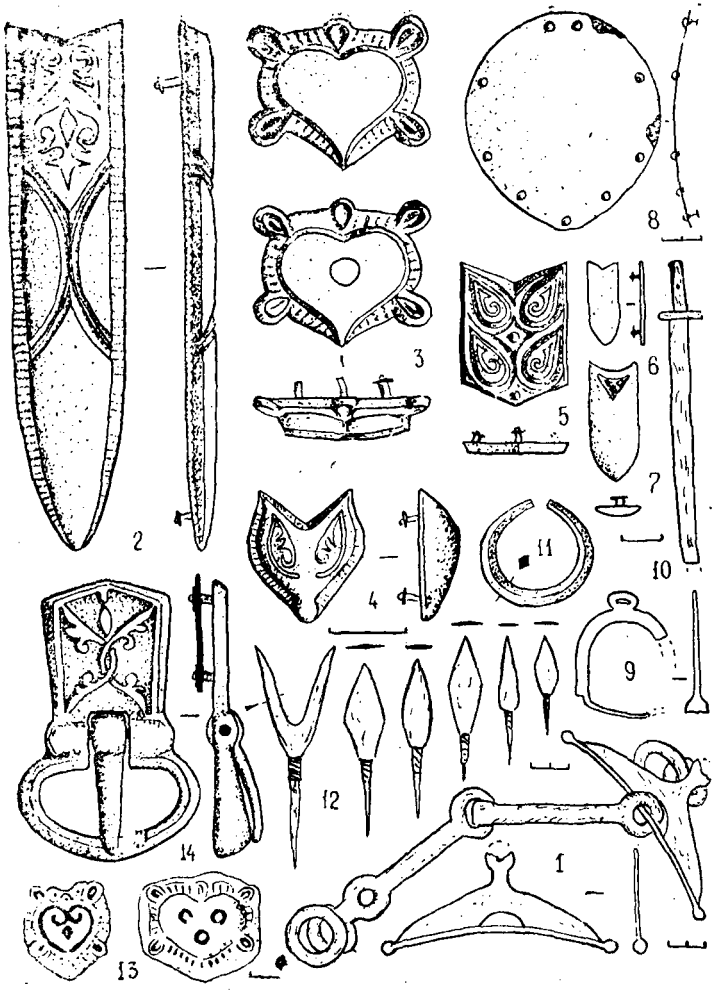
Прямоугольная могила размерами 2,5×1,0 м ориентирована длинной осью в широтном направлении. Скелет взрослого мужчины лежал вытянуто на спине, головой на запад, со

смещением к южной стенке могилы. Под ним сохранились продольные и восемь поперечных плах решетчатого гроба. В северо-западном углу могилы положен череп коня, под северной стенкой, ближе к центру, его конечности, отрубленные по колено. Слева от погребенного, за гробом, найдены сабля и стремя. Справа у черепа обнаружена серьга, у левого крыла таза — колчан со стрелами, на тазовых костях — остатки нарядного пояса. Чуть ниже, между бедренными костями ног, лежали портупейные кольца, нож и кресальный кремень. В зубах коня были зажаты удила, а на черепе и рядом с ним найдены серебряные накладки уздечного набора. Последние лежали цепочкой и заканчивались бляхой налобника, помещенной по центру груди погребенного. Ниже приводится детальное описание инвентаря.

Удила — железные кольчатые двусоставные. На стержне грызла, рядом с подвижными кольцами, пробиты дополнительные отверстия, в одном из которых находился псалий, известный под названием «крылатый» (рис. 1.1). А. Н. Кирпичников выделяет подобные псалии в тип III и отмечает, что они относятся к довольно редкой форме неуточненного, по-видимому, Северо-Причерноморского, происхождения. Впервые они появляются в X—XI вв. и известны как в кочевнических древностях печенегов, черных клобуков, так и у пруссов и волжских болгар. Полностью аналогичные нашим удила происходят из Новгорода и датируются второй половиной XI в. [2, с. 12, 16].

Уздечный набор представляет собой комплекс литых серебряных накладок, украшенных позолотой и чеканкой. Наконечники ремней оголовья удлиненной формы (2 экз.). Верхний конец имеет треугольный вырез, нижний заострен. Края оформлены каннелюрованным золоченым бордюром. Позолочена также врезная Х-видная фигура в центре выпуклого полированного щитка. В верхней его части находится растительный орнамент, выполненный техникой чеканки серебром более высокой пробы (рис. 1.2). На оборотной выгнутой стороне три серебряных штифта с медными шайбочками.

Накладки сердцевидной формы с пятью петельчатыми выступами (2 экз.). В центре одной пробито круглое отверстие. Центр щитка заполирован, каннелюрованные края и выступы позолочены (рис. 1.3). Накладки щитовидной формы с глубоким треугольным вырезом (12 экз.) (рис. 1.4), оформлены в единой технике с наконечниками ремней. Накладка щитовидной формы в виде стилизованного колоска (рис. 1.5). Полностью позолочена, за исключением четырех каплевид-



Инвентарь из позднекочевнического погребения № 3 кургана 1 группы II у с. Преображенка: № 2 удила с «крыльчатым псалием; 2—7 — уздечный набор; 8 — налобник; 9 — стремя; 10 — сабля; 11 — золотая серьга; 12 — наконечники стрел; 13—14 — поясной набор

ных выпуклостей «зерен», центры которых инкрустированы серебром более высокой пробы.

Щитовидная накладка с гладкой неорнаментированной поверхностью (рис. 1.6). Изготовлена из высокопробного серебра.

Щитовидная накладка с выпуклой поверхностью и врезным треугольником в верхней части (рис. 1.7). Изготовлена из меди с незначительной примесью серебра.

Налобник овальной формы. Выкован из тонкого медного листа, на который наложена серебряная пластина, закрепленная по краю 9 серебряными заклепками (рис. 1.8).

Бляхи уздечного набора, за исключением двух накладок, описанных последними (вероятно, они были изготовлены взамен утерянных), выполнены в единой технике и представляют собой образец сложного и дорогостоящего ремесленного искусства. По технике исполнения и некоторым деталям растительных пальметок этот комплекс наиболее близок к византийскому орнаментальному искусству XI—XII вв. [3, с. 157]. Но не исключено, что происходят они из северопричерноморских центров, где в XI — начале XII в. отмечена ориентация мастеров-ювилеров на византийский стиль [4, с. 29—31].

Конский налобник прямых аналогий не имеет, но наиболее близкие изделия были найдены в Шестовцах, Гнездове и Новгороде и датируются X — серединой XI в. Они могли применяться и для украшения одежды воина [2, с. 20—22].

Стремя — с арочной дужкой и узкой прогнутой подножкой (рис. 1.9). Прорезь для путлища помещается в петлеобразном выступе. По классификации А. Н. Кирпичникова и Г. А. Федорова—Давыдова соответственно типы III и Б-III. Датируются X — первой половиной XI в. [2, с. 45, 48, 5, с. 11—14].

Сабля — с почти прямым лезвием и слегка отогнутой рукоятью. Конец лезвия обломан в древности (рис. 1.10). Сабля такого типа имеют аналогии в хазарских и русских памятниках X—XI вв., в материалах Волжской Болгарии и Венгрии IX—X вв. [5, с. 22, 23].

Серьга — золотая, согнута в кольцо из прута ромбического сечения, диаметр 3 см (рис. 1.11).

Стрелы — железные черешковые, вильчатой и листовидно-ромбических форм (рис. 1.12). Вильчатый срезень по классификации Г. А. Федорова—Давыдова (тип В-VI) датируется X. в. Аналогии стреле были найдены на городище Екимауцы, а также в Гнездовском могильнике. Подобные стрелы были распространены у печенегов. Стрелы листовидно-ромбической формы имеют датировку X—XI вв. Их аналогии

были также найдены в Гнездовском и Малышевском могильниках и на городище Екимауцы [5, с. 25—28; 6, табл. 15, 16, 18].

Пояс представлял собой ремень из толстой светлой кожи, сужавшийся от поясницы, где его ширина 4 см, к концам до 1,8 см. С боков его охватывали гладкие серебряные пластины с заходящими за края концами и отверстиями по краям. Переднюю часть пояса украшали щитовидные накладки. Застегивался пояс при помощи серебряной пряжки.

Накладки — серебряные щитовидной формы (рис. 1.13). Металл сильно разрушен из-за свинцово-оловянных добавок. По оформлению щитка они имеют сходство с сердцевидными накладками уздечного набора, но лишены позолоты и инкрустированы только чернью. Композиция оформления щитка в виде трехлепестковой пальметки — широко распространенный мотив в памятниках IX—XII вв. [4, с. 32, 33].

Пряжка серебряная с подвижным язычком и подпрямоугольным щитком. На щитке выпуклый орнамент в виде переплетенных лоз. Крепилась к ремню при помощи штифтов и медной пластины (рис. 1.14). Мотивы такого орнамента широко распространены как на Востоке, так и в Западной Европе. В целом техника изготовления пряжки и очень хороший состав серебра позволяют говорить о разных местах изготовления пряжки и поясных накладок.

Учитывая, что в могилу были положены кости ног коня, отрубленные по коленный сустав, можно, опираясь на разработанную А. Г. Атавиным классификацию, отнести погребение в кургане у с. Преображенка ко II типу, который датируется X—XI вв. [7, с. 136—138].

Суммируя вещи, дающие наиболее четкую датировку (удила с «крыльчатым» псалием, стремя с выделенной петлей, стрелы, саблю), мы датируем погребение началом — серединой XI в. Не противоречат этой датировке уздечный и поясной наборы.

В первой половине XI в. началось отступление из южнорусских степей печенегов под давлением племен гузо-торческого союза, в который входили также и кипчаки-половцы [8, с. 164, 165]. Черты погребального обряда смешались. Поэтому погребения этого периода трудно определить этнически. Их относят суммарно к торко-печенежским и черноклобуцким.

Установлению этнической принадлежности в нашем случае помогает такая важная деталь, как «решетчатый гроб». Его присутствие в могилах С. А. Плетнева относит к IV признаку половецких захоронений [8, с. 173].

На нашей территории погребения с «решетчатыми гробами» были известны с XII в. [9, с. 143—149]. Погребение у с. Преображенка позволяет отодвинуть эту дату к середине XI в. Можно также предположить, что погребенный половецкий воин состоял на службе у русских князей, т. к. украшения конской узды, оголовья, некоторые типы стрел имеют русское происхождение. А появление крупных сил половцев на северной границе Руси в 1055 г. упоминается в летописном своде «Повести временных лет», что также подтверждает предлагаемую датировку описываемого погребения.

Библиографические ссылки

1. Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Мухопад С. Е., Шалобудов В. Н. Раскопки в Среднем Приорелье //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985.
2. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. //САИ. 1973. Вып. Е 1-36.
3. Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX—XIII вв. М., 1978.
4. Орлов Р. С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X—XI ст. //Археологія. 1984. № 47.
5. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
6. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострелы) //САИ. 1966.
7. Атавин А. Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X—XI вв. //САИ. 1984. № 1.
8. Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях //МИА. 1958. № 62.
9. Шалобудов В. Н., Яремака В. П. Кочевнические захоронения X—XII вв. на р. Волчьей //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985.

Л. Н. ЧУРИЛОВА

О СЕМАНТИКЕ РИСУНКОВ НА ПОЛОВЕЦКИХ ИЗВАЯНИЯХ

Половецкая скульптура наряду со святилищами, где она устанавливалась, является в настоящее время наиболее полным источником для изучения религиозно-мифологических представлений половцев и шире — средневековых кочевников Восточной Европы. Этот источник могут дополнить обнаруженные на поверхности некоторых половецких статуй рисунки — изображения животных, антропоморфные фигуры. В настоящее время их известно сравнительно немного — 8. Шесть рисунков опубликованы С. А. Плетневой [1, с. 32, рис. 10, 48—53]. Это рисунки, нанесенные на поверхность

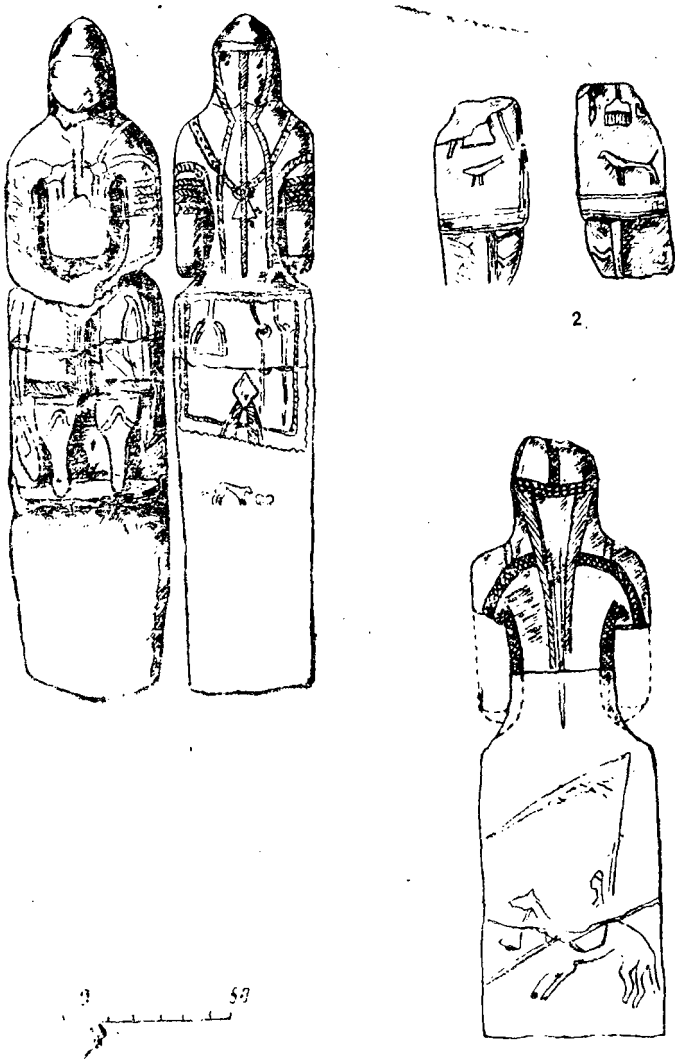


Рис. 1. Половецкие изваяния:

1 — изваяние из Симферопольского историко-краеведческого музея; 2 — изваяние из Краснодарского историко-краеведческого музея; 3 — изваяние из Херсонского краеведческого музея

статуй из коллекций Симферопольского историко-краеведческого музея [1, с. 32, рис. 10, 51], Краснодарского историко-краеведческого музея [1, с. 32, рис. 10, 52, 53], Херсонского краеведческого музея [1, с. 187, табл. 71, 1206] и Одесского археологического музея [1, с. 32, рис. 10, 48]. Еще два рисунка находились на несохранившихся статуях, происходивших с территории Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровской области) [1, с. 32, рис. 10, 49, 50]. Седьмой рисунок, из Аскании-Новы, опубликован сравнительно недавно Я. Дашкевичем [2, с. 154]. Восьмой обнаружен на поверхности статуи, найденной при раскопках кургана в Томаковском районе Днепропетровской области в 1975 г., к сожалению, не опубликован.

Почти все рисунки (шесть из восьми рис. 1.1, 3; 2.1, 2, 3) размещались на тыльной стороне статуй в верхней части пьедестала. Большинство из них отличают монументальность (исключение—более миниатюрное изображение сцены охоты—рис. 1.1) и тщательность исполнения. Все рисунки прекрасно вписываются в определенную для них поверхность, их месторасположение, размеры большинства изображений — пяти из восьми—вызывают мысль о том, что они предназначались для взоров участников ритуальных церемоний. Несомненно, рисунки были выполнены в половецкое время. Статуи, на поверхности которых обнаружены рисунки, датируются XII — началом XIII в. С приходом монголо-татар традиция ваяния статуй, посвященных предкам, исчезает.

Расположение рисунков на поверхности культовых статуй наводит на мысль об их связи с магическими представлениями. Подтверждает это и анализ изображений.

Из семи опубликованных рисунков на двух непосредственно изображены животные — собаки (одна из которых в паре с птицей), сурок, еще два включают в себя образы зверей — лошадей, косуль*. Собака преследует зверька (сурка?) — этот рисунок, трактуемый как сцена охоты, обнаружен на тыльной стороне статуи, находящейся в Симферопольском музее [1, табл. 65, 1156] (рис. 1.1). На этом же изваянии на лицевой стороне пьедестала изображен предмет, который, на наш взгляд, помогает расшифровать смысл рисунка. По мнению исследователей [1, с. 33], в камне запечатлены очертания музыкального инструмента типа кочевнического комса (рис. 1.1). В древних преданиях многих народов прослежи-

---

* Видовая принадлежность изображенных на рисунках животных и птицы была определена О. И. Березиным, зав. лабораторией зоологического музея Днепропетровского государственного университета.

вается связь пения, игры на музыкальных инструментах с колдовством, шаманством [3, с. 71]. Это в полной мере относится к тюркским и монголоязычным народам Центральной Азии, Сибири, родственным средневековым кочевникам евразийских степей. У них шаманы являлись основными хранителями эпических преданий [3, с. 71; 4, с. 66]. Среди этнических групп Саяно-Алтая были широко распространены мифы о любви горных духов-покровителей охоты к музыке, сказкам. Недаром на охоту брались музыканты, сказители, которые должны были услаждать духов охоты и тем самым обеспечивать удачу в промысле [5, с. 242]. Может быть, изображением такого сказителя, исполнителя героического эпоса, помощника охотников и является каменная статуя из Симферопольского музея.

На полы кафтана другой статуи, экспонирующейся в Краснодарском музее, нанесено изображение собаки слева и птицы (видимо, водоплавающей — гуся или утки) справа (рис. 1.2). С. А. Плетнева рассматривала их как стилизованные изображения настоящих животных, спутников охотника, либо в связи с нагуализмом как изображения духов-покровителей умершего [1, с. 73]. Образы собаки и птицы в древности занимали важное место в заупокойном культе, представлениях о загробном мире, посмертных перевоплощениях души. Особенно это характерно для птицы, которая на протяжении долгого времени у многих народов ассоциировалась с душой. Существовала вера в то, что после смерти человека его душа переселяется в птицу и птица переносит душу мертвого в загробный мир [6, с. 107]. Например, у обских угров, ближайших соседей кимако-кипчакских племен, в эпоху средневековья существовало представление, что одна из душ человека принимала облик птицы [7, с. 126]. Причем птицу изображали в зависимости от того времени года, когда умирал человек: зимой — тетерев, глухарь; летом — утка или ворон [7, с. 132].

Достаточно широко использовался в заупокойном культе и образ собаки. По одним представлениям собака выполняла роль злобного стража загробного мира, по другим — охраняла душу умершего от злых духов [6, с. 111, 112; 8, с. 168]. В этих магических представлениях отразилось амбивалентное отношение к собаке — почтительное у одних народов, отрицательное — у других [9, с. 135]. Можно предположить о существовании у половцев почтительного отношения к собаке. Вспомним, например, имя половецкого хана Кобяка, в переводе с тюркского языка означающее «кобель»; другой пример — находки костей собаки в святилищах [10,

с. 192]. У киргизов, ближайших родственников средневековых кипчаков, сохранилась легенда об их происхождении от красной собаки [6, с. 113].

Так же, как собаку, тюрко-монгольские народы почитали птиц, особенно хищных — орла, беркута [11, с. 14; 12, с. 62; 5, с. 115], поклонялись и водоплавающим птицам, прежде всего лебедю [5, с. 115; 12, с. 57], а также гусю, утке [11, с. 14; 13, с. 137]. Эти птицы часто упоминались в героическом эпосе [11, с. 14].

Союз собаки и птицы, объединение их в пару существовало в мифологии народов Средней Азии, Китая, с которыми непосредственно контактировало население районов Центральной Азии, Западной и Южной Сибири. На металлических изделиях Древнего Ирана, Средней Азии изображались сенмурвы — собако-птицы, оберегавшие от зла [14, с. 36]. В религии Древнего Китая собака и птица выступают вместе в качестве спутников духа природных стихий [15, с. 73]. Возможно, и собака с птицей на половецкой статуе изображены вместе не случайно. Можно предположить, что образы этих существ, окруженных почитанием, могут расшифроваться, учитывая вышеизложенное, в связи с заупокойным культом как изображение души умершего или ее стража.

Существует другое толкование. В мифах, сказаниях народов Сибири птицы, в частности водоплавающие,—гусь, утка — упоминались как творцы мира [13, с. 137; 16, с. 106]. Таким же смыслом, по предположению Д. С. Раевского, наделены образы водоплавающих птиц на скифских культовых предметах [17, с. 59]. Ульгень — верховное божество древних тюркоязычных народов — по алтайскому мифу изображался в виде гуся или утки [13, с. 137]. С мифом о сотворении мира, человека у ряда народов Сибири, Поволжья (эвенки, марийцы и т. д.) была связана и собака [18, с. 190]. Таким образом, может быть, собака и птица на половецкой статуе изображены как персонажи космогонического мифа, по всей вероятности, хорошо знакомого и творцу статуи и его современникам.

Для того чтобы победила та или иная версия в толковании вышеописанного рисунка — хтоническая или космогоническая, — необходимо, конечно, привлечение более широкого круга источников как археологических, так и этнографических, фольклорных.

В начале 70-х гг. на поверхности статуи из Аскании-Новы был обнаружен оригинальный по своему сюжету и композиции рисунок (рис. 2.1). На тыльной стороне изваяния, ниже края кафтана, рельефно изображены в стиле «зеркального отражения» две косули. Судя по их размерам, по миниатюр-

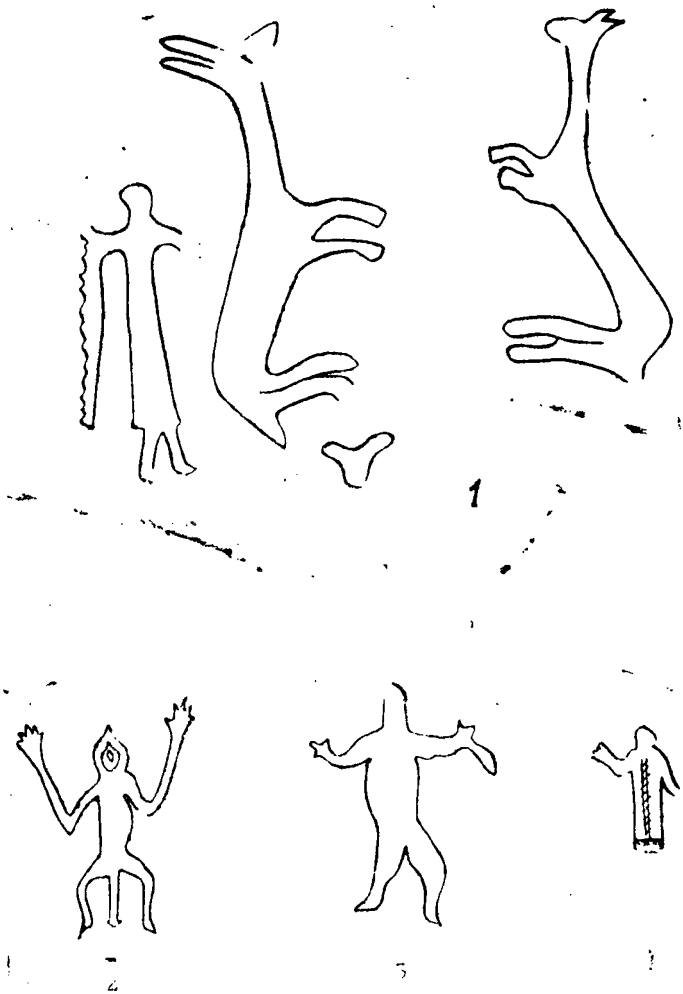


Рис. 2. Изображения на изваяниях:

1 — изображение косуль. Изваяние из заповедника Аскания-Нова; 2 — антропоморфная фигура. Изваяние из Екатеринославской губ.; 3 — антропоморфная фигура. Изваяние из Екатеринославской губ.; 4 — амулет-онгон. Изваяние из Одесского археологического музея

ности одной из косуль, — это могут быть самец и самка. Сбоку, слева от них, мы видим фигуру человека в шапке в виде усеченного конуса*, в длинной одежде. В правой руке у него (или к правой руке примыкает) большой длинный предмет, одна из сторон которого зубчатая. В нижней части рисунка находится изображение, напоминающее очертаниями сброшенные рога. Я. Дашкевич, опубликовавший изваяние, трактует рисунок как сцену охоты, а зубчатый предмет как щит [2, с. 154]. Изображение косуль, конечно, может указывать на связь с охотой. Что же касается предполагаемого щита (более атрибута войны, чем охоты) — зубчатого предмета, то аналогия ему была найдена среди самых мирных предметов: он оказался похожим на счетную бирку, найденную в кочевническом погре-бении XIII—XIV вв. в кургане у с. Ново-Подкряж Днепропетровской области (20, с. 95, рис. 2, 4). Правда, размерами своими бирка уступала предмету в правой руке человека с половецкого рисунка. Причина такого гипертрофированного изображения может быть объяснена той важной ролью, которую предмет мог играть в общем смысле рисунка. Если на рисунке мы видим счетную бирку, то всю композицию можно предположительно определить как изображение обряда умножения поголовья животных, тем более что на рисунке — пара животных — предполагаемые самец и самка. Тогда человеческая фигура со счетной биркой в руке может быть изображением духа-покровителя охоты, хозяина животных, способствующего их размножению (отсюда и счетная бирка).

Это толкование, конечно, очень условно. Аналогии, подтверждающие характер этой сцены, среди евразийских материалов, в частности среди наскальных рисунков Сибири, отсутствуют. Но основание для подобного объяснения семантики изображения, на наш взгляд, есть. Это широкое распространение у всех тюркоязычных народов Сибири культа духов-покровителей охоты, духов местной природы [5, с. 241]. Местами поклонения им были обоо или оваа — памятные жертвенные места, сооружаемые из камней и ветвей. Культ оваа, обоо имел широкое распространение на территории Саяно-Алтая, Центральной и Средней Азии [21, с. 185]. У киргизов, в частности, обоо были связаны не только с культом природы, но являлись также местами почитания предков [22,

* Шапочки усеченно-конусообразной формы изображались на древнетюркских изваяниях. По мнению В. Д. Кубарева, они относились к «особым головным уборам древнетюркской знати», которые могли носить ритуальное значение. Сохранялись в одежде знати Средней Азии до XV в. [19, с. 25].

с. 56]. По всей вероятности, половецкие святилища, родственные обоо Азии, помимо своей установленной связи с культом предков, были посвящены духам-хозяевам местности, покровителям охоты, хозяевам зверей. Половецкие святилища, как азиатские обоо [21, с. 185], расположены на хорошо просматриваемом месте, недалеко от дорог. Можно вспомнить и находку скульптуры медведя в одном из святилищ [3, с. 208].

Изображения всадников запечатлены на двух статуях. На обороте изваяния из Херсонского краеведческого музея мы видим величавого всадника под развернутым штандартом (рис. 1.3). На голове всадника-воина сфероконический шлем, в левой руке — опущенное вниз копье. С шеи коня свисает какой-то предмет типа конической сумки. Над всадником возвышается на длинном древке штандарт. В целом силузты коня и человека отличаются большой выразительностью. Такой же всадник с гордой посадкой и копьем в руках изображен на изваянии из Томаковского района Днепропетровской области. К сожалению, как уже указывалось, рисунок не опубликован и его детали неизвестны.

Образ всадника относится к числу излюбленных и широко распространенных образов в культовой иконографии, в искусстве евразийских кочевников от эпохи раннего железного века до средневековья. Он был популярен еще в скифо-сакском мире. У индо-иранцев его заимствовали тюркоязычные племена Сибири (24, с. 105). В виде всадников изображались герои, цари, божества [24, с. 107; 25, с. 143].

Наиболее близкие по времени аналоги всадникам на половецких статуях — рисунки всадника из Маяцкого городища [26, с. 66, рис. 7] преславского всадника VIII—IX вв. из Болгарии [27, с. 208]. Эти изображения роднит величавость позы всадников. «Это всадник—победитель и покровитель, тот, которому поклонялись в степи, окружая его образ почти божественными почестями» [26, с. 68].

Тюркские средневековые изображения всадников, видимо, были связаны с культом племенного бога, «бога народа-завоевателя» [28, с. 371]. Племенное божество в эпоху военной демократии выполняло также функции бога войны [29, с. 44], может быть, потому в руках у всадников мы видим оружие: лук со стрелами и копье. К образу племенного бога нередко присоединяли черты небесных мифических существ, например, в виде всадника изображали Тенгри—Хана, верховное божество неба тюркоязычных народов [6, с. 138].

Среди антропоморфных рисунков особое внимание обращает на себя изображение пляшущего обнаженного мужчины,

находившееся на тыльной стороне пьедестала мужского изваяния из Екатеринославской губернии (рис. 2.2). Мужчина, видимо, изображен в момент камлания, экстатического общения с духами. Воздетые вверх руки — поза оранты — обращение к божеству; остроголовость — характерный признак шаманских образов Сибири и Поволжья [30, с. 147]; наконец, подчеркнутый фаллический характер изображения — свидетельства связи описываемого рисунка с магическими представлениями. Изображения подобного рода, возникшие на почве культа плодородия, шаманизма, имели широкое временное и территориальное распространение. Они встречаются среди наскальных рисунков Сибири и севера Европейской части СССР, в пластике [31, с. 124; рис. 7, к. 1, с. 125, рис. 8, к. 1, 32, с. 18; 33, с. 268]. Аналогичны им антропорфные подвески-амулеты, широко распространенные на территории Евразии от эпохи раннего металла до периода раннего средневековья [34, с. 249; 35, с. 254]. Аналогии самые близкие по времени — средневековые (IX—X вв.) рисунки, изображающие пляшущих шаманов, прочерченные на поверхности сасанидских сосудов, найденных в Прикамье и Западной Сибири [36, с. 15].

От публикуемого нами рисунка шаманы с сасанидских сосудов отличаются тем, что в поднятых руках у них — сабли. На головах у них, помимо остроконечных головных уборов, часто изображены трехрогие шаманские короны. Но в целом позы пляшущих фигурок, исполненных экспрессии, очень близки рисунку с половецкой статуи.

Итак, описываемый нами рисунок изображает обнаженного мужчину (шамана или духа) в момент исполнения ритуального танца. На лицо у него, может быть, надета маска, так как черты лица не выражены, кроме предполагаемого крупного носа. О существовании у средневековых тюрок ритуальных эротических танцев с масками позволяет судить рисунок, найденный на одном из блоков Маяцкого городища [26, с. 74, рис. 11]. Он изображает двух танцующих обнаженных мужчин. На лице одного из них, как предполагает С. А. Плетнева, маска с таким же гипертрофированно крупным носом, как на половецком рисунке. Существует этнографический материал, позволяющий, на наш взгляд, точнее определить семантику описываемого рисунка. У северных алтайцев, в частности у кумандинцев, существовал эротический обряд коча-кан, связанный с культом плодородия [37, 38, с. 31]. ъо время исполнения обряда шаман, надев маску и взяв деревянный фаллос, вызывал Кочу-Кана, внука Ульгеня, и изображал жеребца в состоянии крайнего возбуждения.

Ульгень, верховое божество алтайцев, через Кочу посылал людям душу одного из своих жеребцов-производителей [38, с. 31]. На возможную связь публикуемого рисунка с обрядом коча-кан указывает, во-первых, гипертрофированное изображение маски на лице. Подобные фаллические образцы этнограф С. В. Иванов рассматривал в связи с культом Кочи-Кана. В. Д. Кубарев считает изображением Кочи фаллическую фигуру, нанесенную в более позднее время на поверхность древнетюркского изваяния с Алтая [39, с. 36].

В момент исполнения ритуального танца (на это указывают расставленные ноги, вывернутые ступни) запечатлена, вероятно, и другая мужская фигура — остроголовая, мешковатая, трехпалая. В левой руке у нее — листовидный предмет, напоминающий массивный нож [1, с. 37] или меч, опущенный вниз (рис. 2.3). Этот рисунок находился на поверхности мужского изваяния (также сзади, на пьедестале), происходящего из Павлоградского района Днепропетровской области.

Если описываемая мешковатая фигурка изображена в момент танца, то уместно, на наш взгляд, вновь вспомнить воинственные шаманские фигурки на сасанидских сосудах Прикамья. Эти рисунки обских угров рассматриваются как изображение шаманского танца, связанного с охотничьей магией [36, с. 15]. К области охотничьей магии относятся созданные воображением средневекового населения Нижнего Приобья менквы—духи, изображаемые в виде существ со смешанными чертами человека и медведя. Это были мешковатые, медведеобразные фигуры с остроконечными или многоконечными головами [40, с. 190]. Обским менквам близки по своему магическому содержанию критские куреты, зверорожденные существа, духи природы, входящие в свиту богини Реи (богини-Матери, олицетворявшей природу). Во время исполнения оргиастического обряда куреты ударяли мечами в щиты [41, с. 32[. Эта аналогия, отделенная во времени и географии, становится ближе, если учесть древнейшее индоиранское влияние на мифологию народов Сибири и Центральной Азии [42, с. 147; 10, с. 9—10].

Образ пляшущего существа на половецкой статуе близок образу обского менква: та же медведобразность фигуры, трехпалость, остроконечная голова. Существование подобного образа, связанного с охотничьей магией, у половцев вполне вероятно. Мы знаем, какое важное место занимала у поздних кочевников охота, и можем уверенно предполагать существование у них культа промыслового зверя, культа медведя. Свидетельствуют в пользу этого предположения, помимо упомя-

путой выше и каменные скульптуры медведей и кабана (?), обнаруженные в средневековом кочевническом святилище, исследованном в 1980 г. Запорожской экспедицией АН УССР*. Кроме того, обские угры были непосредственными соседями кимакско-кипчакских племен, и магические представления этих народов могли оказывать друг на друга определенное влияние, в частности в области обрядов и представлений, связанных с охотничьим промыслом.

У пояса мужского изваяния из Одесского археологического музея изображена человечекая фигура с круглой головой в длинном одеянии с застежкой впереди и широкой полоской орнамента на подоле. Левая рука у нее опущена, правая, согнутая в локте, поднята вверх (рис. 2.4). Это изображение трактуется как амулет-онгон. Действительно, и месторасположение рисунка у пояса, и его условный характер позволяют предполагать это. По всей вероятности, онгонами были и находимые в степных погребениях XIII—XIV вв. пластинчатые человеческие фигурки, стиль которых также отличается схематизмом, упрощенностью [43, с. 258, рис. 90, 41]. Этнографические источники свидетельствуют, что онгоны, являясь покровителями охотников, были обобщенными изображением духа предка [44, с. 53].

Завершив анализ рисунков, обнаруженных на половецких статуях, мы констатируем скудность археологических источников, которые можно было бы привлечь для интерпретации изображений. В этих условиях большое значение приобретают этнографические источники, играющие, как известно, важную роль в реконструкции религиозных представлений древности. В данной статье таким источником стали религиозные представления и обряды тюрко-монголоязычных народов Сибири, Центральной и Средней Азии, родственных средневековым кочевникам евразийских степей. Безусловно, учитывая временной барьер, мы строим свои выводы и заключения, опирающиеся на этнографические параллели, с большой долей условности и гипотетичности. Но не стоит, конечно, недооценивать этнографические источники, помня о консервативности религиозных представлений, о том, что пережитки архаических форм религии сохраняются очень длительное время.

---

* Выражаю искреннюю признательность сотрудникам Института археологии АН УССР начальнику Запорожской экспедиции В. В. Отрощенко, мл. науч. сотр. Ю. Я. Рассамакину за предоставленную возможность познакомиться с материалами раскопок средневекового святилища у с. Черноземного Запорожской области, а также за разрешение упомянуть в данной статье найденные там каменные скульптуры зверей.

Помимо расширения круга источников для успешного решения проблем, аналогичных затронутым в данной статье, необходимо изучение данной проблематики в целом и прежде всего воссоздание мифологической модели мира, существовавшей у средневековых кочевников [5, с. 6].

Предварительно по ряду признаков (прежде всего, социально-экономических) можно с большой долей уверенности предположить, что идеология половцев находилась на уровне перехода от космологических представлений к раннеисторическим, характерным для периода разложения первобытнообщинного строя и формирования раннеклассового общества [45, с. 49].

Что же касается непосредственно семантики проанализированных рисунков, она подтверждает синкретический характер мировоззрения поздних кочевников, в частности половцев, когда элементы архаических мифо-поэтических представлений, заключенные в пережитках тотемизма, культа плодородия, поклонения природным стихиям сосуществовали и сливались с ранними религиозными представлениями — шаманизмом, тенгризмом. Практически во всех рисунках отразился характерный для древних охотников-скотоводов культ животных. Четыре из восьми описанных рисунков (рис. 1.1; 2.1, 3, 4) прямо или косвенно могут быть связаны с древнейшим промысловым культом, охотничьей магией. Под влиянием начавшегося разложения родоплеменного строя у средневековых обитателей евразийских степей распространяются указанные выше шаманизм, культ племенного бога, и т. д. На это указывают рис. 1.3; 2.2.

Таким образом, мы можем с большой долей уверенности говорить о культовом, сакральном, характере половецких рисунков. Нанесенные на поверхность культовых статуй, они могут уточнить и дополнить лаконичные сведения о религиозных представлениях поздних кочевников, обитавших в X—XIII вв. в степях Восточной Европы.

Библиографические ссылки

1. Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния //САИ. М., 1974. Вып. Е4-2.

2. Дашкевич Я., Трыярски Э. Каменные бабы причерноморских степей. Коллекция из Аскании Новы. Вроцлав, 1982.

3. Мороз Е. Л. Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси //Фольклор и этнография. Л., 1977.

4. Кулемзин В. М. Шаманство Васюганско-ваховских хантов (конец XIX — начало XX вв.) //Из истории шаманства. Томск, 1976.

5. Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.

6. Соколова З. П. Культ животных в религии. М., 1972.

7. Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров //Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
8. Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
9. Жельвис В. И. Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) //СЭ. 1984. № 3.
10. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
11. Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири //АСГЭ. 1961. № 3.
12. Галданова Г. Р. Почитание животных у бурят //Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
13. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. Л., 1971.
14. Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976.
15. Бань—Гу. Старинные истории о ханском У-ди-государе воинственном //Пурпурная яшма. М., 1980.
16. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978.
17. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
18. Василевич Г. М. Ранние представления о мире у эвенков //Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
19. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
20. Шалобудов В. Н., Кудрявцева И. В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья //Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.
21. Дьякова В. П. Религиозные представления тувинцев //Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977.
22. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
23. Швецов М. Л. Половецкие святилища //СА. 1979. № 1.
24. Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов //Скифы и Сарматы. Киев, 1977.
25. Ростовцев М. И. Бог — всадник — Seminarium Kondakovium. Прага, 1927.
26. Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища //Маяцкое городище. М., 1984.
27. Дончев С. Восточные параллели Преславского и Мадарского всадников и сведения о европейских гуннах //У истоков творчества. Новосибирск, 1978.
28. Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964.
29. Токарев С. А. Сущность и происхождение магии //Исследование и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
30. Лещенко В. Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья //СА. 1970. № 3.
31. Гурина Н. Н. Наскальные рисунки Кольского полуострова и сопредельных областей (общие и специфические черты) //Звери в камне. Новосибирск, 1980.
32. Куратов А. А. Петроглифы на Пинеге //АО. 1972.
33. Швецов М. Л. Стела V—VII вв. из Приазовья //СА. 1980. № 4.

34. Хлобыстина М. Д. К семантике карасукских лапчатых подвесок //СА. 1967. № 1.

35. Кругликова И. Т. IV—V вв. до н. э. в дер. Айвазовское //СА. 1957. № 2.

36. Лещенко В. Ю. Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари). Л., 1971.

37. Сатлаев Ф. А. Коча-Кан — старинный обряд испрашивания плодородия кумандинцев //Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX в. — нач. XX в. Л., 1971.

38. Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979.

39. Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979.

40. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в 1 тыс. до н. э. //МИА. 1957. № 58.

41. Антонова Е. В. О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии (по материалам Чатал-Хююка и Хаджилара //Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

42. Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии //Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

43. Плетнева С. А. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

44. Галданова Г. Р. Эволюция содержания охотничьего культа //Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

45. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы, получившие отражение в статьях и публикациях сборника, в определенной степени расширяют и конкретизируют сведения о характере памятников эпохи бронзы — раннего железного века, их внутреннем соотношении, отдельных сторонах хозяйственной деятельности оставившего их населения, его идеологии. Большинство рассматриваемых памятников впервые вводятся в научный оборот.

Сказанное приобретает особое значение в связи с подготовкой к изданию «Свода памятников истории и культуры народов СССР». Причем составной частью его являются археологические памятники Днепропетровской области, в исследовании которых заметное место принадлежит новостроечной экспедиции Днепропетровского университета. Сегодня уже невозможно создание обобщающих работ в области археологии бронзового века Восточной Европы без их учета, что диктует необходимость максимально оперативной полной и графически насыщенной публикации материалов с привлечением аналогий с соседних территорий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ	— Археологические исследования на Украине
АП	— Археологічні пам'ятки
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	— Вестник древней истории
ВКУ	— Вісник Київського університету
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии
ИАК	— Известия императорской археологической комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА АН УССР	— Научный архив института Археологии Академии Наук УССР
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
УІЖ	— Український історичний журнал

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Андросов А. В., Ярменко И. И., Мартюшенко Д. В. Курганы эпохи энеолита-бронзового века Каменского поля 4

Марина З. П., Ромашко В. А., Фещенко Е. Л., Войтюк П. В. Курганный могильник у с. Вербки 22

Бондарь Н. Н. Поселение эпохи ранней бронзы на Нижнем Днепре 38

Ляшко С. Н. Обработка кожи в Северном Причерноморье в эпоху бронзы 50

Ковалева И. Ф. Срубные погребения с наборами альчиков 59

Мельник А. А., Ромашко В. А. Киммерийские погребения Криворожья 71

Полин С. В., Симоненко А. В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья 76

Костенко В. И., Мухопад С. Е. Скифские могильники у с. Усть-Каменка Днепропетровской области 96

Шалобудов В. Н. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях 107

Безверхий А. П. Датировка и этническая принадлежность кочевнического погребения у с. Преображенка 119

Чурилова Л. Н. О семантике рисунков на половецких изваяниях 124

Заключение 137

Список сокращений 138

Темплан 1990, поз. 4

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ПОДНЕПРОВЬЯ

Редактор И. А. Кравцова
Техредактор В. А. Усенко
Корректоры Л. П. Небогатова, Е. А. Зуева

Сдано в набор 20.08.90. Подписано в печать 25.02.91.
Формат 60×84/16. Бумага типографская. Печать высокая.
Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 8,13+0,86 вкл. Уч.-изд. л. 8,38+0,79 вкл.
Тираж 500 экз. Заказ № 986. Цена 1 р. 40 к.

Издательство ДГУ, 320625, ГСП,
г. Днепропетровск—10, пр. Гагарина, 72.
Типография ДГУ, 320110, г. Днепропетровск, ул. Казакова, 4а